

Катя Водянова

Братство тёрна. Помощница профессора

* 1 * (Фредерика)

Говорят, если серебряную монету из руки покойника принести слепой трактирщице, что держит заведение на самой окраине леса, она приготовит тебе особый напиток. Выпьешь один глоток - и точно найдешь свое счастье.

Фредерика не отказалась бы от счастья, но раскапывать ради этого могилы или приглядываться к покойникам, что изредка находятся на улицах Эбердинга - тоже не решалась. Хотя при нынешнем положении дел у ее семьи и просто серебрянная монета не оказалась бы лишней.

Сегодня у Фредерики был назначен последний экзамен в университете, и если провалит его - поедет работать на самый край республики, по распределению от министерства. Более обеспеченные студенты уже давно выплатили кредит за свою учебу и могли сами выбирать дальнейшую судьбу, у Фредерики же на еду не всегда хватало, такие траты не для нее. Как и вариант самой найти работу и предоставить в университет бумаги о выкупе студенческого кредита.

Фредди обошла почти все столичные лицеи, интересовалась вакансиями гувернантки, но всюду отказ. Желающих зацепиться в Эбердинге хватало, никто не хотел терять статус свободного горожанина и становиться земпри. В минуты отчаяния Фредерика думала, что вполне справится с этим, приживется в деревне или в маленьком городе на северных окраинах республики: молодым учителям выделяли жилье и давали вполне пристойный оклад, но матушка, чуть заслышав о переезде, закатывала глаза и громко требовала подать ей сердечные капли. А после пускалась в воспоминания о том, как раньше блистал дом Алваресов, какие давал приемы, как сам император танцевал с матушкой на балу и даже шептал ей на ухо пошлости. А после, ах, что же было после!

Фредерика всей душой ненавидела рассказы о матушкиных похождениях и романах с императором, его младшим братом, какими-то графами и прочими. Она любила отца, погибшего на войне, и не желала думать, будто могла быть не его дочерью. Светлокожая и рыжая, точно как члены императорской семьи, Агата - точно не его, но родители и поженились всего за три месяца до рождения старшей дочери. Фредерика же появилась на свет спустя четыре года и предпочитала считать себя истинной Алварес. Благо и темные волосы, тонкие, самую малость резковатые черты лица, высокие скулы, аккуратный рот, а особенно "фамильный" нос с легкой горбинкой намекали на текущую в жилах кровь.

Фредерика старалась соответствовать, быть стойкой и сильной, как отец. Хотя иногда и хотелось подобно Агате сбежать из-под матушкиного крыла и устроиться на швейную фабрику. Агата стригла волосы по новой моде, носила брюки и уже дослужилась до целого мастера цеха и собственной квартиры с видом на городской парк.

Матушка же цеплялась за половину их бывшего дома, которую милостиво сохранил за ними премьер-министр, вздыхала и ждала новой революции, которая вернёт прежние времена. Почти все деньги от правительственных компенсаций и вдовья пенсия уходили на содержание дома, потому Фредерика и матушка зачастую жили впроголодь. А теперь ещё и возможный отъезд за пределы всех трех линий Эбердинга и перспектива лишиться последнего, что связывает Алваресов с их корнями. Если Фредди провалит экзамен. Отличника учебы еще могли оставить при университете, но хорошисту остается только паковать чемоданы.

Фредерика вытащила билет, прочитала вопросы на нем и почувствовала, как холодеют пальцы. Первый же вопрос по истории революции, которую она знала постольку-поскольку. Матушка, завидев эту книгу в руках Фредерики, начинала злиться и стонать, заваливала воспоминаниями о былом и требовала никогда не открывать "книгу лжи", ведь все знают, что скоро объявится Братство тёрна и вернет на трон императора. И снова все будет как раньше: в дом Алваресов хлынут деньги с северных шахт, плантаций на новых землях и пары фабрик. Фредди в это не верила, после свержения императора прошло семь лет, а из борцов с режимом остались только домоседы вроде матушки и ее друзей, которые много ворчат, но ничего не делают. Поэтому нужно сосредоточиться и попытаться вспомнить, какое же положительное влияние революция оказала на развитие химии, как науки, если Фредди хочет остаться в столице.

Профессор Медина смотрел строго, стучал карандашом по столу, но ни разу не поторопил Фредерику, как и другие профессора. Постепенно аудитория пустела, одна за другой ее покидали студентки и преподаватели, оставив только их двоих. Медина встал, стер с доски все, сложил журналы, защелкнул портфель и неспешно, как сытый кот, двинулся в сторону Фредди.

* 2 * (Фредерика)

Такой высокий, почти на две головы выше ее самой, широк в плечах, а пиджак обтягивает так, что видно и узкую талию и развитые мышцы рук. Темные волосы профессор собирал в хвост, гладко брил подбородок и всегда был опрятен и подтянут, в отличие от всех тех пропахших потом и мочой стариков, что захаживали в дом матушки и украдкой подмигивали Фредерике.

- Алварес, вы хотите заночевать здесь? - Медина облокотился о ее стол и улыбнулся. - Надеетесь пробраться в библиотеку и под покровом ночи стащить книгу о революции? Или что знания сами всплывут в вашей голове?

- Нет, профессор, простите, профессор. Я готова ответить на второй, третий и четвертый вопросы, - она сделала виноватое лицо и сложила руки на колени. Вряд ли Медину можно этим пронять, но провалить экзамен и упустить шанс остаться в столице Фредди не хотелось. Да она просто не имела права на такое!

- Вам не нравится история революции? - он удивлённо приподнял брови. - Опасное пренебрежение, Алварес.

- Да, профессор.

Ее будто заклинило на слове "профессор". Но ничего другого не шло в голову.

- Я буду вынужден поставить вам "удовлетворительно", - профессор навис над ней, заслоня свет. - Если другие ответы прозвучат идеально. История революции - не тот предмет, где можно назначить передачу.

Фредерика жалобно всхлипнула. В своих знаниях по другим предметам она не сомневалась, проблемы были только с этой историей, всеми этими именами, датами и положительным влиянием революции на развитие всего и вся. Зачем вообще в экзаменационные билеты по химии включать вопросы об этом? Но плохая оценка перечеркнет все планы остаться в Эбердинге, матушка не переживет подобного. Она никогда не покинет Эбердинг, но и не сможет жить одна. А на оплату компаньонки у двух Алварес просто не хватит денег.

За дверь аудитории уже шумели студиозусы, ждущие следующий экзамен. Время поджимало, если не придумать ничего сейчас, то через неделю Фредди уже будет трястись в поезде по дороге к северным окраинам республики.

Она медленно встала, шмыгнула носом и взяла профессора за руки. А после заглянула тому в глаза, снизу вверх, со всей возможной мольбой.

- Дон Медина, - такое обращение уже семь лет было не в ходу, но профессор в прошлом принадлежал к знати, как и сама Фредерика. - Прошу вас, дайте шанс своей нерадивой ученице! Пощадите. Я не могу покинуть Эбердинг. Матушка не переживет!

- В своем ли вы уме? Я не стану выгораживать бестолковую студентку!

Медина хмурился, говорил строго, но не выдернул ладони. Фредди чувствовала их тепло и гладкость ухоженной кожи, которая бывает только у человека, не знакомого с физическим трудом. Возможно, профессор фехтовал вечерами или занимался модным кулачным боем, но не более.

Фредерика подняла его ладони и прижала к своему сердцу, затем облизала губы в притворном волнении.

- Пожалуйста, - прошептала она и потянулась вверх.

Медина склонился и порывисто, коротко поцеловал ее губы. Его оказались на удивление мягкими, а язык не скользко-противным, тычущимся в самую глотку, как бывало при поцелуях с соседом-Хорхе. А еще профессор знал толк в объятиях и совсем не стеснялся давать волю рукам. Фредди млела и тянулась за продолжением, затем резко отпихнула Медину, приложила руки к щекам и понеслась прочь из аудитории, еле сдерживая рыдания. Целоваться с посторонним мужчиной прямо в университете, такой позор! Конечно, сейчас на отношения смотрели намного проще, чем во времена империи, но только не в высшем обществе. Профессор не погнался за ней, наверняка тоже осознал всю тяжесть поступка.

В коридоре Фредерика растолкала студентов, затем спряталась за пыльной портьерой, чтобы оттуда наблюдать за дверью. Медина выскочил спустя минуту, злой и покрасневшийся, накричал на студентов, и удалился. Фредерика же поправила платье, вытерла сухие глаза, подколола шпилькой выпавший локон и вернулась в аудиторию вслед за какими-то девушками.

Там спокойно прошла к своему столу и взяла зачётку. На нужной странице нашлось всего-то

"удовлетворительно" и размашистая подпись Медины. И это вся хваленая дворянская честь! Такой поцелуй был минимум на "хорошо", а если вспомнить, как пальцы профессора впились в лиф Фредди - и вовсе "отлично".

Но стояло "удовлетворительно", и этого не изменить. Нужно было срочно найти денег для оплаты кредита или другой способ остаться в столице.

Девчонки-однорукницы болтали, будто на Второй линии есть некий инспектор Морено, который может с этим помочь. По утрам он нашагивает в парке прописанные доктором полчаса, тогда-то с ним и можно встретиться для приватной беседы.

Фредди несколько дней боролась с собой и не решалась идти к инспектору. Что он может предложить? Поддельное приглашение на работу, которое позволит немного протянуть время? Такую же фальшивую справку о неизлечимой болезни Фредерики, из-за которой нельзя покидать столицу? Трудоустроит в полицию? А что попросит взамен? Будь у Фредди достаточно денег, ей бы не понадобился инспектор для решения проблем.

Или это будет другая работа? Не совсем законная? Такая, после которой можно потерять не только честь, но и жизнь? Но о Морено говорили многие и только расхваливали его таланты. Современной девушке никак не устроиться в жизни без помощи такого мужчины, болтала Эмбер, которая то покупала эконом-обеда вместе с Фредди, а то вдруг в одночасье погасила свой кредит и сняла квартиру без соседок с видом на центральную площадь. Фредерика не была совсем глупышкой и понимала, как однорукница могла так резко изменить свою жизнь, но вряд ли инспектор полиции принуждает кого-то торговать телом, наверняка у него припасены и другие варианты. Но и они пугали, поэтому Фредди тянула время.

Нет ничего страшного в жизни провинциалов, тем более когда сохраняешь статус свободного горожанина, но матушка как назло слегла с весенним радикулитом, стонала особенно громко и во всю планировала осеннюю поездку на курорт. Которую оплатит будущий зять, ведь всем известно, что после окончания академии приличные девицы выходят на работу на весьма короткий срок и только затем, чтобы найти мужа. А красавица-Фредерика наверняка отхватит себе самого завидного жениха Эбердинга.

И она пыталась, честно, даже флиртовала с несколькими студентами из обеспеченных семей. Те охотно отвечали, но предложение делать не спешили: в изменившемся полугодном мире никто не хотел расплывать капиталы на содержание нищих невест, каждый богачей искал себе равного по состоянию. Удел Фредди - пожилые вдовцы, зачастую имевшие толпу наследников и родни. Впрочем, охота на них тоже требовала некоторых вложений, в одежду, к примеру.

Замкнутый круг, который разорвется с ее отбытием в провинцию, а в деканате уже делали об этом однозначные намеки и предлагали места на выбор. Далекий север, более близкий, но менее цивилизованный юг, где до сих пор могли забить камнями женщину, которая вышла на улицу без мужчины, и окрестности Эбердинга, но на четверть ставки.

От тягостных мыслей Фредерика сама чуть не слегла с мигренью, ночью же ее разбудил кашель матушки. Хриплый, надсадный, очень нездоровый. В отличие от выдуманного радикулита, эта хворь была вполне настоящей. Сказались матушкины излюбленные променады в рассветные часы по набережной. Фредерике пришлось бежать за лекарем и платить тому остатками серебряного гарнитура. Цепь сложного плетения, кулон с рубинами и серьги. Отец привез все это с островов, когда Фредди было девять. Мечтал, что когда-нибудь изысканные украшения отойдут его внукам, а пришлось отдать их жадному лекарю с Первой линии, потому как матушка отказывалась лечиться у другого и переезжать из огромного, вечно сырого дома.

Негодяй пробыл у них минут семь, выписал лекарств на неподъемную сумму и, словно издеваясь, посоветовал матушке отдохнуть на островах.

Фредди еле сдержалась, чтобы не огреть его по голове кочергой. Как можно быть таким болваном? Нет, как можно быть таким болваном и просить за это такие деньги? Врачи из обычной городской больницы лечили не хуже, но здорово проигрывали в престиже частным, многие из которых хвастались, что лечили самого императора. Не уточняли, что предыдущего, потому как микстуры и сборы назначали безнадежно устаревшие.

Только матушке этого не объяснить! Фредерика долго злилась, металась в постели, пыталась найти выход из сложившейся ситуации, но потом все же взяла себя в руки, выбрала самый неприметный комплект одежды и направилась в тот самый парк на границе с Второй линией. Погода выдалась скверная: все заволкло туманом и ощутимо тянуло сыростью от городских каналов. Гуляющих не было, только редкие работяги спешили через к своим фабрикам, чтобы успеть до тревожного, неприятного гудка. Фредди больше получаса наматывала круги рядом со статуей, пока не заметила мужчину, подошедшего под описание подруг.

Высокий, одутловатый, по возрасту значительно старше матушки. Но лицо вполне приятное, не злое. И он помогает с заработками? Но каким образом? Фредерика не обманывалась на этот счет, но за продажную любовь и подстрекательство к ней правительство карало жестоко, особенно - служивых людей. Вряд ли Морено решился бы на такое.

Фредерика смотрела, как инспектор проходит мимо, слышала, как его тяжелые сапоги мерно ухают по булыжникам, как тикают часы в кармане, нарочито громкие, чтобы доносить до всех окружающих весть о состоянии их владельца, почувствовала легкий запах спирта и трав, наверняка оставшийся после выпитого утром настоя - ощущала все это, но не могла сдвинуться с места и заговорить. Когда же инспектор удалился на пару шагов, Фредди набрала воздух и приготовилась четко произнести речь, но тут мужчина застыл, дернулся, как от удара, и повалился прямо в грязь, которая через неделю-две станет зеленым газоном.

В первое мгновение Фредерика решила, что инспектору просто стало плохо, подбежала ближе, но по его груди медленно сползала капля крови, такая четкая на белой рубашке. Кто-то невидимый убил инспектора прямо на глазах у Фредди и наверняка до сих пор оставался здесь. Она попятилась, зажимая пальцами рот, затем вернулась и посыпала место, где стояла раньше, крупичками сухих духов. Вещь редкая и дорогая, оставшаяся еще от бабушки, придавала телу приятный запах, а заодно сбивала со следу гончих. А Фредди не хотелось оказаться на каторге вместо теплого местечка учительницы в школе земпри. Ну надо же, как быстро изменились ее мечты и как мало оказалось нужно для счастья.

И, как очередной плевок от судьбы, в ладони у инспектора лежала серебряная монета. Та самая, из рук мертвеца, которую можно обменять на напиток счастья. Но Фредерика не смогла взять ее, это было бы чересчур, просто убежала прочь, пока убитого никто не заметил.

* 3 * (Фредерика и Хавьер)

Каблуки на ее ботинках уже давно расшатались и стоило побежать быстрее, как один надломился. Фредерика не удержала равновесия и полетела вперед, уже представив, как расшибет руки о мостовую. Но ее на лету подхватили и поставили на ноги.

- Куда же вы так спешите, Алварес? - профессор Медина все еще придерживал Фредди, не давая ей отступить назад. - К любовнику или от него?

- Искала работу, - отец учил ее не врать, тем более такой ответ не выглядел подозрительно. - Вы же знаете, у меня осталось буквально несколько дней, иначе нужно собирать вещи и переезжать, а матушка...

Волнение и пережитый страх накрыли Фредди с головой. Слезы потекли по щекам, дыхания не хватало, мелко тряслись руки.

Она в самом деле ходила на встречу с продажным полицейским.

Рядом был убийца.

Матушка не переживет новости, что еще одна дочь оставляет ее и уезжает из города.

Род Алварес погиб, от него останется только запись в хрониках.

Профессор тяжело вздохнул, вытащил платок и вытер слезы Фредди, а после обнял ее и прижал к своей груди. Фредди чувствовала, как шумно бьется его сердце, а во внутреннем кармане лежал нож или стилет. Вполне обычное дело для бывшего аристократа, Фредерика и сама не выходила на улицу без оружия. Правда, в последнее время предпочитала изящный, чуть длиннее ладони, пистолет спрятанный в специальном кармане на юбке.

- Я могу взять вас на кафедру. Пока просто лаборантом. Будете помогать преподавателям собирать тетради, приносить пособия и таблицы. Только не плачьте, Фредерика, что бы ни случилось, оно того не стоит.

Хавьер слишком долго жил на свете, чтобы верить в рассказы о напитке счастья, однако не мог отвести взгляд от серебрянного кругляша в одеревенелых пальцах. Покойный будто хотел откупиться от кого-то, поэтому и не выронил старую, ещё дореволюционную монету.

На лице у мужчины застыл испуг, а точно напротив сердца темнело пятно засохшей крови, других ран Хавьер не видел. Обычный горожанин, лет шестьдесят, самую малость полноват. Костюм от хорошего портного, а не фабричного пошива, но поношен изрядно. Карманные часы с гравировкой "Излюбленному Ф.М.", пенсне и веточка цветущего терна в руке, прямо поверх монеты. Символ одной из подпольных группировок, борющихся за возрождение империи.

Хавьер опустил на корточки рядом с трупом, заглянул в остекленевшие глаза, повертел в руках веточку терна, растер между пальцами запекшуюся кровь, а после прикоснулся к монете.

Привкус дешёвого виски на языке.

Сигаретный дым мешает разглядеть все вокруг.

Девушка-верж с красными волосами извивается в танце.

Его рука тянется к расшитому бисером лифу, оттягивает ткань и прикасается к бархатной коже. Девушка продолжает улыбаться, проводит пальцем по его подбородку, затем вкладывает в руку несколько старых серебряных монет.

Хавьер моргнул, избавляясь от видения, затем обернулся к инспектору, который и написал обращение в его отдел.

- Почему вызвали именно меня?

Следователя по особо важным делам беспокоили нечасто, тем более ради преступлений, которые происходили на Второй городской линии. Проблем хватало и на Первой, а Третья являлась такой клоакой, что даже гвардейские патрули не справлялись с наведением порядка.

- Обычный стилет, вошел точно между ребер. Смерть наступила почти мгновенно, - продолжил Хавьер. - Действовал профессионал, место безлюдное, шансов распутать дело не много. Но ничего угрожающего государственной безопасности.

- Филипп Морено, младший инспектор из шестого участка, - хмурый одноглазый инспектор, точно

прошедший войну, кивнул на убитого. - И это уже третий труп на моей территории с терновником и монетой в руке. Притом, я знал Морено, империалистом он не был, скорее - радикальным либералом. Вержей ненави́дел и неоднократно выступал за поголовное уничтожение теров.

Ненави́дел вержей, но брал монеты у той девушки. А если прикинуть стоимость часов и костюма - не только у нее одной. Дело вполне известное и понятное: не все вержи приобретали заметные отметины, многих из них нельзя было отличить от человека, и за солидную взятку они покупали себе документы свободного гражданина. Так ведь проще: не надо поступать на государственную службу и регулярно отмечаться в досмотровом участке, можно получить образование, а то и вовсе жениться.

За такие дела проштрафившихся полицейских и чиновников отправляли в вечную ссылку на север, но всех не переловить, а деньги многим нужны здесь и сейчас.

Филипп же точно не чурался плотских удовольствий, если вспомнить видение. Но его нельзя использовать как улику, даже озвучить кому-то содержание. Паранормальные способности - особенность вержей и ушей, в крайнем случае - древних аристократических родов, которые сейчас считались уничтоженными или же ассимилированными с другими слоями населения. Поэтому лучше молчать и искать другие улики.

Хавьер встал и огляделся по сторонам. Место пустынное, самая окраина городского парка, рядом бывшая усадьба Бомонтов, а ныне - Дворец гражданской регистрации браков и новорожденных. Кусты с набухшими почками рядом, кованая ограда, и однорукая статуя древней девы, на которую борцы за нравственность набросили рваную тряпку вместо одежды.

Шанс найти свидетелей минимален. Да и время смерти, если верить докладу медика - около шести утра, не самое оживленное.

- Что унюхала гончая? - Хавьер чуть склонил голову, разглядывая жуткое существо в наморднике.

Когда-то оно было женщиной, наверное даже красивой: большие глаза, темные брови и четкие скулы. Губы должно быть полные, но сейчас их полностью скрывал намордник, цепь от которого уходила к одноглазому инспектору. От темных волос гончей осталась рваная мальчишечья стрижка, рассеченная полоской белого шрама от виска к затылку. Длинные конечности с узловатыми суставами, слушались ее плохо, а может гончая просто не хотела выполнять свою работу. Но для нее это единственный способ оставаться в живых: бродячих и бесполезных монстров пристреливали разрывными пулями, чтобы не было шансов собрать раздробленные кости и заживить раны. Одна взбесившаяся гончая могла положить пару десятков людей, прежде чем ее усмиряли.

Она уловила мысли Хавьера, помотала головой и припала к земле, обнюхивая все. Затем потрусила к ближайшему кусту, неловко перебирая руками и ногами, села в траву и глухо заскулила.

- Мег говорит, что убийца или убийцы, ушли через разрыв пространства, нам их не выследить, - пояснил инспектор.

Надо же, "Мег", обычно вержам давали имена попроще. Всегда не длиннее трех букв, чтобы не путать с человеком. Возможно, эти двое были близки, пока Мег еще окончательно не потеряла человеческий облик. Но это точно не его дело.

Хавьер попробовал найти следы пространственного разрыва, но не заметил ничего кроме помятой травы.

- Нужна более толковая гончая.

- А может сразу убийцу? - хмыкнул один из патрульных, которые все еще охраняли периметр. - Вызвали бы из управления, там наверняка самые толковые гончие.

Хавьер чуть приподнял бровь и подошел чуть ближе к говорившему. Патрульный начал пятиться, пытался затеряться в толпе среди таких же полицейских в черных зимних мундирах. Следователям по особо важным делам, раз уж его вызвали для помощи, полагалось помогать со всем рвением, а не отправлять обратно. За такое могли наказать и неделей ареста. Впрочем, Хавьер не собирался писать доносов. Пара неосторожных слов того не стоили.

- В управлении каждая гончая на счету, - спокойно ответил он. - А по документам за вашим участком числится целых трое.

- Тис агрессивен, его берем только для ночных патрулей, когда благонадежных граждан точно не окажется на улице. Мег вы видели, больше нам предложить нечего, - развел руками другой патрульный.

Тоже немолод, намного старше Хавьера и тоже воевал. Это заметно и по выправке и по взгляду.

После месяца в госпитале Хавьер научился точно определять такие вещи. Но этот достойный человек отчего-то пытался юлить и обмануть следователя с Первой линии, точно считал его не умнее гончей.

- Я умею считать до трех, уважаемые, - отрезал Хавьер. - Тис и Мег - это две гончие. Где еще одна?

- Она не совсем пригодна для работы, - отозвался инспектор.

- И в разы опаснее Тиса, - почти одновременно с ним проговорил патрульный. - Ирр - зло во плоти. Только нехватка кадров мешает нам отправить ее в резервацию. Агрессивная, непослушная, себе на уме!

- Но умнее Мег? - Хавьер в упор поглядел на инспектора, но тот поджал губы и промолчал, выражая свое согласие. - Назовите местоположение вашей гончей, я сам приведу ее сюда, а вы пока постарайтесь не затоптать здесь все.

Хавьер чуть приподнял шляпу и кивнул всем присутствующим. С этой гончей что-то неладно, но своего вержа или тера в управлении ему точно не дадут.

* 4 * (Ирр)

С первым днем весны в Эбердинг начинали сползаться земпри. Главы общин выписывали им документы для двухдневного посещения города и землепашцы срывались с насиженных мест, кто за покупками, кто в надежде найти работу и получить временную регистрацию и право сменить место жительства.

Вместе с “К земле привязанными”, земпри, в город тянулись беспорядки. Скопившие за осень и зиму деньги, скуку и силы, труженики из общин атаковали Вторую линию в поисках развлечений, игорных домов, алкоголя и шлюх. Заодно и простого мордобоя, когда кипящая кровь и дурная голова требовали восстановить справедливость и начистить рожу зажавшимся горожанам.

Ирр терпеть не могла весну и эти постоянные разборки. У полицейского участка сразу же прибавлялось работы, притом бестолковой: разобрать жалобы, выписать постановление о компенсации для пострадавших от беспорядков, направлять к медикам, для обработки ран или выведение из похмелья. А ещё запихивать в изоляторы разбушевавшихся землепашцев и писать сотни отчетов. У настоящих полицейских уже были пишущие машинки, но вержу такую тонкую технику никто не доверит, приходилось по старинке выводить все перьевой ручкой на жёлтых листах и подшивать в папки.

Ирр повезло: она не имела внешних признаков вержа и в обычном состоянии походила на человека. Чуть большеваты глаза, волосы темного цвета с бордовым отливом - так республика велика, смешение народов из разных ее уголков иногда даёт весьма причудливые результаты. Сходством пользовался комиссар, пристроив Ирр на относительно спокойное место в участке.

Она поглядывала на очередь из ожидающих приема или оформления и грустила. Человек двадцать, до обеда не разгрести. А так хотелось добежать до ближайшей кофейни и перекусить там. Но это все откладывалось на неопределенное время, а то и вовсе на вечер.

Как назло в этот момент открылась дверь, запуская новых посетителей. Двое таких же избитых и потрёпанный земпри, как те, которых сейчас оформляла Ирр, и свогор в темной одежде. Высокий и статный, наверняка из военных, светлая кожа и рыжие волосы, как у островитян.

А ещё у императорской семьи, ныне уничтоженной. Незнакомец и выглядел как настоящий дворянин: такой степенный, сдержанный, красивый, чуть за тридцать, как раз хороший возраст для тех самых донов, которые теперь ошивались по салонам и вздыхали по былым временам. Ирр не выносила бывших донов, поэтому отложила бумаги, встала и подошла к нему.

- Привет! И чем же наш скромный участок привлек внимание такого важного свогора?

Он остановился, оглядел Ирр, затем склонил голову, выпрямился и заговорил:

- Добрый день, я ищу Ирр.

- А зачем вам она? Вдруг получится кем заменить? - она накрутила локон на палец и в упор разглядывала незнакомца. Хорош. Ох, как хорош! Но дон. Это все перечеркивало.

- А у вас есть и другие следопыты? - поинтересовался он.

Ирр побледнела, опустила руки и отшатнулась. Люди не любили обманываться и всегда плохо реагировали, когда узнавали, что перед ними верж. Из заинтересованного их взгляд становился испуганным, а то и злым. А все отверженные, близкие к животным, как гончие, пугали их вдвойне. Сейчас этот красавчик узнает правду и сбежит.

- О, простите, - он наклонился еще раз.

- Вы это зачем делаете?

- Что? - и лицо такое непонимающее, будто это не от тут поклоны бьет.

- Извиняетесь и..., - Ирр повторила его наклон. Незнакомец же улыбнулся, но пояснил:

- Вы же девушка, а я привык вести себя согласно этикету.

- Не девушка! Верж! - последнее она добавила почти шепотом, чтобы никто не слышал.

- Это не отменяет того, что вы девушка, значит, заслуживаете извинений и легкого поклона.

Она растерялась, затем протянула руку в жеманном жесте, подсмотренном у какой истинной донны. Правда, та носила красивые шелковые перчатки и шляпку с вуалью. А у Ирр - ногти обрезаны под корень, а пальцы измазаны в чернила и графит, который она неизменно размазывала

при заполнении документов.

- Ирр! - представилась она.

К ее удивлению рыжеволосый дон бережно взял ее пальцы в свою ладонь и запечатлел едва ощутимый поцелуй на ее руке и сразу же отпустил ее.

- Хавьер Сото, следователь по особо важным делам. И сейчас мне очень нужны ваши особые таланты.

Ирр оценила его намек: точно обозначил, что ищет именно гончую, но не назвал ее так, не опозорил перед длинной очередью жалобщиков и мелких нарушителей.

Он походил на Хавьера точно как породистый скакун с тонкими ногами на лохматого тяжеловеса, что до сих пор таскали трамваи на Третьей линии. Но делиться этими мыслями Ирр не стала, в их непростое время у людей хватало причин скрывать свои истинные имена. И в особое управление не пустили бы бунтовщика или нелояльного к власти, поэтому насчет тайн Хавьера волноваться не стоило.

Хотя Ирр и раздражало то, что придется использовать свой дар. А видит Дева Карающая, у гончих он не самый приятный, как и второй облик.

Хавьер дал ей возможность собраться, затем проводил к своему автомобилю. Прокатиться с настоящим доном - целое приключение, но отчего-то было не радостно.

Целью их поездки оказался парк на самой границе с Первой линией. В центральную часть Эбердинга не пускали вержей кроме тех, которые числились слугами в домах обеспеченных свогоров или передвигались в сопровождении официального лица. Ирр всегда казалось, что там, на запретной территории, настоящий сад чудес, где из фонтанов течет вино, а мостовая выложена драгоценными камнями. А еще там были кафе, где продают разноцветное мороженое даже летом. Ирр как-то пробовала замерзшие сливки и сок, но девчонки болтали, будто это совсем не то.

- А вы ели зеленое мороженое с орешками? - она взболтнула и сама пожалела. Вержей и так считали не самыми умными, а теперь Хавьер точно посчитает ее полной дурочкой.

Но свогор следователь только улыбнулся, подал Ирр руку, помогая выбраться из автомобиля, а после ответил:

- Очень давно, родители водили сестер в кафе, заодно потащили и меня. А в шестнадцать гора разноцветных шариков с сиропом кажется девчачьей и застревает поперек горла.

Ирр вздохнула особенно горестно, а Хавьер отчего-то засмеялся и спросил:

- А вы любите мороженое? Или просто хотите побывать на Первой линии?

- Некогда! Здесь дел хватает!

Она отшатнулась от Хавьера и поспешила вперед, пока ребята из их участка не заметили, как она шагает под руку с самым настоящим доном. Потом будут болтать и насмехаться, спрашивать, когда же ждать приглашение на свадьбу. Вроде бы мужчины, а временами хуже сплетниц с местного рынка.

Уже отсюда пахло кровью и смертью, Ирр не могла точно описать эти запахи, но чувствовала их отлично. А еще какой-то умник высыпал на траву пригоршню сухих духов, наверняка хотел отбить нюх у гончей. С обычной этот номер бы прошел, но Ирр была умнее. Она опустила на четвереньки, позволила второму облику проявиться, изменить суставы - так передвигаться намного удобнее и нюх острее, затем обошла пропахший духами пятачок по периметру. Ребята из участка успели знатно истоптать тут все, но их запахи Ирр знала, а вот чужих тут было всего два: мужской и женский. Мужской привел ее к трупам, а вот женский уходил дальше, к самой границе Первой линии в парк Дворца регистрации.

Ирр на время бросила этот след и вернулась к телу. Запах смерти едким дымом проникал в лёгкие, оседал во рту и на зубах. Теперь будет преследовать дня два, как и воспоминание об остекленевшем взгляде покойника и серебряной монете в его руке. Вот поэтому Ирр не любила оперативную работу: видела уже столько смертей, а до сих пор не могла к ним привыкнуть. Рядом с трупом витал запах еще одного мужчины, он появился из разрыва пространства, сделал несколько шагов и исчез. Ирр прочесала территорию еще раз, но все остальные запахи принадлежали либо полицейским, либо случайным прохожим, которые не приближались к убитому.

Хавьер не торопил ее, не выглядел испуганным и не морщил брезгливо нос, хотя гончие, похожие на гиен-переростков с длинными узловатыми пальцами и торчащими изо рта клыками - считались

страшилами даже среди вержей. Однако следователь не реагировал, улыбался по-прежнему дружелюбно, подошел чуть ближе и даже подал руку, когда Ирр вернула прежний облик и поднялась на ноги.

- Убийца использовал магию, пришел из разрыва пространства в него же ушел. Этот, - она ткнула пальцем в труп и через силу отвела взгляд от серебряного кругляша монеты в его руке. Тот самый, которым можно заплатить за напиток счастья.

Хавьер слушал ее, кивал, записывал что-то в блокнот и снова оглядывал парк и тело.

- А еще была девушка, - добавила Ирр. - Она туда убежала. Но к убитому не прикасалась.

- Сможешь пройти по следу?

Ирр оглянулась на своих, но те молчали, давая добро на ее работу со следователем, после кивнула Хавьеру, снова сменила облик и шустро побежала по следу. От сухих духов щипало в носу, а лапы неприятно кололо чем-то магическим. Запах девушки вывел Ирр на оживленную улицу Первой линии и внезапно оборвался, а подушечки обожгло, будто ступила на раскаленные угли. Ирр взвизгнула и превратилась в человека, чтобы подуть на ладони.

Ран на них не было, но боль все не стихала. Хавьер нахмурился, затем наклонился и рассыпал какую-то пудру, осевшую на брусчатку в виде причудливого узора.

- Здесь использовали магию, мощную и старую, таких артефактов больше не делают.

- Вам виднее, предпочитаю не лезть в эти ваши донские дела.

- Донов давно уже нет... Идем, - он взял ее за локоть и повлек за собой.

Ирр с трудом переставляла ноги и постоянно крутила головой, впитывая облик Первой линии. Невысокие старые дома, совсем не похожие на пяти-семи этажные застройки линии Второй, никакие яркие вывески развлекательных кварталов или росписи на стенах, все в сдержанных тонах. Зато какие колонны! Резьба! Кованые заборы и тяжелые двери. Питательные фонтанчики прямо на улице и скульптуры.

Казалось, что прохожие уже заметили девушку-вержа и скоро сдадут ее ближайшему патрульному, но Хавьер все тащил вперед, а на Ирр никто не обращал внимания.

Остановился он только у храма Отца-Защитника и Дев Благостной, Порочной и Карающих, прислонил сложенные пальцы левой руки ко лбу и вошел внутрь, увлекая за собой Ирр.

Все помещение за дверью оказалось облеплено засушенными листьями и цветами, никакого золота или серебра, как бывало во времена империи. Теперь храмы украшали цветами и лентами, изредка - резьбой по дереву и тусклой позолотой. Хавьер ненадолго замер перед портретом некоего Антония Калво, герцога Теринского, и коротко тому поклонился. Обычный дон, светлокожий, седовласый, разве что помог с восстановлением этого храма, как успела прочесть Ирр, к чему эти поклоны? Но спрашивать она не решилась: не хотелось лезть в душу следователю, к тому же разглядывать роспись на стенах и статуи было намного интереснее. Хавьер пробормотал несколько слов на мертвом языке тийцев и повлек Ирр дальше, к самому центру храма, где располагалась огромная колонна, истыканная кранами. К некоторым стояла очередь из молящихся, другие заржавели от редкого использования. Напротив каждого стоял ящик для подношений и целый ряд маленьких флаконов.

Ирр хотела стащить что-нибудь на память, но руки до сих пор жгло, поэтому идею пришлось отменить. Зато Хавьер взял один, бросил несколько монет в ящик и открутил неприметный кран. А после сразу же вылил "кровь Отца" на ладони Ирр. Темная жидкость зашипела и вспенилась, затем опала, а вместе с ней ушла и боль.

- Ух ты! Беру назад все свои плохие слова о донах и их магии, а Отец-Защитник свидетель, их было немало, - она ещё раз оглядела свои побелевшие и очистившиеся пальцы. - А можно повторить это?

- Нет, - Хавьер поклонился изображению Отца и Дев, затем побрел к выходу. - Следует быть крайне осторожным со всей магией. Никогда не знаешь, чем расплатишься за ее помощь.

- Ну вы-то точно об этом знаете, у всех донов есть свои магические амулеты, - Ирр спешила за следователем, но не могла перестать разглядывать свои руки и росписи на стенах.

- Магия знати была самой честной. За нее сразу платили кровью.

На выходе он тоже придержал дверь для Ирр, помог ей спуститься по ступеням и улыбался, точно она та самая донья, выросшая в высоком просторном доме и всю жизнь носившая пышные платья и

перчатки, а не обычная девчонка-верж, которую в семнадцать продали в полицейский участок.

- Так и этот, который сбил меня со следа и разорвал пространство, тоже был доном. Найдете информацию о роде, владевшем такой магией - считайте дело раскрыто.

- Идея здравая, только новая власть уничтожила все подобные записи, а сами доны предпочитали скрывать свои родовые амулеты и артефакты. Я провожу вас до участка.

Хавьер подставил ей локоть и совершенно не смущаясь неподходящей партии, повел по улицам Первой линии Эбердинга. Ирр же улыбалась широко и чувствовала себя почти счастливой. Правда, разноцветного мороженого с сиропом ей чуточку не хватало.

* 5 * (Фредерика)

Уже настало время для второго завтрака, но Фредди все еще не покинула стены университета. Несмотря на заверения Медины, ректор не хотел брать на работу бывшую студентку. Даже мыть пробирки на кафедре экспериментального обучения. Кандидатов на эту должность хватало, и Фредерика явно была там лишней.

Сейчас же она тихо пила чай в приемной, пыталась избавиться от внутренней дрожи и слушала, как Медина ругается с ректором. Пожилая секретарша, стучала пальцами по пишущей машинке и не обращала на происходящее никакого внимания. Эта женщина была здесь очень давно, пережила несколько войн и революцию, четыре смены руководства и два покушения на ректоров. По одной из студенческих легенд, университет основали ушши и поселили в него донну Жиль. А каждому ректору надлежит спать с ней в полнолуние, если хочет сохранить должность. И каждому следующему приходится тяжелее, потому как донна не молодеет. Поэтому ректоры всегда такие злые.

Жиль строго поглядела на Фредерику и предложила еще чаю или же печенье. Такое заветренное и черствое на вид, что брать было не просто стыдно, а еще и опасно. Тем более от чая уже и так болел желудок, а профессор Медина все никак не выходил из кабинета.

- ... если эта девица, Алварес, не понесла от вас, и вы не боитесь отправлять бастарда на беспощадный к младенцам север, то у меня нет ни единой причины оставлять ее в университете! Медина, Деву Карающую вам в тещи, вы же лично поставили ей "удовлетворительно" на выпускном экзамене, а теперь просите устроить на кафедру! Что произошло за эти дни? - ректор кричал все громче, отчего Фредерике хотелось спрятаться за кресло, а то и вовсе убежать из приемной. Но Медина отвечал хоть и твердо, но вполне спокойно.

- Ее отец, дон Алварес, был давним противником моего. И однажды подсадил того на посту советника по разумному магопользованию. Я не смог удержаться от мести, поэтому занизил оценку Фредерике. А сейчас осознал всю тяжесть проступка и не хочу, чтобы она уехала из столицы.

- Испытательный срок вам обоим! Месяц! - выкрикнул ректор спустя минуту молчания. - И если только замечу следы интрижки между вами - вылетите из университета вдвоем, и я не посмотрю на ее растущий живот!

Медина почти сразу выскочил из кабинета, покрасневшийся и злой, схватил Фредди за руку и потащил за собой. Уже в коридоре развернул к себе, нахмурился и проговорил:

- Место на кафедре ваше, но только попробуйте подвести меня, Алварес!

- А почему ректор думает, что...

- Не вашего ума дело! - со злостью бросил Медина, затем резко отстранился от Фредерики и поспешил к своему кабинету. - Надеюсь, дорогу вы знаете. Не подводите меня, Алварес!

Она пошла следом, поправила прическу и подумала, что матушка будет злиться, не найдя дочь дома, а что с ней станется при новости, что любимая дочь теперь трудится на кафедре, моет пробирки и ведет учет реактивов? Хорошо еще, что с вечера Фредди успела предупредить о том, что придет поздно.

Бегущий впереди Медина громко хлопнул дверью, распугав студенток-первокурсниц, которые наверняка пришли просить о пересдаче. Химия - сложный предмет, Фредерика помнила, сколько бессонных ночей потратила на попытки его выучить. Зато теперь неплохо разбиралась во всем этом и даже не раз посещала факультатив по данному предмету. Правда, он пользовался популярностью и среди прочих студенток: многие ходили туда просто смотреть на Медину и слушать его бархатный голос, который так чарующе рассказывал о способах изготовления разнообразных солей или очистке металлов.

Поэтому сейчас Фредди почти привычно зашла в помещение, накинула поверх одежды застиранный синий халат и взялась за уборку. Медина же стоял в своем рабочем кабинете и со злостью швырял на стол содержимое карманов. Часы, деньги, какая-то мелочевка, женский платок, такой розовый и кружевной, что точно принадлежал кому-то из студенток. Сверху полетели измятые листы с какими-то записками и откровенный мусор. По виду профессора никогда и не скажешь, что его одежда может хранить столько всего. Последними же Медина высыпал пригоршню серебряных монет. Старых, дореволюционных, с изображением Отца-Защитника.

Фредерика от неожиданности выронила ящик с пробирками. По виду монеты точно как та, что была в руке у погибшего инспектора.

Воспоминания нахлынули, сковали, лишили сил двигаться. Сколько там прошло часов? Не больше

трёх. Смерть прошла совсем рядом, опалила шею своим дыханием, но забрала другого. Фредерика уже сталкивалась с таким, семь лет назад, когда бунтовщики ворвались в поместье, убили нескольких охранников и жениха Агаты. Фредерика помнила, как сестру избили и потащили куда-то в спальни, но тут появились другие бунтовщики, спокойные и собранные, все в новой темной военной форме, скрутили и увели первых. Как плакала сестра и как ее утешала матушка.

По щекам снова потекли слезы, а руки затряслись так мелко, что никак не получалось взять метлу и убрать осколки.

- Алварес! Что с вами такое? Если и дальше будете колотить наш инвентарь - на работе не задержитесь. И мое покровительство не поможет.

Фредди вхлипнула ещё громче, опустила на колени и начала собирать крупные осколки в коробку. Медина сел рядом, обнял ее за плечи и прошептал на тийском:

- Говорят, что небо плачет вместе с красивыми женщинами. Пожалейте Эбердинг, Фредерика, он и так изнывает от сырости.

- Я не красива. Сейчас не красива.

- Глупости говорите. Вы прекрасны, как и все истинные доньи. Глаза и волосы темны, как ночь над Эбердингом, а губы яркие и напрашиваются на поцелуй.

Он говорил тихо, почти над самым ухом, но Фредди все равно чудилось, будто их слышат и разнесут о ее связи с профессором по всему университету. Хватит и того, что кричал сегодня ректор.

Медина и сам подумал о чем-то таком, быстро собрал осколки, встал и нахмурил брови.

- Уберите здесь все, Алварес, а я пока схожу за учебником по истории революции. Будете каждый день пересказывать мне по главе, пока не вызубрите все, включая имена авторов, редактора и иллюстраторов.

- Хорошо, профессор

Она опустила взгляд и взялась за метлу, но после не выдержала и спросила:

- Откуда у вас эти монеты? Не думала, что ими пользуется кто-то кроме матушкиных друзей.

- Мой отец жуткий ретроград и уверен, что не стоит хранить сбережения в деньгах, которые сами по себе ничего не стоят. А серебро ценно при любой власти и в любой стране. И не заговаривайте мне зубы, Алварес! Здесь еще уборки на несколько часов, а мне надо заняться бумагами.

Фредерика кивнула и погрузилась в работу, тайком поглядывая на стол профессора. Что же потерял Медина?

* 6 * (Хавьер)

Хавьер усадил девчонку-вержа в свою машину и довез до ближайшего кафе, в котором продавали мороженое. Ирр отказалась выходить, вцепилась в дверную ручку и качала головой. Гончая вбила себе в голову, что стоит покинуть салон, как сразу же набегут патрульные, скрутят и дадут ей плетей, как бывало раньше. На самом деле на Первой линии уже давно не обращали внимания на вержей, если у тех были в порядке документы.

Но переубедить Ирр оказалось нереально, поэтому Хавьер сам сходил за мороженым и принес ей самый большой рожок, в который сложили целую гору разноцветных шариков, обсыпали их колотыми орешками и облили двумя видами сиропа. Ирр смотрела на все это недоверчиво, вначале смешно принюхивалась, затем лизнула самым кончиком языка и только после этого решилась укусить. Хавьер краем глаза наблюдал за ней и внутренне улыбался. Такая серьезная и настороженная. А еще злитесь за что-то на донов.

Пока Ирр ела мороженое, они успели доехать до особого управления. Ранним утром, когда вызов со Второй линии перехватил Хавьера уже по дороге домой, все казалось простым и понятным. Потерявшие всякий страх жители окраин снова решили поправить свое благополучие за счет припозднившегося гуляки, а местные сыщики побоялись портить статистику и попытались выдать обычный грабеж за серьезное преступление. Сейчас же Хавьер думал совсем иначе.

Преступник пришел через разрыв пространства, убил Морено одним точным ударом, а после сделал все, чтобы замести следы. Ни единой улики или зацепки, идеальное преступление. А все, что сейчас есть у Хавьера - измышление девчонки-вержа и собственные видения, о которых никому не расскажешь. И те объясняли происхождение монеты, а никак не причины гибели инспектора Морено.

Свогор Кроу, начальник управления, делал вид, что не знает об особенных талантах Хавьера, о его происхождении и других тайнах. Ценить рабочие качества больше тайн - редкость, в их непростое время. Но и Кроу не примет видения за улику, как и показания Ирр.

Та снова прилипла к окну и разглядывала дома Первой линии. Молоденькая ещё, лет двадцать, не больше. Симпатичная: большие глаза и пухлые губы, аккуратный нос, не как бывало у тех самых нелюбимых Ирр донн. И волосы слишком яркие для человека, а в остальном ни единого признака вержа. Если не знать точно, что перед тобой гончая - не догадаешься. Но, как шутил один друг Хавьера, с этой нелюдью расслабляться нельзя, раздевая такую красотку нужно быть готовым заметить хвост, а то и что похуже. Шерсть по всей спине, к примеру. Хотя Хавьер знал, что в Эбердинге хватало любителей и таких вещей, поэтому бордель со Второй линии, где трудились только вержи, считался самым популярным во всем округе. За ночь с гончей любители экзотики готовы были отвалить сумму в месячное жалование Хавьера. А Ирр трудилась в полиции, практически за еду и вздыхала над мечтой о мороженом и не похоже, что имела какого-то покровителя или просто спутника.

- Когда вернёте меня в участок? - заговорила она.

Хавьер же припарковал машину возле неопременного здания особого управления, помог девушке выйти и придержал дверь в здание. Ирр смущалась, фыркала, чувствовала себя неуютно, но не отказывалась от таких знаков внимания.

- Признаться, я бы предпочел оставить вас до конца расследования. С начальством я договорюсь.

Она нахмурила брови, затем шумно принюхалась к Хавьеру. Чихнула и непосредственно-детским жестом почесала нос.

- А в управлении не хватает гончих? Зачем это я целому дону?

- Донов давно уже нет, а мое начальство не любит выделять служебных вержей. Вам не нравится оперативная работа?

Ирр фыркнула и отвечать не стала.

- Если отправлю запрос, ваше начальство не сможет отказать особому управлению, но я бы хотел получить ваше согласие. Будете ли вы моим компаньоном, Ирр?

Девчонка спрятала руки в карманы и чуть задрала нос.

Что бы значил ее отказ? Ничего, по сути. В республике никто не считался с мнением вержей, земпри с их ограничением в выборе работы и передвижением были в разы свободнее и имели больше прав. Если бы Хавьер приказал, гончая пошла бы следом без вопросов. Но такое сотрудничество ему не нужно.

- Я подумаю, - ответила она.

- Хорошо, тогда сейчас мы запишем ваши показания и ощущения, заверим их, и я верну вас домой. Могу даже договориться о выходном.

На это она кивнула, но согласия своего так и не дала.

Кроу внимательно слушал его доклад, постукивая карандашом по столу. Совсем юнец, если взглянуть со стороны, однако он руководил особым управлением еще в те времена, когда оно защищало интересы империи, а Хавьер носил другое имя и обучался в гимназии.

Возможно - магия, возможно - особые мази от ушедших, которые регулярно завозили из Серебрянной страны, возможно, начальник и сам не был человеком, но работал он на совесть, поэтому и это, и прошлое правительство, закрывали глаза на вечную молодость Уилфреда Кроу.

- Значит, версий у вас пока нет? - он так и не открыл официальный доклад Хавьера, где и содержались описания версий и направлений, в которых будет вестись следствие.

- Версий множество. Филипп Морено трудился в полиции больше тридцати лет, врагов у него хватало. Не стоит исключать и личные мотивы. Какой-нибудь ревнивый муж, сосед, которого измучили попытки музицировать нашего инспектора, да просто случайный маньяк.

- Который вложил ему в руку серебряную монету и соцветие терна? Сами верите в это, свогор Сото?

- Гораздо больше, чем в ревнивого мужа, если отрабатывать все версии.

Если вспомнить одутловатое лицо Морено, его толстые пальцы и усы, то версия о героических любовных похождениях проваливалась. Да и к чему ему любовницы, если к услугам инспектора были десятки бесправных девушек-вержей?

- А что ваши тайные информаторы? - поинтересовался Кроу.

- Ничего определенного. Гончая утверждает, что убийца пришел через разрыв пространства и в него же ушел. А еще у нас есть свидетель. Предположительно девушка, но с ее следа тоже сбили магией. Очень сильной и старой. Кроме того думаю, что наш инспектор был нечист на руку.

- И его мелкие махинации могли настолько разозлить кого-то из старой знати, что они решили прибегнуть к магии?

Хавьер промолчал. Будь у него стройная и непротиворечивая версия, уже бы озвучил ее. Но Кроу не торопил, он никогда никого не торопил. Этот странный человек считал, что самое страшное - неизбежность. И правосудие эффективно только тогда, когда оно неизбежно. Спустя час или десятилетия, но каждый преступник должен понести наказание. Особенно тот, что попал в поле зрения особого отдела.

- Есть мысли по делу? - снова заговорил Кроу.

- Такие артефакты редки, они хранились в очень древних родах, хочу поискать о них информацию, а после покажу самых перспективных кандидатов гончей. Если она опознает запах - буду искать улики и доказательства вины.

- Не отметая и другие версии, - Кроу махнул рукой на дверь, намекая, что дает Хавьеру полную свободу действий. Но и о результатах спросит со всей строгостью. - И поторопитесь, Сото, сейчас непростое время, тысячи земпри прибыли в город, могут начаться беспорядки.

* 7 * (Пак)

Не каждому выпадает честь сесть на зелёный поезд и приехать в столицу. Пак ударно трудился целых четыре года, чтобы заполучить пропуск и билет. Бескрайний шумный Эбердинг поражал, давил, манил сотнями соблазнов и зазывал остаться в нем навсегда. Но для этого нужно было поступить в одну из академий, а Пак не набрал нужного количества баллов. Зато отлично управлялся с техникой, разбирался в хитростях посадки и ухода за растениями, умел приглядывать за животными и в принципе был не против навсегда остаться в своей общине.

Но и от возможности посетить Эбердинг отказываться не стал.

Пак вместе со старшими и опытными товарищами побывал в кабаре, вдоволь насмотрелся на танцующих там девиц, потратил несколько купюр из тех, что выделил на поездку отец, и довольным возвращался в гостиничный номер, который земпри сняли на четверых.

Когда до порога оставалось всего пару минут быстрым шагом, Пака за руку схватил ушлый малый и почти силком затащил в игорный дом, даже выделил пару монет для пробной ставки.

Неприметное снаружи, внутри здание походило на дворец старых донов, как его рисовали в учебнике по истории республики. Мраморные полы, такие гладкие, что отражали настенные светильники, расписной потолок и самого Пака, пускай и немного размыто. А еще вокруг висели картины с бесстыжими девами-вержами, которые срамно задирали хвосты, а то и гладили себя по оголенным частям тела.

Во рту сразу же пересохло от такого непотребства, и тот самый малый пихнул в руки Паку бокал с вином. Оно оказалось кисловатым, светлым и непривычно шипело во рту. Пилось легко, точно виноградный сок, и в голову не ударило. Малец тут же подsunул Паку другой бокал и незаметно довел до самого игрального зала.

Здесь уже царил полумрак, пол не светился, стен не видно вовсе, зато полуобнаженные девицы с хвостами были вполне настоящие. Одна даже остановилась рядом с Паком, погладила его подбородок и шепнула на ухо, что за десять галлов покажет ему свою комнату в подвале. Но он что, комнат не видел? У них с родителями дом просторный, деревянный, в подвале никто не спит. А десять галлов - сумма солидная!

Пак покачал головой и пошел дальше. Смысл предложения дошел до него позже, но распутница уже растворилась в толпе, а самому предлагать кому-то подобное - это ж со стыда умереть можно! Да и не стал бы он тратить десять галлов! Сумма немислимая! Целую корову купить можно, а если поторговаться - то и стельную! И вообще, пора бы уходить отсюда, поглазел - и будет, но тут Пак заметил самую невероятную из столичных диковинок: человечка, который сидел на грудe монет и купюр и пил вино из наперстка.

Верж был ростом с мизинец, щеголял пышными рыжими бакенбардами и прятал руки в карманы бордового пиджака. Пак улыбнулся диковине, подошел ближе, двумя пальцами подцепил его и поднял, чтобы рассмотреть получше.

- Э-э-э! Увалень, тебе кто разрешил хватать самого Везунчика Клу?

- Что-то не похож на везунчика малый, который крысе на один зуб! - возразил Пак.

Клу закатил глаза и сложил руки на груди. Вот это самая настоящая диковина! Пак разглядывал вержа и уже предвкушал, как расскажет о встрече родным и просто знакомым земпри. До этого самыми популярными были рассказы дядюшки Рауля, который еще при императоре ходил в настоящий столичный бордель и смотрел там, как крылатые девы танцуют совершенно голыми. Но крылья что? Крылья и фальшивые натянуть можно, а вот такой рост, как у Везунчика уже не подделаешь.

- Что б ты знал, деревня, перед тобой действующий чемпион Эбердинга по "пьяному гробовщику"!

- Врешь!

В карточных играх Пак разбирался, даже мог сыграть партию-другую на интерес. Дядюшка Рауль обучал его всяким премудростям, вроде того, что нужно запоминать вышедшие карты, мельчайшие детали на рубашке, считать в уме и прочее, а заодно и вдальбивал, что никогда и ни за что нельзя ничего ставить на кон. Но дядюшка был старым и мудрым, а этот верж - очередным задавакой, который решил обдурить деревенского простачка.

- Везунчик Клу не проигрывает! - кроха взмахнул руками и растворился в воздухе, чтобы появиться на грудe денег. - А будешь снова хватать меня - кликну охрану!

Пак покачал головой: проблем он не хотел, только еще немного поглазеть на чудо, созданное Девой Порочной, прародительницей всех вержей.

- Отходи-отходи, не загораживай меня! Работать надо!

- Кто же станет с тобой играть, если ты не проигрываешь? - Пак сдвинулся чуть в сторону, но надолго отойти от диковинного вержа не мог.

- Всякое самоуверенное дурачье, - отмахнулся Клу. - Я же играю на всё вот это, - он похлопал рукой по куче денег, - есть шанс уйти отсюда богачом.

Пак и приблизительно не мог посчитать, сколько в галлах здесь лежит. Сотни три, а то и пять. Хватит выкупить себе небольшую квартиру в Эбердинге и вместе с ней и статус свогора. И прощай скучная деревенская жизнь! Но дядюшка Рауль, у которого на правой руке не хватало указательного пальца, как у всех бывших мошенников, говорил, что никогда и ни за что не стоит играть на деньги. Кто бы ни предлагал это, он наверняка хочет обобрать доверчивого земпри.

- И в ответ тоже нужно поставить все деньги? - все же поинтересовался Пак. В голове отчего-то шумело, как от алкоголя, но не могло же такого быть от пары глотков кисловатого вина?

- Да нет, хватит десяти галлов. Я не оббираю убогих.

Усмешка у вержа вышла до того снисходительной, что Пак уселся на стул напротив и вытащил из кошелька купюру. Одну из двух, что там водились, и вторая была всего на два галла, а еще три пучка и странный разломанный пополам серебряный коготь, который Пак нашел сегодня утром в придорожных кустах.

- Играю! И десять галлов у меня тоже найдется.

* 8 * (Пак)

Сказал и сам не поверил, но отступить поздно, засмеют ведь, что испугался такого мелкого человечка.

Клу почесал подбородок, затем перетасовал в руках крохотную колоду и раздал по семь карт каждому. Когда Пак потянулся к ним, те сразу же увеличились до нормального размера, а пальцы закололо, как при встрече с настоящей магией. Карты попались так себе, но играть можно. Пак прикусил губу и начал отсчет, что из розданного уходит в отбой, а что Клу забирает себе.

К середине партии малыша окружили блудливые девицы, которые помогали ему удержать в руках карты, которые не желали обратно уменьшатся, а за спиной Пака столпились зеваки, заинтересованные в игре. Кажется, Везунчик в самом деле был местной знаменитостью и никогда ранее не проигрывал. И не играл в ничью, а именно на это рассчитывал Пак.

В конце он отбил все козыри Клу и довольный, что сохранил все свои деньги, попытался выйти из-за стола. На плечо сразу же легла тонкая когтистая рука, принадлежавшая вержу, больше похожему на обтянутый кожей скелет.

- Еще одна партия, уважаемый. Если выиграете, я удвою сумму. Но вначале позвольте моим людям проверить вас на предмет всяких магических штуквин.

Пак согласился и с готовностью распахнул пиджака, чтобы девушка в толстых очках провела специальным щупом по подкладке. Откуда у бедного земпри магические амулеты? Один платок с узелками, что завязала лично матушка, болтался в кармане. Но девушка и верж не знали об этом, они по пяди ощупали одежду и тело Пака, в поисках амулетов, перевернули его кошелек, долго передавали друг другу платок и серебряный клык, но после отступили и разрешили сыграть новую партию.

Вокруг собралось много зевак, они пристально следили за действиями Пака. Он же ко второй партии запомнил большую часть карт и теперь чувствовал себя увереннее. Клу же с каждой секундой хмурился сильнее и сильнее, в конце, когда Пак зашел с козырей, отбросил карты и растворился в воздухе.

В зале сразу же повисла тишина, многие склонились над столом, разглядывая колоду и самого Пака.

- Это же кролик, кролики везучие, их нельзя обыграть! Да он и сам верж или раздобыл артефакт помощнее! Давайте-ка оттащим его в подвал, там и выйдем правду, - выкрикнул рослый охранник игорного дома и уже попытался схватить Пака.

- Игра была честной, магии не обнаружили, парень заслужил свои деньги, - здоровяка легко, одним движением плеча оттеснила пожилая женщина с взглядом таким цепким, что Пак поежился и отчаянно закивал. А после его неожиданная заступница отогнула лацкан пиджака и продемонстрировала значок со слепой собакой, вписанной в круг - эмблему особого управления.

От старухи отшатнулись так, что уронили несколько стульев, она же еще раз осмотрела Пака и подытожила:

- За пятьдесят лет работы ни разу не встретила амулет на удачу достаточно мощный, чтобы перебить кроличье везение. Вы, - тонкий узловатый палец ткнул в тощего вержа, - знаете об этом, поэтому регулярно дурачите простаков-земпри. Забираете немного, и полиция закрывает на это глаза. Пока что. Но вы зарвались настолько, что сама Дева Карающая обратила на вас свой взор и ниспослала расплату. Радуйтесь, что отделались небольшой суммой.

Верж выругался, затем подал знак девицам собрать выигрыш в мешочек и отдать Паку.

Восемьсот двадцать три галла! Квартира на Второй линии и останется на учебу в университете. А дальше - освоит профессию, заберет отца, мать и сестер в город или выкупят с ними земельный участок побольше и организуют собственную ферму. Еще утром он и представить не мог, как все обернется.

"Свогор Пак Ува". Хотя нет, нужно будет придумать другую фамилию, у них целая деревня Ува, а горожанину нужно красивое и звучное имя, вроде Апраксия Грапса или чего-то подобного.

А ведь с такими деньжищами он точно сможет поглядеть на спальню той девушки-вержа, и не только ее, десятков других девушек! Но главное держать себя в руках и не спустить заработанное в первый же день. Если выпала такая возможность изменить жизнь, то ей нужно воспользоваться.

Пак развязал мешок, проверил наличность, прочитал бумагу для банка, кивнул обоим вержам и той

самой даме, а после почти бегом направился к выходу. Надо побыстрее добраться до мужчин из его общины, они помогут сохранить деньги до завтрашнего дня, а после Пак отнесет их в банк Эбердинга и откроет счет. С ума сойти! У него будет собственный счет в банке и чековая книжка, точно у какого-нибудь богатея!

Сразу за дверью сырой холодный воздух ударил в лицо, разом сгоняя легких хмель. Пак огляделся, припрятал мешок под полы пальто и поспешил к своей гостинице. Отсюда до нее квартал, не больше, успеет быстро добежать и тогда деньги точно будут в безопасности. Несколько ушлых здоровенных парней предлагали довести его до круглосуточного банка за сухую мелочь в пятьдесят галлов, но Пак отказался. Он, конечно, деревенский простака, но не настолько глуп, чтобы отдавать такую сумму. Обычные грабители не заинтересуются земпри, одетым в отцовское пальто, а профессионалы из банд сметут этих здоровяков и не заметят.

Каблуки сапог отбивали по брусчатке рваный ритм. Ровно такой, какой выстукивало и сердце Пака. Часом ранее, когда он в прошлый раз шел по этой улице, она была не в пример светлее и безопаснее. Сейчас же фонари лишь слегка разгоняли мрак, от каналов тянулась туманная дымка и пахло сыростью, а раскатистый смех какой-то продажной девки показался зловещим рыком чудовищного тера.

Пак прибавил шаг, но за поворотом столкнулся с парой земпри, которые с разных сторон зажимали хохочущую шлюху. Наверняка дальше пойдут осматривать ее комнату, они же не такие болваны, как некоторые!

Ну ничего, совсем скоро Пак приобретет себе квартиру и статус свогора, найдет хорошую жену, из своих, деревенских, и больше не будет страдать по продажным девкам. Особенно по тем, что с хвостами.

И как назло дорогу тут же перегородила одна из них, возможно, та же самая, что предлагала познакомиться поближе в игорном доме. Правда, сейчас она была одета в темный брючный костюм, в руках сжимала трость и только кисточки на ушах и нервно бьющий по брусчатке хвост выдавали в ней вержа.

- Добрый дон не желает провести вечер в приятной компании?

Пак покачал головой и попытался обойти девушку, но она быстро шагнула вправо и прижала его к стене. Тонкие на вид пальцы с короткими коготками внезапно оказались невероятно сильными и крепкими. Пак чувствовал, как они сжимают его горло, судорожно всхлипывал, но не мог оттолкнуть вержа, как и позвать на помощь. Воспитание не позволяло ему бить девушку, да и был бы от этого толк? Она улыбалась так, что стали заметны клыки и била хвостом, кажется, не чувствуя ни малейшей усталости от того, что удерживает парня раза в полтора тяжелее.

Следом за ней из тумана вышел тот самый тощий верж, управляющий в игорном доме. Он двигался медленно, нарочито громко выстукивая тростью по брусчатке, будто был хозяином этой части города, а не бесправным существом третьего сорта.

- Так-так-так, дон Пак Ува, в чем ваш секрет? - почти дружелюбно поинтересовался верж.

- Не..., - с трудом прохрипел он, все ещё пытаясь отпихнуть девушку-вержа. Но потом опустил руки и обвис: к их компании подтянулись ещё пятеро здоровяков, один из которых вел на поводке тера.

Чудовище размером с теленка щелкало выросшими челюстями, скалило острые жёлтые зубы и пыталось расковырять брусчатку. Чем больше времени проходило после утраты сознания, тем меньше тер напоминал человека. Этот же был точным зверем, даже одежду не носил. Тем лучше для хозяев: тер разорвет жертву и не подумает замедлиться.

Тощий верж заметил страх Пака и продолжил давить:

- Никто не выигрывает у кроликов. Никогда. Их магия смертоносна, она каждый день делает этих вержей все меньше и меньше, но везение дарит необычайное. А тут пришел ты и унес целое состояние. Само по себе - не такой уж страшный факт, но представь, если это станет системой? Если каждый немытый земпри будет забирать по восемьсот галлов? Мы разгадаем твой секрет, Пак Ува, вопрос в том, сколько костей ты сохранишь целыми.

- И тех частей, где кости не предусмотрены.

Девчонка второй рукой ощупала ширинку Пака и крепко сжала. Он взвыл и попытался отползти вверх по стене, но тогда когти глубже впивались в шею. Безвыходная ситуация, Пак с радостью раскрыл бы свой секрет, но его не было.

* 9 * (Ирр)

Ирр возвращалась в квартиру уже за полночь. Пока она помогала инспектору и ела с ним мороженое, в участке скопилось столько дел, что разгрести их пришлось долго. Свогор Bravo, непосредственный начальник Ирр, гнал ее домой и говорил, что с бумагами можно разобраться и завтра. Но простая, человеческая работа успокаивала. Она дарила иллюзию, что все в порядке и если очень-очень захотеть, то можно выбрать свою судьбу самостоятельно.

А Ирр не хотела становиться тером. Каждое превращение, каждое использование своей магической силы приближало этот момент. Некоторые вержи десятилетиями держались в одной поре, других хватало на два-три года после совершеннолетия. Ученые мужи спорили, сохраняют ли теры разум или полностью тонут в темном, магическом начале, но не могли найти однозначный ответ. А в крови гончих этого темного хватало. Поэтому Ирр изо всех сил цеплялась за обычное, человеческое. И не хотела помогать дону Сото. Хотя какой же он "Сото"? Наверняка взял фамилию любимой нянюшки или камердинера, как часто бывало в смутные годы революции. Только у бывших донов все равно оставались компенсации от государства, жилье в хороших районах, имперское серебро и золото, а еще - артефакты, которые напивали кровью. Обойдется и без помощи простой гончей, Ирр же ждет тесная квартира рядом с крышей и привычная жизнь.

Идти туда было недолго, минут десять. Но район не самый благополучный: патрулей мало, а банды с Третьей линии часто прорывались сюда в поисках пропитания и лёгких денег. Ещё и одичавшие теры по ночам выползали из дневных убежищ поохотиться, а то и разорить пару-другую мусорных баков.

Ирр не боялась никого, но и нарываться без повода не хотела, поэтому шла быстро, оглядывалась по сторонам, а в одном месте попросту забралась на ограду, а далее по крышам обошла опасную компанию, которая зажала какого-то земпри возле стены. Обычное дело для Второй линии Эбердинга. Местные знали о том, что после захода солнца здесь не безопасно и сидели по домам, а приезжим вечно доставалось. Иногда Ирр вмешивалась, когда видела, что сможет разогнать бандитов, но чаще спешила домой и оттуда уже связывалась с участком. Так сделает и сегодня: семь вержей и тер, они порвут гончую на части и не вспотеют.

Если бедолаге-земпри повезет - к нему успеет патруль или народная дружина, если нет - быстрое течение каналов уже к утру вынесет тело в океан. Судя по доносящимся в его адрес угрозам - второй вариант вероятнее.

- Ещё раз спрашиваю, как ты обыграл кролика?

- Чуу, поддержи его, рука устала!

Ирр свесилась с крыши и пригляделась к говорившим внимательнее. Девушка-верж, кошка, судя по хвосту и кисточкам на ушах, отпустила земпри и отошла назад. На её место сразу же встал здоровяк камнекожий и попытался схватить земпри. Тот неуклюже взмахнул рукой, метя вержу в челюсть, но сразу же согнулся от ответного удара.

Кровь хлынула из разбитого носа, залила одежду парня и капнула на брусчатку. А камнекожий размахнулся во второй раз и ударил, теперь уже под дых.

Нельзя на такое смотреть! Неправильно! Сейчас покажет им полицейский жетон, вдруг образумятся. Ирр узнала компанию, это Долговязый Хос и его подручные, ведут полулегальный бизнес, но в крупные дела не лезут. Такие побоятся открыто напасть на служителя закона. На человека побоятся, а вот гончую могут и прихлопнуть. Одно тело в канал вынесет или два - велика ли разница? Ирр ни за что не отбиться от семерых, а по поводу ее смерти даже расследования не будет. Неофициально ребята перетряхнут Вторую линию, конечно, но к Долговязому Хосу вряд ли пойдут.

На земпри тем временем налегли уже вдвоем и не обращали внимания на рвущегося с поводка тера. А тот рычал и пытался сбежать, пока не выдернул поводок и не унесся прочь по темным переулкам.

- Как выиграл? Как? - не унимался Хос. Его подручные продолжали наносить удары, превращая лицо земпри в кровавое месиво.

Ирр же попросила помощи у Девы Благостной и тихо спрыгнула на землю. В открытой схватке у нее шансов нет, но эти болваны так увлечены допросом, что не заметят и целый конный отряд.

Она подобрала бульжник, зажала его в кулаке и с размаху ударила по голове ближайшего вержа. Пока тот падал, Ирр успела схватить кошку за руку и швырнуть ее об стену. Стерва завизжала и сгруппировалась, но приложилась неслабо.

Земпри заметил Ирр, поглядел на нее с какой-то детской надеждой и тут же сполз на землю, получив новый удар, а оставшиеся пятеро устали на нарушительницу спокойствия.

Ирр быстро вытащила значок полиции и взмахнула им, но ближайший к ней быкоголовый взмахнул рогатой головой и в один удар выбил блестящий кругляш, ломая руку Ирр. Она встряхнулась, быстро вправила кость и прыгнула на обидчика уже в облике гончей. Располосует ему лицо и откусит нос - пусть знает, как обижать одиноких девушек!

Кто-то ударил ее по спине, затем попытался оттащить, но Ирр продолжила вгрызаться в чужую плоть. Сейчас всё то дикое и звериное, что жило в ее крови было сильнее разума и чувства самосохранения, осталась одна неутолимая жажда рвать и убивать. Чувствовать во рту вкус чужой крови, слышать, как испуганно стучат сердца врагов и как от них разит страхом.

Оставив на лице быкоголового отметины, Ирр прыгнула под ноги камнекожему, извернулась и когтями порвала тому сухожилия. Дальше снова пришлось сцепиться с кошкой и порадоваться тому, что Хос не обладает никакой силой, ему магия подарила только способность к устному счету и абсолютную память.

От кошки ее отодрали сразу двое вержей, Ирр куснула одного, а потом ее кожу обожгло будто огнем. Рядом все закричали и попадали на мостовую, руками раздирая себе грудь или лицо. Ирр заорала от боли, вернула себе человеческий облик и тоже попыталась содрать кожу.

Глаза опалило ярким светом, а из звуков остался только голос того самого земпри, бормотавший проклятия в адрес всех вержей.

Когда Ирр немного пришла в себя, этот парень, почти невредимый и чудесным образом исцелившийся, собрал свои вещи, которые рассыпались по земле, потрогал обгорелый остов, оставшийся от Хоса, и медленно побрел прочь. Высокий, широкоплечий, как и большинство земпри, одет в такую же типовую форму, какую выдавали всем, только вот в руке он сжимал тускло поблескивающий серебряный амулет и увесистый мешок денег. Ирр и отсюда чувствовала их запах. И другой, не менее пугающий, который бывал на опустошенных землях, в местах, где чужие полностью выпили из мира магию.

* 10 * (Фредерика)

На ночь Фредерике, как и всякой приличной девушке, полагалось читать хроники прихода Отца-Защитника.

Когда-то давно, когда солнечные лучи совсем не пробивались сквозь туманную пелену, люди выживали только на построенных ушшами островах. Там росли леса и сады, текли чистые реки и водилось в достатке живности. Остальное же пространство бурлило дикой магией, что порождала чудовищ и сводила с ума людей.

Так продолжалось, пока однажды не пришли чужие. Они питались энергией, высасывали ее из всего, к чему прикасались. И после чужих оставалась голая пустыня, ничего больше. Остановить их смог только Отец-Защитник, когда собрал столько магии, сколько не собирал ещё никто и закрыл все разрывы пространства, через которые проникали чужие. А после с воинством, которое вела Дева Карающая, уничтожил всех монстров, а части их захоронил здесь, на месте будущего Эбердинга и других городов. Тогда же над ними рассеялся вечный туман и появилось солнце.

Говорят, от чужих остались только мелкие кости, которые до сих пор могли поглощать магию и убивать вержей и теров одним прикосновением. Фредерика сама таких не встречала, но отец рассказывал, что раньше в их семье хранился подобный амулет, как средство на случай бунта вержей. После революции у них отобрали почти все магические вещи, оставив взамен небольшую компенсацию.

Матушка за стеной снова громко слушала радио и надсадно кашляла. Поутру придется снова идти к лекарю и извиняться перед соседями, но Фредди пока не хотела об этом думать. Это будет завтра, пока же можно любоваться темным небом, крапинками звёзд и туманом, вечным спутником Эбердинга. С каждым годом его становится меньше, как и магии в мире. Наверное однажды она исчезнет совсем, уедет на Серебряный остров вместе с последним ушшем, и Эбердинг станет совсем обычным городом, как те, что раскинулись за пределами Республики.

Пока же магии здесь было с избытком. Фредерика заметила яркую вспышку где-то на Второй линии, очертила в воздухе знак Отца-Защитника и отправилась спать. Постельное белье, как и подушка, пахли сыростью и плесенью, нужно будет вытащить все это во двор и просушить как следует. Но старый сад с его гигантскими узловатыми деревьями, разросшимся тёрном и свисающим отовсюду лишайником пугал Фредерику даже в солнечный день. Особенно - старое семейное кладбище, что пряталось в самом дальнем углу возле каменной ограды. Хорошо, что ее окна выходили на улицу, а не на переплетение темных ветвей, иначе вовсе не спала бы ночью.

И тем внезапнее был нервный стук по дребезжащим стеклам. Фредди вначале подтянула одеяло повыше и прошептала слова молитвы к Отцу-Защитнику. Их дом стоял далеко от улицы, отгораживался от нее целой аллеей старых буков и высоким забором. И соседи все сплошь мирные и интеллигентные учёные, есть, правда, одна пожилая циркачка, но никто из них не имеет привычки напиваться и стучать в чужие окна. Хулиганы или ночные гуляки тоже не добрались бы до спальни Фредди.

Кто тогда? Грабитель, из числа тех, что верят, будто вся бывшая знать прячет в матрасах бриллианты и рубины? Или удравший от хозяина тер? Ни один дикий зверь или человек не сравнятся в силе и кровожадности с детьми Девы Порочной, которые утратили разум.

Стук повторился, по комнате метнулась тень, а Фредди же зажмурилась и зашептала слова молитв еще громче. Звать матушку бесполезно, у той над ухом разрывается радио, а соседи просто не услышат крик через толстые стены.

Но незваный гость не сдавался, колотил и колотил, отчего стекла дребезжали все сильнее. Да он разобьет их и все!

Фредерика сразу же подскочила, набросила на плечи шаль и шагнула к окну с мыслью, что лучше пусть этот негодяй ее съест, чем заставит искать деньги на новое стекло. К тому же теры редко бывали настолько деликатны, чтобы стучаться перед входом в чужое жилище, а с человеком можно попробовать договориться.

Несмотря на здравые мысли, перед тем, как отдернуть портьеру Фредди зажмурилась, вздохнула и только потом решила выглянуть. За окном в самом деле стояло чудовище: здоровенное, лохматое, перемазанное в крови. Оно взмахнуло лапами и прислонило что-то к стеклу. Фредерика вначале отшатнулась, затем разглядела целую пачку денег, что веером прилипли с другой стороны. Пятьдесят или даже семьдесят галлов - немаленькая сумма! Но что взамен?

* 11 * (Фредерика)

Будто растратив все силы на это, монстр схватился за живот и медленно осел на землю, а деньги посыпались вниз. Фредди пару мгновений боролась с собой, затем для уверенности прихватила с собой кочергу и отцовский стилет и поспешила к входной двери. Уже на пороге она в который раз попросила покровительства у богов, взяла фонарь и потом шагнула наружу.

Холодная столичная ночь мало подходила для прогулок в сорочке и облезлой шали, а кочерга уже не казалась таким надежным средством против грабителя или тера. Надо было не полениться и сходить в матушкину комнату за револьвером. Фредерика стреляла отлично, а с такого расстояния прикончила бы и взбесившуюся гончую, благо от отца остался запас разрывных патронов. Но возвращаться было глупо, тем более чудовище истекало кровью. Возможно, оно уже отошло в золотые чертоги.

Неровный жёлтый свет фонаря отбирал у тьмы только крохотный кусочек мира. Пока Фредди шла по дорожке, все было сносно, но стоило ступить на траву и повернуть к зарослям колючих кустарников, что росли под окном, как от страха по спине побежали мурашки. Следовало бы вернуться в дом, разбудить соседей, вызвать полицию и прийти к монстру всем вместе. Проклятая нищета лишила ее остатков разума: выйти в ночь ради пятидесяти галлов!

Фредерика уже шагнула назад, как услышала тихий стон монстра. Совсем человеческий, жалобный такой. Рука с фонарем дрогнула и высветила следы крови на кустах терновника. В республике не поощряли выращивание этого растения, даже накладывали штрафы, но матушка была непреклонна - символ империи должен быть под их окнами - и все тут! К тому же денег на садовника, который выкорчует заросли в их семье не было.

Монстр зашевелился, простонал снова, после чего Фредерика отругала себя и решительно шагнула к тому поближе. Она же Алварес! Алваресы не бросают раненых истекать кровью, кем бы те ни были. Вблизи и при ярком свете монстр оказался обычным человеком, правда, очень высоким и плечистым. Он лежал на боку и подтягивал руки к животу, будто зажимая рану. Фредди опустилась на колени рядом с ним, поднесла ближе фонарь и разглядела его живот. Но не заметила ничего, кроме синяков и размазанной крови.

- Встать сможете? - пробормотала она.

Жутковатый мужчина кивнул, затем с трудом, но все же поднялся на ноги.

- Идем в дом, там есть кушетка и можно вызвать врача. С вашими деньгами даже платного.

Мужчина яростно замотал головой и с трудом, опираясь на стену и плечо Фредди, поплелся к двери в дом. Значит, не хочет звать доктора? Но почему? Прячется от кого-то? У всего этого появился неприятный запах, который не могли перебить пятьдесят галлов, валявшиеся сейчас прямо на траве. А рядом с ними накренился небольшой мешочек для денег, подобными пользовались банкиры до революции. Возможно, и сейчас пользуются, просто у Фредди больше не бывает столько наличности, чтобы носить ее мешками.

Ступени натужно скрипели под их общим весом, потом мужчина повалил подставку для зонтиков и еще что-то. Фредерика с трудом довела его до ванной комнаты, открыла ржавые краны и заткнула сливное отверстие, то и дело прикасаясь к рукояти стилета. Но незнакомцу не было до нее дела, он привалился к стене, затем медленно сполз на пол, оставив за собой кровавый след. Черты его лица и цвет кожи терялись под слоем грязи и запекшейся крови, зато губы посинели. А это очень плохой признак.

- Надо лечь и раздеться, иначе не смогу осмотреть вас, - Фредерика опустилась на колени рядом с мужчиной и потянула полы его пальто. Бедолаге неслабо досталось,

- Здесь болит, - он снова указал на живот и сам кое-как улегся на пол.

Фредерика намочила тряпицу, протерла кожу, но не заметила там следов ран. Громадные желтоватые синяки и те быстро рассасывались, точно у какого-нибудь вержа.

- Приятно. Ваши руки лечат, а в глазах - тепло и свет. Так нечасто бывает.

Он через силу улыбнулся Фредди и взял ее руку. Только свет этот шел от жадности денег, его вызвали несколько десятков галлов, а никак не желание помочь ближнему. Помысли Фредерика здраво, она бы никогда не рискнула выходить ночью на улицу и тем более не привела бы незнакомца в свой дом. Тем более матушка будет в ярости, когда его увидит. Поэтому надо быстренько обработать мужчине раны и выпроводить. И деньги пусть заберет себе! Они точно добыты нечестным путем, законопослушные горожане не ходят ночью перемазанными кровью, не стучат в чужие окна и точно не отказываются от помощи врача.

Но чем больше она раздевала незнакомца, тем меньше видела на нем ран. И те, что были, затягивались, а синяки бледнели. Спустя минуту он уже смог сесть самостоятельно и снова стал болтать глупости о красоте и доброте Фредерики.

- Сейчас вернусь, - бросила она и выскочила из ванной. По пути снова споткнулась о ту самую подставку для зонтиков, прихватила фонарь и выбежала в сад. Главное - не замедляться ни на секунду, иначе снова вспомнил о своем страхе того, что скрывает ночь. Нужно собрать деньги, всучить их незнакомцу и выпроводить его. А лучше - позвать полицию. Обогнуть дом, постучаться к кому-то из соседей и попросить связаться с участком.

Но мешок и разбросанные купюры гипнотизировали Фредерику, притягивали, лишали воли и здравого смысла. Она взяла одну, только удостовериться, что та настоящая, а не подделка. Но все опознавательные знаки были на месте, да и сам слегка потрепанный вид намекал на то, что деньгами пользуются довольно давно. Фредди собирала и собирала их, бережно снимая с кустов и высокой травы, получилась тоненькая стопка в семьдесят четыре галла. Но это же громадные деньги! Хватит выкупить свой контракт у университета и больше не трястись из-за трудоустройства. И не слушать Медину с его лекциями по истории революции. А еще можно будет прикупить новых нарядов, привести в порядок волосы и ногти, чтобы сияли точно как у богатеньких свогоров.

Но рядом, в том самом мешке лежало целое состояние! Фредерика заглянула внутрь и тут же отшатнулась, завязывая тесьму покрепче. Еще не хватало поддаться искушению и начать запихивать купюры себе в лиф. Фредди оглянулась, схватила мешок и так же быстро побежала в дом.

Сразу же за порогом она отшатнулась и чуть не упала, увидев огромного, мускулистого мужчину, который разгуливал по холлу в одних только штанах. Он плавно развернулся и протянул ей руку..

- Одежду-то я постирал, пусть протряхнет немного, а потом накину ее и уйду, - проговорил он виновато.

Быстро же оклемался! И здоровый какой, точно земпри. Но у тех никогда не водилось столько денег. Фредерика кивала ему, а потом решительно протянула мешок с деньгами и собранные купюры. Здоровяк нахмурился, затем взял мешок, а остальное протянул Фредди.

- Это вам. Благодарю за помощь, не каждый в ночи пустит незнакомца, вы очень смелая девушка!

"Глупая и жадная, скорее" - про себя ответила Фредерика, а вслух поблагодарила парня за комплимент и попятилась к порогу. Оставаться с таким наедине - опасно, надо срочно идти к соседям. Но земпри внезапно шагнул ближе и схватил Фредерику за руки.

- Меня ищут по всему Эбердингу. Будут... Будут искать. А ваше окно единственное мерцало зеленым огоньком в столь поздний час. Матушка говорила, что это добрый знак, свет ушшей.

Фредерика отругала себя за привычку читать Хроники в то время, когда все приличные горожане давно спят.

- Домой никак нельзя. Да и дела у меня в городе, нужно вернуть кое-что хозяину, - продолжил он наседать.

А Фредди снизу вверх глядела на здоровяка, на его дурацкую стрижку, на светлые, по-детски наивные и в то же время серьезные глаза, и не удержалась:

- Чего вы от меня хотите?

- Спрячьте меня на время! Дом просторный, я никого не стесню.

- Прилично ли?

Он подвигал челюстями, почесал подбородок, затем выставил вперед руки с мешком денег.

- Я заплачу!

- А что стало с предыдущим владельцем всего этого? - Фредерика нащупала стилет и уже представила, как острое лезвие входит между ребер этого здоровяка, чтобы с одного удара и сразу в сердце, точно как убили несчастного инспектора.

Или же распарывает бьющуюся жилу на шее здоровяка-земпри. Вонзается ему в глаз. Или в бедро. Пусть только попробует протянуть свои руки - сразу узнает, как это связываться с Алварес!

Но парень-земпри вытащил из мешка бумагу и протянул ее Фредерике. На той стояла печать одного из игорных домов и расписка для банка, что данные средства получены неким Паком Ува абсолютно законным путем и после выплаты налогов могут быть зачислены на его счет.

- Тебя зовут Пак? И ты в самом деле земпри? А что делаешь здесь? На Первой линии, я имею в виду.

- Ищу кое-что. Так вы можете?

Согласиться - значит совершить самую большую ошибку в ее жизни. Но деньги! Больше восьмисот галлов - целое состояние. Можно полностью изменить свою жизнь и вылезти из нищеты! А еще - найти себе хорошую работу, чтобы не думать больше о замужестве и возможном отъезде.

- Половина! - выпалила Фредерика и ткнула пальцем в мешок.

* 12 * (Фредерика)

Если уж и рисковать - то ради солидного куша. Пак же беззвучно пошевелил губами, будто говорил про себя, оглядел Фредди, задержавшись на глазах, а не на декольте, как делали другие знакомые мужчины, а после невозмутимо ответили прижал к себе мешок.

- Четверть.

- Триста пятьдесят галлов! - Фредди сбавила ставку, но затем скрестила руки на груди, точно как отец, говоривший, что Алваресы не торгуются. - Иначе ищите другого помощника.

- Четверть, то есть двести галлов за вашу помощь. Или в самом деле ухожу.

Пак слегка поклонился ей, копируя жест донов, и потопал к выходу, затем вдруг одумался, вернулся за своими мокрыми вещами и снова поклонился Фредерике.

- Триста! Но за меньшую сумму я не стану связываться с таким подозрительным типом, - крикнула она уже в спину удаляющемуся земпри. Денег хотелось, отчаянно и до дрожи, но двести галлов - лучше чем ничего. А триста - тоже неплохой шанс изменить жизнь.

- Хорошо. Мне нужен приют на несколько дней, горячая еда и кое-какая помощь. А через неделю я сяду на зеленый поезд и уеду домой.

Он все же обернулся и строго поглядел на Фредди. И снова задержался на глазах. Те, конечно, были весьма неплохи, сосед-Хосе говорил, что смотришь в них точно в две бочки бренди, также манят и также лишают разума. Впрочем, какого ещё сравнения можно ждать от этой бестолочи, но вот грудь, талию и даже запястья он расхваливал куда как сильнее. А Пак смотрел только в глаза, будто все остальное досталось Фредерике от иноземной уродины.

Но много ли этот деревенский простак понимает в красоте?! Он и горожанок-то наверняка впервые видит. Ещё не проникся.

Фредерика приосанилась и строго произнесла:

- Но вначале вы поклянетесь на своей крови, что не причините вреда ни мне, ни матушке. И что покинете наш дом при первой возможности.

Пак серьезно кивнул, затем сел на стул и терпеливо ждал, пока Фредди принесет из кабинета крохотную фигурку змеи - один из двух сохранившихся у Алваресов амулетов. Продать такой все равно что родовую честь, поэтому в самые тяжелые времена Фредди и не помышляла об этом. Пак тоже с интересом смотрел на фигурку, дал уколоть себе палец специальной иглой и повторял за Фредди слова клятвы на тийском. Вообще-то с падением империи такие клятвы запретили, но не пойдет же беглый земпри жаловаться на Фредерику.

Закончив, она спрятала змею в карман и ткнула пальцем в грудь Пака:

- Теперь стоит вам только подумать что-то плохое о семье Алварес, как сама кровь взбунтуется! Идёмте, покажу вашу комнату.

- Не надо, - Пак попятился назад. - Мне бы помощь только и убежище, не до того. Не до утех!

Рука взметнулась прежде чем Фредди успела все как следует обдумать. Пощёчина вышла знатной, Пак мотнул головой и прислонил ладонь к полыхающей щеке.

- Я Фредерика Алварес, честная девушка и дипломированный химик и не собираюсь прыгать в постель к не в меру наглomu земпри, который размахивает деньгами в моем доме и думает, что теперь ему все дозволено! Если нужна такая помощь, то лучше собирай галлы, свое тряпье и проваливай отсюда, Пак Ува!

- Так сразу ж сказал, что утех мне не надо, чего было драться? Странные вы тут в городе, и до денег жадные.

Рука чесалась отвесить ему и вторую пощёчину, но Фредерика вздохнула и решила, что перед ней просто умственно отсталый. Таким и везёт в азартных играх.

- Покажу комнату, в который ты будешь спать. Один! Так понятнее? стоило бы отправить тебя на чердак, но...

Но там царил такой беспорядок, что Фредерика и сама не решилась бы зайти ночью. А еще на чердаке хранились запасы овощей и консервов, на самый крайний случай, которые Фредди лично натаскала с благотворительных вечеров, на которых раздавали еду для обедневших аристократов.

Матушка была бы в ужасе и никогда не приняла бы подачки, а вот в супе или каше ела эти продукты с удовольствием.

- ... но мой троюродный кузен с островов не может поселиться на чердаке, его место в гостевой комнате, - закончила она и махнула рукой Паку, - так что идем.

* 13 * (Фредерика, Ирр)

- А ты живешь одна?

Он поплелся следом, при этом постоянно крутил головой, разглядывая стены и потолок дома. Напротив гостиной пришлось остановиться - этому полудурку взбрело в голову поближе рассмотреть узор на паркете и поковырять пальцем лак. После чего Пак авторитетно заявил, что покрытие нужно менять, иначе к осени начнут портиться доски. Фредерика сжала кулаки, чтобы не врезать умнику снова и не высказать, что думает о чересчур обнаглевших земпри, но вспомнила о воспитании, о генеалогическом древе Алваресов, что корнями уходило во времена основания Эбердинга и к одному из сыновей Отца-Защитника, и чудом сдержалась.

- И живу я с матушкой, - сквозь зубы процедила она. - И не вздумай ей болтать про паркет или посевную. Представлю тебя как родню со стороны отца, она их не знала толком, поверит.

- Она головой болеет?

Вот этого Фредерика не выдержала и залепила наглицу вторую пощечину. Защититься он не пытался, только пыхтел недовольно и потирал щеку, другую в этот раз, для симметрии.

Да что он знает о матушке? Та абсолютно нормальна, не считая того, что живет прошлым. А в нем папины кузены с островов немногим отличались от земпри. Это сейчас они неплохо поднялись на овцеводстве и пивоварении, а до революции не были допущены до дома Алварес. А Пак, при некотором старании, как раз сойдет за одного из них. Правда, придется обкорнать ему волосы и найти другую одежду, но с этим Фредди справиться. Завтра с утра разбудит Хосе, а тот - своего дядюшку-портного, который обшивает многих известных свогоров и держит небольшой магазинчик готовых вещей, там точно найдется костюм по размеру.

Знать бы еще, что за тайну скрывает этот Пак Ува, где пострадал так сильно, как вылечился и почему прячется ото всех, если вполне законно выиграл деньги. Кстати о них.

- Оплату вперед! - твердо заявила Фредди, когда наконец-то довела Пака до гостевой спальни. Уборка бы и здесь не помешала, но не заниматься же этим среди ночи?

- Половину, - согласился земпри и отсчитал ещё сто пятьдесят галлов.

- И на одежду. Матушка может поверить в кузена без вещей, но в кузена-оборванца - точно нет.

- Заплачу по счету.

Фредди фыркнула и метнулась к двери. Что за тип? Сам сидит на огромных деньгах, а ей боится лишний галл выдать, как будто совсем не поддается обаянию. Или просто скупердяй!

- И если будете покупать мне пальто, то я хотел бы жёлтое или красное, - донеслось ей вслед.

Жёлтое пальто! Что за страшным человеком нужно быть, чтобы попросить жёлтое пальто?

- Серое! - мстительно заявила Фредерика. - В крайнем случае - синее.

Уже в коридоре она остановилась и прижала к груди купюры. Во что она ввязалась? Впустила в дом незнакомца, который поманил е деньгами! Что за глупость? Отец-защитник, подари ей немного везения, чтобы выпутаться из этой истории!

“Вставай... Вставай, иначе конец...”

Странный голос, похожий на звон колокольчиков, раздался на самой грани слышимости. Ирр приоткрыла глаза и медленно, с натугой спихнула с себя камнекожего. Он упал поперек ее тела, наверняка сломал немало костей, но под действием странной силы Ирр ничего не почувствовала и не видела. Она и сейчас почти не ощущала собственное тело и боялась на него смотреть. Жожу до сих пор жгло, а глаза казались сухими. Выживших здесь больше не было. Кошка до сих пор дергалась, но с такими ранами на шее не выживают. Страшнее всего, что раны эти она нанесла сама, когда пыталась сбить невидимое пламя.

Патрульные тоже не спешили к месту, где только что убили столько вержей. А может и не только что: Ирр теряла сознание и снова приходила в себя, за это время земпри успел уйти далеко отсюда. Но сейчас не до него, надо вернуть человеческий облик и найти помощь.

Ирр медленно плелась по улице, опираясь о стену, редкие прохожие шарахались в сторону от нее, одна особо нежная дама даже завизжала от страха. Ирр не выдержала и щелкнула выросшими челюстями той вслед, вызвав новую порцию крика. После добралась до ближайшего храма Отца-Защитника, оттолкнула сонного служителя и свернула один из кранов, подставив руки под струйку

темной жидкости. Та текла очень медленно, почти капала, а ещё обожгла кожу. Ирр стряхнула "кровь" с ладоней и принялась к кранам, выбирая тот, что пах похоже на ту жидкость, которой пользовался Хавьер.

Нужный нашелся почти в самом низу, но и он не желал делиться кровью Отца, цедил ее по капле. Этого не хватало, чтобы успокоить полыхающую кожу и внутренности. Ирр не выдержала, вырвала кран из колонны и подставила голову под хлынувшую струю. Почти сразу стало легче, мысли прояснились и дико захотелось пить.

- Что ты делаешь, проклятая тварь? - служитель храма совсем не праведно замахнулся и огрел Ирр по спине какой-то палкой. - Кто заплатит за ущерб?

- Свогор Хавьер Сото, следовательно особого управления.

* 14 * (Пак)

На новом месте Паку спалось плохо: кровать оказалась жесткой, громко скрипела пружинами и воняла сыростью. Кажется, белье здесь застелили в прошлом году, да так и не меняли. А еще что-то ползало по ногам, кусалось и норовило забраться в ухо, стоило только задремать. Поначалу Пак злился и смахивал живность, потом плюнул, перебрался на кушетку и укрылся одним из пледов.

Его мама не смогла бы спать спокойно, если бы по ее дому бегали насекомые, белье отсырело и не было накрахмалено и выглажено. В семье Ува никогда не водилось больших денег и никто не мог похвастаться знатными предками, зато всегда было в досталь еды, а светлый и теплый дом сиял чистотой.

В гостинице Паку тоже не понравилось. Но там было трое соседей, которые весь вечер травили байки, а ещё свет от уличных фонарей и чугунные батареи, от которых шло тепло. А здесь, в доме дипломированного химика и честной девицы Алварес, только сырость, холод и темные ветви, стучавшие в окна при каждом порыве ветра. Постоянно казалось, что сейчас из-за них выглянет тощее лицо того вержа или девушки-кошки, или пасть тера...

Пак плохо помнил, что произошло на той улице. Его били, очень сильно, кровь заливала глаза, а от боли хотелось кричать. Вроде кто-то вмешался, кто-то маленький и хрупкий. Ещё одна девушка, точно! Хорошенькая такая, взмахнула полицейским значком и вступилась за Пака, но потом началась драка и милая девушка превратилась в массивную полосатую тварь, которая рвала всех зубами и когтями.

Пак смотрел на это и чувствовал, как вибрирует серебряный клык в его кошельке, бурлит невидимой энергией и сыто мурлычет на самой границе сознания, насыщаясь кровью. А после все затопила вспышка света, вержи попадали замертво, а Пак наконец смог подняться на ноги. Голова кружилась, перед глазами все плыло, зато боль вроде как немного стихла. Он огляделся, искал выживших, но слабо дергалась только похожая на собаку девушка, и то, на ней не осталось живого места и сверху ещё упал здоровяк-верж.

Пак хотел приблизиться, но та зашевелилась и зарычала, страшно скаля клыки. И словно невидимая сила отдернула его и повлекла прочь, по путаным улочкам Второй линии, по широким проспектам Первой, через буковую аллею к окнам старого дома, где очень красивая донья читала книгу при свете зелёной лампы. С каждым шагом Паку становилось все хуже, раны будто заново открывались и кровоточили, поэтому стучал в окно он уже из последних сил.

Все не так в этом городе. И девушки не такие. То машут хвостами, то соглашаются помочь только за три сотни галлов. Не надо было приезжать сюда, тогда бы и не влип в историю. А теперь он убийца, которого ищет полиция и бандиты. Ничего, прорвется домой, а там уже родня поможет ему выкрутиться. В общине своих не сдают.

Пак ещё долго ворочался, слушал стук веток, тихие скрипы, доносящиеся из коридора, нервные выкрики механической птицы из часов, песню из радио и чей-то храп. Затем усталость взяла свое и Пак задремал.

- Здоров ты дрыхнуть! - утро началось с того, что прямо на его груди мелкий злодей Клу разглядывал тот самый серебряный зуб, ещё и насвистывал при этом.

- Сгинь! - Пак махнул рукой, но верж исчез, затем появился на прикроватной тумбочке. - Уходи! Прочь! От тебя все мои беды!

- Придумал тоже! Я пять лет тихо и почти честно наживался на жадности земпри и других болванов, потом пришел ты, обобрал меня до нитки, порешил работодателей и ещё и задумал очокуриться там же. Но старина Клу - добрый малый, он тебя спас!

- Вспышку ты устроил?

Со вчерашнего дня верж вроде как ещё немного уменьшился, сменил костюм на простую рубашку и комбинезон, а ещё напялил клетчатую кепи. Диковинка, что и говорить! Но доверять ему Пак не спешил: владея самой удачей, кто же захочет быть живым экспонатом в игорном доме?

- Клык чужого это устроил, балбес! - Клу переместился на голову Пака и выразительно постучал тому по лбу. - Они же вначале разрушают магию, потом ее выпитывают, а дальше могут отдать. А я все ломал голову, что случилось с картами и моим везением? Ясно же, что использовали амулет, но почему его не обнаружили? А потом вспомнил про клык. Он поглощает магическое поле, поэтому невидим для артефактов, которые ищут магию. Странно, конечно, откуда у простака-земпри такая вещь, но вдруг ты притворялся? Вдруг на самом деле мошенник, который любит обчищать игорные дома? Хос и остальные посмеялись над моей теорией, а кто был прав, а? Клу был прав!

- Я не хотел никого обчищать, - Пак сел и потер глаза. - И не знал, что эта штука магическая, просто нашел в парке, когда гулял по Первой линии. Смотрю, серебряный кулон, на клык похож, забавная безделица. Хотел отнести в полицейский участок или бюро находок, но общинные не дали, утащили на свои экскурсии, сказали, мол, завтра пристроишь свою игрушку.

- Просто нашел, просто сыграл, просто завалил целую толпу вержей, - загибал пальцы Клу. - Да ты просто сказочно везучий идиот, Пак Ува!

- Единственное в чем мне повезло - это уйти живым от твоих дружков и постучаться в правильное окно.

- А-а-а, - мелкий пригрозил пальцем. - Это уже моих рук дело. Как только ты поджарил Хоса и прочих, я смекнул - конец прошлой жизни, нужно срочно покупать билет в новую. Тогда и помог тебе самую малость, подбросил щепотку везения. Оттого клык тебя подлечил, а ноги привели к дому самой алчной из столичных девок. А ещё ее жадность перевесила здравый смысл, оттого она и впустила незнакомца в дом.

Пак потер виски, пытаясь уместить в голове все то, о чем болтал Клу. Выходило скверно, но и возразить не получалось. Как ни крути, а было что-то магическое в том, что Пак выкрутился из той передраги.

- Не говори так о Фредерике! Она честная девушка и настоящая донья.

- Именно такие и выбегают в сорочке к перемазанным кровью бандитам, стоит тем махнуть пачкой денег. Могла бы и постельку нам погреть за триста галлов. Ух я бы её...

- Довольно!

Пак двумя пальцами поднял мелкого пошляка за шиворот, донес до окна, с трудом приоткрыл форточку и высадил Клу наружу, на одну из толстых и кривых веток старой яблони. Ещё не хватало выслушивать пошлости от мелкого вержа! Пак перевел дыхание, поплескал ржавой водой из умывальника на лицо, а когда обернулся, то Клу снова сидел на кровати и рылся в мешке с деньгами.

- Убирайся вон! Общих дел у нас быть не может!

- Да не горячись ты! - верж несколько раз сложил купюру и запихнул ее к себе в карман, отчего тот безобразно оттопырился. - Понял уже - горячая донья только твоя, на нее зариться не стоит. И вообще, нормальные напарники не ссорятся из-за женщин.

- Мы не напарники!

- Напарники. Тебе не достает ума, мне, и с этим сложновато поспорить, не достает роста. Если объединимся - сможем компенсировать недостатки друг друга и зажить так, как раньше и помыслить не могли.

Пак попробовал пальто, но за ночь оно отсырело больше, чем высохло и надевать его не хотелось. Что ж, подождёт Фредерику и обещанные обновки. Только надо куда-то деть Клу... Вазой прикрыть? Или аккуратненько резануть зубом, чтобы разрушить его магическую способность к перемещению?

Да нет. Убьет ещё, жалко такую диковинку.

- Э-э-э! Ты там поаккуратнее!

Верж попятился отгораживаясь руками. Пак же разжал ладонь и позволил клыку упасть на стол. Надо же, почти замахнулся на малыша и сам не заметил.

- Почему амулет сработал? - поинтересовался Пак. - Целый день таскал его в кармане - ничего!

- А выигрыш? - Клу переместился ближе и сам взял в руки клык, через секунду выбросил его и подул на пальцы. - Клык сразу стал разрушать магию, но тихо, незаметно, а во время схватки он напитался кровью и сработал во всю мощь! Слыхал, как донья обращались со своими амулетами? Вот и клык обработали, чтобы приобрел такие же свойства. Редкая штука, хочу тебе сказать. И стоит дороже, чем вот это.

Клу брезгливо пнул мешок, потом вытащил из него ещё купюру и тоже начал складывать. Пак не выдержал, забрал ее себе и спрятал в карман.

- Тогда поскорее найду хозяина, верну амулет и вернусь домой.

- Спятил? - малыш взвился над столом. - Как ты его собрался искать? Дать объявление: "Ищу диссидента, балующегося запрещенной в республике магией для скорейшего возвращения ему

утерянного клыка чужого"? Да ты не в своем уме, малый!

Кто бы ещё обзывался "малым"! Пак даже среди общинных считался здоровяком, а этот прохода меньше пальца - и все туда же, жизни его учит!

- Найду. Не хочу оставлять себе такую опасную вещь.

- Вот придурок!

Клу прикрыл лицо рукой, затем шустро переместился куда-то за портьеру. Пак и сам услышал быстрый, размеренный стук каблуков, доносившийся из коридора. Под ногами этого человека не скрипели доски, а ещё ему точно не мешала полутьма, потому как свет из-под двери не пробивался.

Наверняка это сама Фредерика, хозяйка дома. Бедняжка, вынуждена тащить на себе такую ветхую, но огромную постройку и душевнобольную мать. С такой судьбой неудивительно, что она легко согласилась пустить в дом незнакомца.

- Попроси ее раздобыть тебе документы на новое имя! - голос Клу прошелестел прямо в ухо.

- И как она это сделает? - Пак отвечал шепотом, хотя стук каблуков приближался не так быстро. - Фредерика - честная девушка.

- Сделает, уж поверь. Такие девицы к двадцати пяти уже красуются на стендах "Их разыскивает полиция", а к тридцати получают порцию пуль в голову за государственную измену или мошенничество в особо крупных размерах. Есть только один вариант остановить такую: заделать ей сразу двоих-троих детишек и доверить управлять домом. И приусадебным участком, фермой, сыроварней и мельницей. Еще бы пару городских лавок, чтобы наверняка загрузить ее работой...

Дверь распахнулась так, что чуть не слетела с петель, стоявшая за ней Фредерика оглядела комнату, будто услышала голос Клу, затем взяла себя в руки, выпрямила спину и вошла в комнату очень медленно, будто плыла. И вчера, в обычной рубашке и потрепанной шали она казалась красивой, сейчас же, в светлом платье и со строгой прической Фредерика Алварес походила на кого-то из ушедших. Пак даже отвел взгляд, чтобы не пялиться на нее так сильно.

* 15 * (Фредерика)

Такого тяжелого утра не было уже давно. Фредерика с трудом раздобыла комплект одежды для Пака, потом долго уговаривала его постричься и побрызгаться одеколоном, заставила зазубрить информацию о кузенах с островов и то, что теперь его зовут Паскаль, а не Пак и тем более не Апраксий.

Хотя, наверное, противиться ему не стоило, Апраксий в желтом пальто смотрелся бы вполне органично. А вот Паскаль в пальто синем, новой рубашке и с нормальной стрижкой нервировал Фредерику. Кузены с островов как один были жуткими уродами, а этот земпри вроде бы и обладал схожими чертами лица и комплекцией, но казался почти красавцем. Таким, по которому вначале скользнешь взглядом, не заметив ничего особенного, а после не можешь отделаться от воспоминаний. И каждый раз возвращаясь к нему в мыслях ловишь себя на том, что образ хочется прокручивать в голове снова и снова.

Пак же вовсе не заметил внешность Фредерики, не сделал ей ни одного комплимента и не ценил заботу.

- Каша жидкая, - угрюмо размазал он сероватую массу по тарелке.

- Ешь давай! Можно подумать, в твоей общине завтракают иначе.

- Угу. у нас каша рассыпается, а сверху всегда лежит мед или варенье и кусочек масла. А еще матушка обязательно настрогает окорок и обжарит пару колбас, вдруг сладкого кому не хочется. И чай на травах заварит. Свежий, чтобы летом пах. А к тому времени подоспеет хлеб из печи...

Живот скрутило в тугий узел, а привычная каша показалась особенно отвратной. Готовить Фредерику так и не научилась: любой дешевый обед из университетской столовой был на вкус лучше ее стряпни. А этого болвана послушать, так он питается точно в ресторане: колбасы, масло, свежий хлеб.

- Ну вызови свою матушку, пусть приготовит сыночку правильный завтрак, раз уж она тебя так любит, - Фредди сама не заметила, что почти прошипела эти слова. Но Пак не обиделся, наверняка слишком туп для этого.

- Так я и сам могу. А матушка готовит не только на меня, на всю нашу ячейку, когда ее очередь подходит. Это же удобно: один раз в неделю по кухне дежуришь, в остальные дни тебя кормят. Правда, матушка говорит, что насовсем бы в поварах осталась, но так нельзя. Надо выкупать землю и другие капиталы ячейки, тогда можешь устанавливать свои порядки, вот вернусь домой...

- Просто жуй свою кашу, дорогой кузен Паскаль! Был договор о горячей пище и помощи, а не о бесконечной болтовне о твоей общине.

Он вяло размазал кашу по тарелке, набрал полную ложку и чуть наклонил. Белая масса текла быстро, комковатой струйкой, отвратительной даже на вид. Все же в тарелке она выглядела куда как лучше. Терринский фарфор любую пищу делает лучше, он просто не создан для блюд, которые выходили у Фредерики.

- Я просто не додумался уточнить, что пища должна быть горячей и съедобной, - скривился Пак.

- Ну хватит! - Фредерика отбросила приборы и встала. - Я не нанималась тебе в кухарки! Хочешь другую кашу - иди и свари! будет горячая и съедобная еда.

Пак внезапно серьезно кивнул, затем тоже встал и отправился на кухню. Там усадил Фредерику перебирать крупу, а сам уселся начищать кастрюлю. Будто от блеска ее стенок зависит вкус блюда. Он долго промывал зерна, вымерял количество воды и жар кухонной печи, а после по минутам само время готовки. Крышку открыл в самом конце, разложил по двум тарелкам горки рассыпчатой и ароматной каши, затем попросту слегка присушил на сковороде хлеб с пряностями и сел есть прямо на кухне, жмурясь от удовольствия. Фредерика же подковырнула массу ложкой, со злостью отметила, что этот земпри точно знает толк в готовке, и съела ровно столько, чтобы немного утолить голод и намекнуть на не самый лучший вкус блюда.

Пак не среагировал и на это, он вообще будто не замечал Фредди, а она же так увлеклась, что пропустила момент, когда замолчало радио, хотя планировала сбежать на работу еще до этого.

- Доброе утро, свогор!

Матушка вплыла в кухню в вышедшем из моды пышном платье и сразу же протянула Паку руку для поцелуя. Тот подскочил с места, склонился и расцеловал перчатку матушки так, как делали актеры в дешевых спектаклях про аристократию.

- Доброе утро, донна Агата! До этого считал Фредерику самой красивой женщиной Эбердинга, но как же ошибался! Будь я живописцем, на всех портретах изображал бы только вас!

Матушка сдержанно улыбнулась в ответ, но ее глаза блестели таким искренним восторгом и ликованием, что сразу понятно - паршивец сумел ее очаровать. Донна Алварес долгие годы считалась первой красавицей в столице, да и во всей империи Ньол, даже сейчас она выглядела в разы лучше многих сверстниц и не раз получала предложения снова выйти замуж. Но мог ли кто-то из женихов сравниться с самим его величеством или терпеливым и спокойным Виктором Алваресом?

- Бенита Алварес, - представилась матушка, - Агата и Фредерика - мои дочери. В молодости я часто позировала для картин, наверняка вы видели некоторые из них, но не знаете, что там изображена именно я.

- О! Не может быть! Я бы с удовольствием поглядел на них, люблю живопись.

И подставил матушке локоть, предлагая проследовать за ним.

- Не припомню вашего имени..., - она легко нахмурила брови. - Вы, должно быть, кавалер моей дочери.

- Это кузен Паскаль, с островов, - уточнила Фредерика.

- О! - матушка обернулась и взгляделась в Пака с удвоенным интересом. - Вы раньше не баловали нас визитами.

- Подзаработал немного и приехала в город тратить деньги. Хотел, признаться, снять номер в гостинице, но встретил Фредерику и вот я здесь! Всегда рад общению с родней.

- Нужно скорее отметить столь радостное событие! - матушка повернулась и строго произнесла: - Фредерика, доставай наше лучшее вино!

Лучшее, оно же единственное, уже попахивало кислотой и уныло плескалось на самом дне бутылки, угощать таким даже противного Пака - преступление против дома Алварес.

- Не стоит тратить! Фредерика, - он засунул руку в карман и вытащил оттуда пару десятков галлов, - купи нам игристого! А еще легких закусок, как любит донна Бенита!

- Право слово, не стоило! Сейчас же утро, не время для игристого. - притворно засмушалась матушка.

- Один бокал, только чтобы кровь бурлила! Фредерика, поспеши!

- Мне нужно идти на работу, лавка за углом, дорогой кузен и сам ходит.

Собственный голос казался шипением рассерженной гусыни, а уж слова! Разве так говорят доньи? Разве они так думают? Должны ли они варить каши и ходить на работу?

Фредерика от души хлопнула дверью, после пошла собираться на работу. Из-за Пака и его каши и так опаздывала, но пропустить нормальный завтрак, а после этого работать целый день на голодный желудок - полнейшая глупость. Тем более на время каникул закрывалась университетская столовая, а искать дешевый перекус в самом сердце Первой линии придется долго.

Пак догнал ее возле самого выхода, помог надеть пальто и прошептал на ухо:

- Мне нужны документы на новое имя, все расходы оплачу. И что мне делать целый день с твоей матушкой?

- Общаться! Ты, как погляжу, на диво быстро нашел с ней общий язык, - Фредди поправила шляпку, повертелась напротив тусклого зеркала и чуть прикусила губы, чтобы набрались сочностью. Пак по-прежнему не обращал на ее внешность никакого внимания, только хмурился сильнее от каждого слова.

- Выучил уже, как общаться с городскими: сразу взмахнуть деньгами, а после отвесить комплиментов поцвествистее, чтобы не подумали, будто галлы - плата за услуги, а не приятный подарок.

- Ах ты..., - Фредди чуть было не отвесила ему новую оплеуху, но внезапно осеклась. Этот подлец прав: они партнеры, если не сказать сообщники, такие отношения не предполагают сантиментов. А как ни крути, пока что она выполняет свои обязанности не лучшим образом. Одежда оказалась чуть маловата Паку, отчего теперь вдвое сильнее подчеркивала его массивную фигуру, еду он приготовил сам, а день наедине с матушкой в ветхом доме сложно подогнать под определение

“помоги спрятаться”.

- Вернусь к шести, - Фредерика через силу улыбнулась, - если соберешься в лавку за шампанским - не свети сильно лицо. Хотя с этой стрижкой на земпри и не походишь.

Пак кивнул ей очень серьезно и открыл дверь, выпуская наружу. Интересно, этот долдон вообще улыбается? При ней он сделал это один раз, в ванной, когда болтал о красивых глазах, и тогда выглядел очень милым. А сейчас... сейчас пугал своей непредсказуемостью и холодностью. И выглядел настоящим красавчиком с новой стрижкой и одеждой.

* 16 * (Фредерика)

На работу Фредерика все же немного опоздала, поэтому на ходу набросила синий халат, схватила первую попавшуюся кипу плакатов и разложила их на столе. Плотные и большие листы за год изнашивались, многие нужно подклеить или подкрасить, другие же - попросту выбросить, так что работы хватит до обеда.

Медина, кажется, уже был на рабочем месте. Его черное пальто и шляпа висели на вешалке, рядом стоял портфель. Но привычного громкого голоса слышно не было. Фредди старалась вести себя тихо, вдруг профессор не заметит времени ее прихода? Все же учебный год закончился, можно немного расслабиться и даже вздремнуть на рабочем месте. Но стоило подойти чуть ближе к полке с книгами, как Фредерика услышала тихий разговор в кабинете профессора.

- ...мастер ветви недоволен твоим самоуправством. Цель была выбрана, согласована и обозначена, а ты вдруг изменил ее.

Голос звучал ровно и монотонно, как механический, и точно не принадлежал профессору.

- Новая ничуть не хуже, подходила по всем параметрам, - а это уже Медина. И что за цель? О чем они говорят?

- Это было решать не тебе. За каждый проступок положено наказание, твоим станет укол вне очереди. Жди новых распоряжений завтра к вечеру. Всё должно быть исполнено идеально, это последнее предупреждение. Шипы жалят, но они легче всего отделяются от ветви.

Обругав себя за неумное любопытство, Фредерика отбежала подальше от стеллажа, забилась в другой угол и сделала вид, что начищает бюст основателя факультета химии в университете Эбердинга.

Дверь в кабинет распахнулась почти сразу, стоило ей только взять тряпку в руку. Фредерика не оборачивалась и старалась не показывать своего волнения. Вот до чего ее довело неумное любопытство: случайно подслушала разговор, совершенно не предназначенный для ее ушей. Что это было? Заговор? Прямо в стенах их университета, старейшего учебного заведения Эбердинга?

Или просто два старых приятеля болтали о занятиях фехтованием, а Фредерика напридумывала неизвестно чего? Не все же имеют такой талант влипать в неприятности, как она, чтобы утром стать свидетелем убийства, а вечером впустить в дом крайне подозрительного парня с кучей денег. Медина - точно адекватный человек, не склонный к авантюрам.

- А здесь работы еще немало, - говоривший пытался изобразить эмоции, но эти механические нотки так никуда и не исчезли. Фредерика обернулась к мужчине и поздоровалась.

Он оказался очень похож на Медину, почти как родной брат, только стрижка короче, по новой моде и яркий шейный платок. В похожем стиле Фредерика принарядила Пака, своего нового кузена с островов. Только тот при всем своем равнодушии и феноменальной вредности характера выглядел живым и добродушным. Этот же пугал неестественной холодностью и болезненной худобой, точно был вержем, который уже начал терять человеческую внешность. Но пока собеседник профессора ничем не угрожал и не пытался напасть. Зато и не уходил.

- Наверняка донье непросто справляться с уборкой, - не сдавался он. - Вы должно быть... Алварес, да Алварес! Помню, как на балах блистала ваша матушка, Бенита. Вы точная ее копия.

Фредерика опустила взгляд. О сходстве она слышала и раньше, но все доньи старой крови из Эбердинга похожи друг на друга, а ей нравилось думать, что унаследовала больше от папы, чем от легкомысленной матушки.

- Смирение тоже добродетель, а Алваресы никогда не боялись физического труда.

Мужчина хмыкнул в ответ на ее слова, наклонился поближе к бюсту основателя факультета и потер его пальцем. Фредерика с ужасом заметила, что из-под слоя пыли светлел след только от одного прикосновения тряпки. Этот незнакомец сейчас поймет, сколько времени было потрачено на уборку и чем еще могла заниматься девица Алварес.

- Мой отец говорил также, - согласился он. - Но еще Алваресы всегда по праву носили титулы, потому как доблестно стояли на страже интересов родной страны. Много брали, но и многое отдавали в ответ. Возможно, пришло ваше время вернуть семью на положенное ей место?

Он влез во внутренний карман пальто, вытащил оттуда прямоугольник бумаги и протянул его, придерживая двумя пальцами. На визитной карточке читалось имя некоего Карлоса Рубио и адрес, совсем недалеко от центра. Фредерика взяла ее из вежливости, но не убрала в карман. Даже

находиться рядом с Карлосом было неприятно, сложно представить, что кто-то по доброй воле решит иметь с ними дело.

- По слухам бывшая императорская семья держит кофейню в самом центре Эбердинга, а женщины из рода Калво работают в обычной больнице, - все же выдавила Фредерика, опустив взгляд. - Зная это, разве могу я стыдиться помогать с уборкой родного университета?

- Дерзкая, - он чуть приподнял бровь. - Думаю, мы еще познакомимся с вами чуть ближе, донья Алварес.

- Фредерика собирается замуж в скором времени, ей будет не до знакомств с посторонними мужчинами.

Медина подошел быстро, в своей привычной манере громко постукивая каблуками, а затем совершенно недопустимо положил руку на плечо Фредерике, притянул ее к себе и поцеловал в висок.

- Интересная новость, - Карлос коротко поклонился им обоим и все же покинул лаборантскую, закрыв дверь за собой так тихо, будто был бесплотным духом.

- Прекратите! Это против приличий! - Фредерика стряхнула руку профессора со своего плеча и отшатнулась.

- Прилично ли целоваться ради оценки на экзамене? - вспыхнул Медина. - Или же подслушивать под дверь? Вы будто специально ищете себе неприятности, Фредерика.

После он выхватил визитку из ее рук, зажег спиртовку, сунул бумагу в пламя и ждал, пока не останется ни одного клочка. Фредди же молча наблюдала за ним, не зная, как реагировать.

- История революции, что в ней сложного? Хроники двухсот тридцати семи дней и однообразное восхваление настигшего всех счастья, - продолжал напирать профессор. - Но нет, Фредерика, вы не потрудились ее выучить и получить свое честное "отлично" на экзамене, вместо этого предпочли хитрить, играть в соблазнительницу и обиженную невинность. Вот это достойно и прилично? Вот это не позорит род Алварес?

Медина стащил с полки тонкую брошюру с материалом по экзаменационному билету и потряс ей перед носом Фредерики, а после швырнул на стол.

- После обеденного перерыва проверю, и только попробуйте не ответить хотя бы на один вопрос! Если какая-нибудь комиссия узнает, что в университете работает бывшая аристократка, которая презирает революцию, то всем нам будет очень плохо.

Профессор злился так, как никогда до этого. И Фредерика чувствовала, что с ее провалом на экзамене это никак не связано, просто Карлос уже ушел, а помощница вот она, стоит рядом.

Только вот у Фредерики тоже было непростое утро и непростая ночь, оттого очень хотелось спустить на ком-то пар, дать выход злости. Не на Пака же ей кричать, с его тремя сотнями галлов? Да и не боится этот земпри крика. Вздохнет только и начнет занудствовать о своей прекрасной общинной жизни.

- А вы в самом деле считаете это правильным? - Фредерика подхватила брошюру со стола, затем бросила ее на пол. Медина же набрал воздух в легкие, но возразить не успел. - Что мы, доны, бывшие владельцы империи и магии, те, которые вершили судьбы мира, теперь моем пробирки или читаем лекции? Что нам бросили подачку из нашего же имущества, и со страниц газет и книг твердят, что мы должны быть за это благодарны? Да с каждым днем нас урезают в правах и возможностях, зато щедрой рукой раздают их земпри и вержам! Вот это правильно? Вот это мы должны повторять и заучивать? Вот так мы должны жить?

К концу речи Фредерика уже почти шептала, потому как если кто-нибудь услышит - ей действительно придется несладко. Медина же сверлил ее взглядом, сжимал кулаки и дышал так часто, что ноздри дергались. Затем он не выдержал и схватил Фредерику за запястья, спиной прижимая к стеллажу.

- Мы должны жить, Алварес! Пока что просто жить. И надеяться, что однажды все изменится.

- Аха-ха! Столько раз я слышала эти речи от матушкиных друзей. Они уже семь лет ждут, когда придет братство терна и вернет к власти императора.

- Он давно отошел от дел и никому не нужен. И это глупо отдавать столько власти в руки одного человека. Нет, если и ждать перемен, то пусть они приведут к абсолютно новому миру, тому, где судьбу города и республики решает собрание палаты донов.

В глазах профессора при этом блеснуло что-то, что-то пугающее и непонятное. С таким выражением лица матушка рассказывала о своих балах и том, как хочет вернуть прошлое благосостояние семьи. Фредерика испугалась и дернулась в сторону, но Медина не держал ее, его горячие пальцы лишь слегка прикасались к запястьям Фредди. А в глазах с каждой секундой все сильнее разгорался интерес и желание. Такое жаркое, приятное, разгоняющее кровь, а не маслянисто-расчетливое, как у соседа Хосе, которому льстило внимание самой настоящей доньи.

Фредерика уже почти почувствовала, как губы профессора накрывают ее губы, как его руки скользят по телу, как она сама плавится и осторожно, будто нехотя, отвечает на его прикосновения, как услышала скрип открывающейся двери. Медина отступил назад медленно, ничуть не стесняясь происходящего. Хотя кто знает, возможно он каждый день зажимается со студентками в своей подсобке. Фредди тоже не стала забиваться в угол и убегать с криками: пусть ректор и пригрозил уволить ее, если узнает об интрижке с профессором, но сто пятьдесят галлов быстро решат проблему с трудоустройством.

- Я принесла бумаги для Алварес, - проскрипела древняя старуха Жиль, равнодушно скользя по подсобке взглядом, - напишите пару заявлений строго по образцу, не забудьте проставить вчерашнее число и занесите мне.

- Донна Жиль, - Медина сам сгреб листы и уставился на секретаря, - мне бы не хотелось огласки.

- Я слишком занята работой для болтовни, а вот другие - нет. И если не научитесь держать себя в руках - ректору донесут раньше, чем я успею напечатать слово "уволена". Этим бездельникам и повод не нужен. Знаете, что болтают обо мне? - секретарша прищурилась и в упор посмотрела на Фредерику.

- Нет, простите.

- Чушь! Конечно, знаете! Они болтают, будто мы с ректором в отношениях. И это молодежь, цвет нации! Раньше у студентов хотя бы была фантазия. Тогда ходили легенды, что каждое полнолуние я надеваю черные одежды, седлаю одноглазого крылатого кабана и летаю вокруг университета, чтобы подкараулить девиц, которые спешат с тайных свиданий. А после отрезаю им локоны и варю из них зелье вечной молодости. Бред первостатейный, но с фантазией. А сейчас: в отношениях. Пфф! Да здесь все друг с другом в отношениях, возраст самый такой для отношений!

Она побурчала еще немного, после оглядела Медину и медленно вышла из кабинета. Фредерика же облегченно выдохнула, подошла к зеркалу и поправила прическу.

- И для истории революции тоже прекрасный возраст, Алварес! - профессор подобрал брошюру с пола и показательно переложил на полку. - Просто прекрасный возраст.

* 17 * (Хавьер)

Хавьер даже не успел дойти до своего рабочего места, как секретарь управления передал ему стенограмму от рассерженных служителей храма Отца-Защитника со Второй линии, где у следователя в принципе не могло быть никаких дел. Но судя по сообщению, "его тупая скотина разнесла все и покусала служителей", поэтому надлежит немедленно прибыть туда и возместить ущерб.

Недовольный Кроу все же разрешил Хавьеру съездить в этот храм, но пригрозил, что если Сото снова влипнет в неприятности из-за вержа, то уйдет работать в архив до самой пенсии.

Впрочем, на месте выяснилось, что никакими особыми неприятностями не пахнет. Просто его вчерашняя знакомая сломала кран с кровью Отца и слегка потрепала одного из служителей. Тот сейчас громко стонал в стороне, придерживая забинтованную руку. Смешно. Челюсти гончих такие мощные, что дробят кости, а мышцы и жилы рвут, как бумагу.

Ирр и сейчас скалилась, рычала из угла храма, но ни кого не нападала. Служители тыкали ее палками от швабр и метлами, чтобы не дать сбежать. Гончая пугала их, но не нападала и не пыталась уйти. Хавьер поздоровался со всеми, вознёс традиционную молитву Отцу-Защитнику и Девам, поклонился портрету Антония Калво, оставил несколько монет в чаше для пожертвований, и когда все, включая гончую, устались на него с молчаливым укором, наконец подошёл к служителям.

- Свогоры, мне крайне неприятно видеть, как в храме Отца-Защитника бьют девушку. Ирр, портить общественное имущество - недопустимо.

А после положил руку ей на загривок и повел к выходу. Клыкостая морда гончей оскалилась, но Хавьеру в этом чудилась торжествующая улыбка, адресованная служителю с палкой в руках.

- А деньги? - не остался в стороне тот.

- Фонд Антония Калво вышлет рабочих для ремонта в ближайшие дни, - Хавьер показал свое удостоверение, как одного из совета попечителей и кивнул всем, прощаясь. Возражать никто не стал.

Ирр рыкнула и прикусила ближайшую к выходу деревянную колонну, оставляя на ней след зубов, но шла рядом спокойно и мало походила на взбесившегося зверя. Человеческий облик она вернула уже в машине, сразу же скинула обувь, подтянула колени к груди и обняла их, сворачиваясь клубком. Одежда гончей оказалась перемазана кровью, изорвана, местами обгорела, волосы же темными тяжелыми прядями падали на лицо и плечи.

- Тяжелая выдалась ночь? - Хавьер протянул ей фляжку с чаем и пакет орехов, который всегда возил в машине. Ирр назвала адрес дома на самой окраине Второй линии, туда они и ехали.

- И утро! Всего-то кран один помяла, а они меня палками. Обидно. И на тебя обиделась. Целый важный дон-следователь, а помахал бумажками и ушел.

- Подрались с ними стоило?

Она перевела взгляд на Хавьера, тяжело вздохнула и снова спряталась за волосами. Действительно обиделась на служителей, но не настолько, чтобы самой их покалечить или требовать этого от "важного дона".

- Припугнуть хотя бы.

- Поверь, мои бумажки для них страшнее моих кулаков. Фонд Антония Калво единственный выделяет деньги на ремонт храмов, на полученные от правительства гроши и пожертвования они долго не протянут. А здесь такое досадное недоразумение - отлупили гончую одного из членов совета попечителей. Ты же хотела уладить конфликт, поэтому меня вызвала?

Она первая перешла на "ты", Хавьер только поддержал. Обычно фамильярность он не приветствовал, но с Ирр будто не могло быть иначе.

- Не-е-е, - протянула она. - Но словившего кран вержа они бы не отпустили за деньгами, обратились бы к егерям. А свогор Браво смотрел бы на меня строго и расстроился. От этого стыдно.

- Я тоже расстроился и могу смотреть строго.

- Уже поняла, - Ирр вздохнула и ссутулилась еще сильнее. - У меня есть пять галлов, этого хватит на починку их колонны. Сейчас поедем ко мне - отдам.

- Фонд все оплатит, не переживай.

Пять галлов - не такая и маленькая сумма для вержа, которому платят сущие гроши и выделяют пропитание, наверняка у гончей найдется на что их потратить. И для фонда это не такие большие расходы. Интересно другое - почему Ирр так выглядит и как оказалась в храме?

- Ничего не хочешь мне рассказать? - Хавьер решил связаться с начальством Ирр и попросить выходной для гончей. Во что бы та ни влипла - ей крепко досталось.

- Могу с расследованием помочь, - она отвечала очень тихо, нехотя. - Доны же глупые, ничего не видят и не замечают.

- И чего же я не заметил?

На самом деле за прошедшую ночь Хавьер успел перерыть целую гору информации о погибшем инспекторе и других жертвах с цветущим терном в руке, но общего у них было не так много. Все мужчины старше тридцати, все состояли на государственной службе, все ходили одними и теми же привычными маршрутами, на который их и настигла смерть. Значит, никакой случайности: убийца выслеживал конкретных людей. На этом сходство жертв заканчивалось. Хавьер смог найти в отчетах из полицейских участков восемь похожих случаев, разбросанных по разным секторам Второй линии, и ни разу убийца не оставил ни одной улики.

- Монету! Это главное, - ошарашила его Ирр.

- Это просто знак, как и цветущий терновник. Так убийцы помечают своих жертв и предупреждают следующих.

- Если ушш хочет добровольно уйти из жизни, он зажимает в руке серебряную монету или же передает ее кому-то. Он говорит: эй, мне уже ничего не нужно, а это пусть сделает тебя чуть счастливее. Поэтому Рен, хозяйка таверны, варит зелье счастья только за монету из руки мертвеца: если принес такую, значит прикоснулся к магии ушедших. Понимаешь теперь?

- Нет.

- И они не понимают, это ваше Братство! Одни доны там, все глупые. Поэтому кладут монету в руку, как символ, что этот человек был плохим, но после смерти может принести пользу. И с жертвами знакомы, иначе все пойдет не так.

- Найти глупых донов будет совсем не сложно, ты права.

Ирр покачала головой и прошептала:

- Сама разберусь.

Больше она ничего не говорила, наверняка еще больше уверившись в том, что с донами дел иметь не стоит. Но и с расследованием помогать отказалась, сколько бы Хавьер ни упрашивал ее и не пытался заманить заработком. Потом внезапно спросила, дадут ли ей значок особого управления, но все равно отказалась.

Квартира ее располагалась в бедном районе Второй линии, но еще вполне приличном и прилегающем к полицейскому участку. Большой дом рядом с колледжем, в таких часто селятся студенты. А ещё - странные девушки, вроде гончей, которая считает себя умнее донов.

Но кое в чем Ирр была права: погибший Морено был нечист на руку, если получится откопать информацию и про других, то между жертвами появится хотя бы призрачная связь, а значит и шанс вычислить следующую и поймать убийцу.

Девчонка вышла из автомобиля, быстро поправила волосы и послала Хавьеру воздушный поцелуй, улыбаясь во весь рот. Актриса! Разыграла представление для любопытных соседок, а теперь будет рассказывать, что дружит с настоящим доном. Хавьер не удержался, высунулся из машины и громко спросил:

- За тобой завтра заехать?

- Не до того мне! - выкрикнула она. А после кокетливо подмигнула и убежала вверх по ступеням.

* 18 * (Фредерика)

Этот день прошел для Фредерики под знаменем революции. Кто бы мог подумать, что Медина не шутит насчет своих требований и может гонять по материалу даже занимаясь другими делами. Ему не мешал ни учет оставшихся солей и реактивов, ни перекус, ни чтение газеты, ни даже сендвич, который Фредерика принесла профессору из столовой. На ее долю он заказал ореховое пирожное, чтобы стимулировать мыслительный процесс, и немного овощного салата.

Медина спрашивал и спрашивал, иногда что-то рассказывал сам или замолкал ненадолго. Он лет на десять старше Фредерики, встретил революцию в уже более зрелом возрасте и наверняка сохранил больше воспоминаний, а не только то, как страшно засыпать под выстрелы.

Но, пожалуй, самым ярким было то, как отец собирался на войну, Агата хлопотала вокруг него, а матушка беззаботно отдавала распоряжения. Тогда она послала служанку в общину земпри с наказом привезти свежайшей спелой клубники. Сезон уже заканчивался, проще было найти другие ягоды, но если Бенита Алварес хотела чего-то, то она это получала. Фредерика до сих пор помнила, что несчастная девчонка-верж вернулась в их дом спустя четыре дня, потрепанная и с рассеченной щекой. Она швырнула в матушку горсть ягод и свой чепец из униформы, а потом ушла навсегда. Первой из слуг. Постепенно дом покинули все остальные, когда поняли, что Алваресы больше не имеют над ними власти и не смогут платить жалование.

Оглядываясь назад, Фредерика понимала, что большинство из них бежало не от возможной нищеты, а от взрывного и капризного характера матушки, которого не выдержала даже Агата. Но тогда, когда сама была девчонкой, Фредерика воспринимала это как предательство и горько плакала по ночам.

Вначале ей пришлось учиться самой надевать пышные платья и заплетать себе косы. После - убираться и готовить, потому как Агата сбежала, а матушка прекрасно обходилась парой черствых кусков хлеба в день и фруктами. Фредди же росла быстро, постоянно хотела есть и двигаться. Ей повезло в том, что перед самой войной отец, напуганный слухами, успел оплатить учителей для дочери до самого ее совершеннолетия. После смены власти некоторые из них отказались от своих обязательств, другие же честно отработывали полученные когда-то деньги, пусть и морщили нос от вида обедневшей аристократки, так непохожей на других учеников.

Постепенно Фредерика научилась готовить что-то съедобное, более или менее чисто убирать дом, разбираться со счетами и торговаться на рынке, а также выбирать самые свежие из недорогих продуктов. Лет до шестнадцати она очень любила подслушивать под дверь, как матушка и ее друзья за чашкой чая обсуждают Братство терна и его тайные дела. Тогда казалось, что стоит немного подождать, и доблестные доньи и доны, хранители магии и старых порядков, выйдут из подполья и возродят империю. И тогда все станет как было: Фредди снова будет досыта есть и спать в чистой постели, матушка - блистать на приемах, а Агата вернется домой. Но чем больше проходило времени, тем меньше верилось в это. Постепенно Фредерика смирилась с новой жизнью и даже с тем, что теперь сосед-Хосе - вполне подходящая партия для бывшей доньи, а химия - увлекательная наука.

Возможно, где-то и для кого-то революция и стала толчком, прорывом, средством к лучшему изменить свою жизнь, но не для семьи Алварес. Поэтому учить и повторять глупости о наступившем всех благе - было выше сил Фредерики. Но Медина был точно механическая кукла: все твердил и твердил вопросы по ненавистному предмету.

Что послужило толчком к революции? За сколько дней бунтовщики захватили Эбердинг? Какие права и свободы получили угнетаемые ранее вержи и земпри? В чем ей видится основная причина произошедших событий?

- В том, что заклятые соседи из королевства Грис атаковали наши границы в середине лета, когда магия такая слабая, что не может напитывать амулеты донов и не дает силы вержам, - вздохнула Фредерика. - Они использовали ядовитый газ и бронированные самоходные машины, которые разрушили нашу линию обороны. Весь цвет аристократии отправился на войну, а бунтовщики взяли практически пустую столицу.

- Когда-нибудь вы влипните в неприятности, Алварес, в очень крупные неприятности! - профессор стукнул свернутой газетой по столу. - Очень жаль, что отец не выдал вас вовремя замуж куда-нибудь в колонии, это помогло бы избежать стольких бед.

- Он пытался найти мне жениха. Договорился о браке с каким-то стариком, Ником, кажется. Видела его снимок, но ни разу - вживую. Мы должны были пожениться, когда мне исполнится восемнадцать, но революция все перечеркнула. Пожалуй, это единственное хорошее, что она привнесла в мою жизнь.

- Ему было двадцать три, немногим больше, чем вам сейчас, - Медина внезапно успокоился и

печально улыбнулся. - И тогдашний Николас ничуть не обрадовался перспективе жениться на девчонке, которая еще играет в куклы. На снимке вы, Алварес, тоже вышли неважно: худощавый нескладный подросток, которого зачем-то нарядили в копию взрослого платья и завили локоны по последней моде. Кто же знал, что ваша красота еще спит, чтобы пробудиться к совершеннолетию?

- Так вы...

Фредди даже не нашлась, что сказать. Она просто глядела на Медину и чуть приоткрыла рот от удивления. Николас или Ник - вполне обычное имя, таких полно в Эбердинге, фамилию Медина сменил, а других связующих нитей между ним и бывшим женихом провести бы не удалось при всем желании.

- Это уже неважно, вы правы, революция все перечеркнула, - поспешно закончил профессор и покинул кабинет.

* 19 * (Фредерика)

Вот значит как! Тот самый усатый тип, что угрюмо глядел на всех с размытого снимка - и есть Николас Медина? Но в тринадцать лет сама новость о свадьбе, пускай та и случится нескоро, кажется пугающей, не то что мужчина на десяток лет старше. Странно, что профессор ни разу не упомянул об этом. Не посчитал нужным, ведь всё равно свадьба расстроилась? Или так радовался избавлению, что решил не ворошить прошлое?

Не распадись империя, Фредерика бы уже стала замужней дамой, родила первого из своих детей и думать бы не смела ни о какой учебе, кроме пансиона. Какой была бы их жизнь с Николасом? Вряд ли спокойной и тихой, они оба далеки от образа идеального дворянина. Скорее в их семье летали бы тарелки и постоянно слышался крик.

А любовь? Ей бы нашлось место?

Вряд ли. Медина бы считал Фредерику избалованной девчонкой, она отвечала бы неприязнью и тяготелась отношениями, навязанными отцом. Это сейчас, после нескольких лет знакомства, Николас казался практически идеальным мужчиной. Да за один его голос можно простить тьму недостатков! Это же целое искусство говорить о химии так, чтобы помимо реакций между веществами в голове сами собой выстраивались романтические картинки. При этом ни разу за все годы учебы Медина не флиртовал со студентками или же умело скрывал это. И ведь Фредерика тоже не раз представляла, как окажется вместе с профессором в каком-нибудь уединенном месте, их руки будто случайно соприкоснутся... А ведь тогда Фредди и не знала, что этот мужчина мог бы стать ее мужем, иначе бы с ума сошла.

Да, Медина хранит немало секретов и этот самый мелкий и несущественный. Знакомство с Карлосом Рубио - будет поинтереснее. Но почему тот открыто пришел в университет? Здесь, конечно, хватало посетителей, но на глазах у ректора и целой толпы преподавателей, не побоявшись возможного рейда специального управления...

Фредерика оглядела стол в поисках подсказки или улики, но заметила только "Вестник Эбердинга", на первой полосе которого красовался снимок убитого инспектора и громкий заголовок: "Неизвестный преступник собирает урожай из жертв". Никаких упоминаний о Братстве терна или использованной магии, зато была приписка, что из анонимных источников полиция знает о свидетеле преступления, девушке лет двадцати. Из особых примет - размер обуви, распатанный каблук и сухие духи с ароматом "Рассвет над фиалковым полем".

По спине пробежал холодок, а пальцы мелко задрожали: в особом управлении знают о ней. Пускай без подробностей, но знают. В конце статьи было нечеткое фото некоего Хавьера Сото, следователя, ведущего дело. Он лично обещал свидетельнице свою защиту и полную анонимность.

Фредерика раскрыла газету, пролиставла другие страницы, но из происшествий нашлось только краткая заметка о разборках бандитский группировок вержей где-то на Второй линии, унесшей семь жизней. О погибшем инспекторе больше не слова. Фредди снова взгляделась в снимок этого следователя. Породистое такое лицо, но волосы и глаза светлее, чем бывали у настоящих донов. Значит, из обычных горожан, с такого станется записать в убийцы бывшую аристократку. "Защита и анонимность", как же! Фредерика и моргнуть не успеет, как ей в вещи подsunут цветущую ветку терна и серебряные монеты, благо подходящий стилет у нее уже был, и прощай свобода! Еще - тот самый терновник цвел прямо под окном спальни, а матушка известна, как организатор приемов в поддержку империи, а в доме прячется подозрительный тип без документов, зато с мешком денег. Даже если отбросить все это, то следователь начнет расспрашивать о событиях того дня, что или кого видела Фредерика. Рассказать ему о профессоре? Нет уж. Похоже, она сама старательно вырыла себе яму, из которой не так просто выбраться.

- Выше нос, Алварес! - Медина вернулся в кабинет спустя пятнадцать минут с целой стопкой книг в руках. - Вы получили диплом, избежали свадьбы со страшным стариканом и даже устроились на работу. Сейчас немного подтянете историю революции - и сможете уверенно шагать в светлое будущее!

- Хотелось бы делать это без истории революции, - Фредди вздохнула и взяла верхнюю из предложенных книг. Толстенная какая!

- Никак нельзя! Хм, - профессор забрал газету, затем отбросил ее на полку, - Сото? Слышал о нем. Жутковатый тип. Но нам какое дело, не так ли? Только еще один повод вести себя как и положено примерным гражданам Эбердинга. И учить историю революции.

- Я вас уже почти ненавижу, - Фредерика пробормотала это шепотом, но Медина только улыбнулся и пододвинул к ней учебники.

- Могу проводить вас сегодня домой, расскажете поподробнее о причинах этого чувства. А я - о том,

как грозился отцу сбежать в колонии, лишь бы не жениться на мелкой и нескладной сопливке из дома Алварес.

- Ох, как сочувствую вашему тогдашнему горю.

В самом деле пройтись пару кварталов под руку с Мединой было отличной идеей, Фредерика не желала бы лучшего окончания этому дню, но вот дома ее ждал любезный кузен с островов, которого следовало бы накормить и хоть ненадолго избавить от общества матушки. Придется после работы снова хлопотать на кухне и выслушивать рассказы о прекрасной жизни общины, вместо прогулки и беседы.

Не иначе сама Дева Порочная влезла в мысли Фредерики и нашептывала ей, что во время прогулки Ник снова попытался бы поцеловать ее. И наверняка успешно, сама Фредерика бы точно не стал вырываться или сбежать, позволила бы его губам найти ее губы, а рукам - бережно обнять талию. Или не только ее, профессор, как и все доны, не отличался сдержанностью.

Стоило только представить это, как перед глазами появился Пак, размазывающий кашу по тарелке и те самые сто пятьдесят галлов, которые он уже заплатил.

- Простите, дон Медина, но к нам с матушкой внезапно нагрянул кузен с островов, - вздохнула Фредерика, открывая ближайший учебник по истории. Ничто так не сбивает романтический настрой, как пару абзацев этого бреда. - А вы знаете этих провинциалов - их визит хуже стихийного бедствия.

- Если выйдет за рамки - дайте знать, я разберусь.

Фредерика проглотила рвущееся наружу: "Также, как разобрались с инспектором?", - и кивнула. В конце концов, у нее нет ни единого доказательства, что именно Николас приложил свою руку к утреннему убийству. Он вроде бы живет неподалеку от парка, мог просто прогуливаться рядом. И зачем ему идти на такое преступление, даже если состоит в Братстве? Инспектор - слишком мелкая сошка, он не имеет никакой власти, с его смерти не начнется строительство нового порядка.

Эти и другие вопросы так и крутились в ее голове, смешавшись в одну кучу с датами и фамилиями из учебника по истории и приземленно-бытовыми мыслями. Что приготовить на ужин? Где лучше купить продукты? Как бы выпутаться из всего этого с наименьшими потерями?

Но главное: не только полиция знает о свидетеле убийства, сам преступник тоже видел Фредерику. Пока он никак не проявил себя, но кто знает, что будет дальше? Возможно, стоит и себе найти фальшивые документы и бежать подальше из города? Погостить у Пака, попробовать колбасы его матушки...

- Вы сегодня сама не своя, - Ник поднес ей чашку чая и почти насильно увлек подальше от ненавистных плакатов, кто бы знал, что возня с ними растянется на целый день. - Кто-то расстроил? Или это все вчерашний любовник? - он ухмыльнулся, но вот глаза, глаза оставались серьезными. Хотел разузнать, не видела ли чего Фредерика тем утром? Или же она накручивает себя и профессор в самом деле беспокоится о состоянии здоровья бывшей невесты?

- Карлос Рубио. Он меня испугал, - почти честно ответила Фредерика. Стоило вспомнить эти холодные и пустые глаза, как пальцы леденели. Разве может человек быть таким? - Он пришел навестить вас в университете?

- О, я слишком мелкая сошка для Карлоса, - Медина резко встал и притянул к себе лист бумаги, на котором сразу же стал чертить какую-то схему. - Он один из помощников министра образования, потому регулярно навещает в наш и другие университеты, следит за порядком и тем, как расходуются бюджетные средства. Но вам, Алварес, лучше держаться от него как можно дальше, Карлос ужасен в отношениях с женщинами. И за незнание истории революции он вполне может запихнуть вас в тюрьму. Поэтому давайте-ка вспомним основные даты...

Медина гонял по ним до самого вечера, только без пяти шесть смиловивился и разрешил отложить на время учебники и собираться домой, а сам ушел по каким-то делам к ректору. Задыхаясь от злости, Фредерика с силой пнула стол Медины, а потом запустила учебником в стену. Все, все проблемы от этой bestолковой истории! Попадись другой билет на экзамене - и Фредерика бы жила спокойно.

После огляделась по сторонам, убрала беспорядок и нехотя вернулась к пробиркам и прочему. Как только разберётся с Паком - сразу же уйдет отсюда в центральное бюро экспертизы и съедет от матушки, как и Агата.

Но это позже, пока Фредерика закончила с делами, нашла Медину, попрощалась и покинула университет.

Она так сильно погрузилась в свои мысли, что не услышала, как по парку за ней следовал человек. Но он сам напомнил о себе, стоило только споткнуться на проклятых расшатанных каблуках.

Карлос Рубио подхватил Фредди под локоть и фальшиво улыбнулся.

- Эти разбитые дорожки не приспособлены для хрупких ножек истинной доньи.

* 20 * (Фредерика)

- Разбитые дороги в общинах подойдут для моих ножек гораздо меньше, поэтому я рада, что живу в Эбердинге.

Фредерика улыбнулась в ответ и попыталась отстраниться, но Карлос приклеился, точно репей и не отступал ни на шаг.

- А вам грозило переселение? В столице не нашлось подходящей работы?

Вопрос был провокационный, честный ответ на него обозначил бы все проблемы не самой прилежной из студенток университета.

- Учителям в общинах больше платят, а у меня на руках пожилая мать, - Фредерика тяжело вздохнула и ускорила шаг: быстрее доберется до дома, быстрее избавится от Рубио.

- Печально... Меня всегда расстраивает, когда бывшие доны с трудом сводят концы с концами. А ведь мы были дружны с вашим отцом. Виктор Алварес олицетворял все то, чем была истинная аристократия Эбердинга: честь, ум, отвага и самопожертвование. Он одним из первых ушел на войну, не так ли?

На глаза навернулись непрошеные слезы, и снова Фредерика будто вернулась в тот день. Вот Агата хлопчет рядом с отцом, матушка отсылает служанку за клубникой, а сама Фредерика не может найти себе места. И кажется, что все это понарошку и вот-вот закончится. Но оно длилось больше семи лет, а отец так и не вернулся, погиб спустя месяц после своего ухода. В его бывшем кабинете до сих пор висит орден за проявленный героизм. Глупая железка, которая ничего не значит и не может заменить человека, который всегда знал что делать, был опорой семьи и примером для Фредерики.

- Да, он ушел одним из первых, когда мобилизация еще не стала обязательной. Не было минуты в моей жизни, когда бы я не гордилась отцом, свогор Рубио.

- Гордость - всего лишь чувство, преданность нужно доказывать делом. Вы не думали об этом, Алварес?

Фредерика остановилась, затем резко выдернула свою руку из лап Рубио и отошла на пару шагов. Прохожие останавливались и глазели на них, наверняка надеялись развлечься милым семейным скандалом. Но Фредди не хотелось веселить толпу, да и продержаться ей нужно совсем недолго: через полторы сотни метров покажется кованая ограда бывшего особняка Алварес, не пойдет же Карлос и туда? А если пойдет - Фредди спихнет его матушке, пусть развлекут друг друга беседой о былом.

- Вы напомнили мне, что отец всегда был против чересчур вольного поведения незамужних девушек, свогор!

- И поэтому Виктор Алварес оплатил вам учителей по тийскому женскому бою и стрельбе? - если Карлос и растерялся, то на считанные мгновения, и снова улыбался холодно и невозмутимо, как и раньше. - Давайте не будем разыгрывать этот спектакль, Фредерика? Я не кусаюсь.

Он снова приблизился, взял ее под руку и повел к дому.

- Вы удивитесь, сколько всего я знаю о вас. В университете на бывшую донью Алварес лежит достаточно пухлое досье, поэтому не надо притворства.

- Отлично! Обойдемся без притворства! Вы неприятны мне, а еще больше неприятны пересуды, которые пойдут среди соседей, стоит им увидеть меня под руку с незнакомым мужчиной.

Рубио пожал плечами и отступил на пару шагов в сторону, затем потер подбородок:

- С норовом. И воспитание хромает, как и у всех детей революции, но потенциал на лицо. Я бы рекомендовал ее для оперативной работы. Хотя цветок вероятнее, чем шип.

Рядом с ним никого не было, кому предназначалась эта речь? Фредерика оглядела Карлоса еще раз, но не заметила никаких амулетов или чего-то еще. Говорят, грисы уже изобрели аппарат для связи, который можно перемещать с места на место, но и он привязан к проводам. А Карлос болтает с кем-то, будто так и надо, но сумасшедшим при этом не выглядит.

Фредерика же предпочла поступить так, как учила ее матушка: если не понимаешь происходящего, притворись, что все идет так, как должно, рано или поздно и это закончится. Какое ей дело до странностей Карлоса? Несколько десятков метров и они расстанутся, если повезет - надолго.

Но пока Рубио следовал за Фредди по пятам, не давал отдалиться. Он двигался очень быстро, но дергано, как заводная кукла. Казалось, конечности не всегда слушаются Карлоса или скорее ими управляет кто-то другой.

Нянюшка Фредерики была из колоний, темнокожая и плотная, точно три матушки в объёме, она постоянно смеялась и веселила сестер Алварес. Но вечерами, когда туман затягивал улицы Эбердинга, а Фредди и Агата забивались вдвоем в одну кровать и начинали хныкать, нянюшка рассказывала страшные сказки своего народа. Про кровожадные растения и колдунов, которые могли из живого человека сделать куклу. Быструю и сильную, почти неуязвимую, но подвластную действиям хозяина. И когда маленькая Фредди представляла такую куклу, то она выходила очень похожей на Карлоса.

- Простите, нужно купить немного продуктов, - она чуть склонила голову, как знак прощания, и вошла в лавку, расположенную неподалеку от дома. Но Карлос снова не отстал ни на шаг.

- Боюсь, воспитание не позволит мне заставить донью тащить тяжеленную корзину.

- Там будет пара пирожных для нас с матушкой и бутылка вина. У нас гостит кузен с островов, хочется отметить его приезд.

- Мужчина не будет сыт вином, - возразил Карлос, - не стоит беспокоиться, я заплачу. Знаю, как непросто выживать нашим после революции. Мне повезло встретить нужных людей, которые не бросили и помогли устроиться в новом мире, вам повезло меньше, Алварес. Но это можно исправить.

Он в самом деле набрал множество продуктов: колбасы и сыры, пару баночек деликатесных джемов, свежие фрукты и несколько бутылок неплохого вина. У Фредерики от одного взгляда на это начинали течь слюнки. Так хорошо она не питалась со времен, когда был жив отец. Но принимать подачки из рук Карлоса не хотелось. Он видел это и нарочно набирал побольше всего, выбирая самое вкусное и недоступное.

После же, как истинный дон, взял две корзины и потащил их к бывшему особняку Алваресов.

И там тоже все было неладно. Фредерика замерла возле ворот и не решалась ступить дальше. Кто-то аккуратно скошил всю траву отсюда и до самого дома, оставив ее сушиться под светом солнца. От нее странно пахло, непривычно, но Фредерике понравилось. А еще все кусты оказались аккуратно подстрижены, кроме терновника, его выкорчевали, разрубили на куски и сложили, как для костра.

Пока Фредди размышляла, сколько ей придется заплатить неизвестному садовнику, из дома вышел Пак со свертком газет. Ещё выше и шире в плечах, чем казался утром, перемазанный землёй и с пятнами пота на рубашке. Зато брови также нахмурены, а челюсти сжаты. Карлоса он заметил и перевел взгляд на Фредерику. Что делать? Как объяснить? Рубио тем временем вышел вперёд, поставил корзины на дорожку и снял шляпу.

- Карлос Рубио. А вы, должно быть... Хм... Нет, простите, нет идей. У Виктора Алвареса не было сыновей, жениха Фредерики я уже видел, садовники стоят недешево, так кто же вы?

Фредди отошла ещё чуть назад, указала на Карлоса, а после нарисовала в воздухе знак Девы Порочной и провела пальцем по шее. Вряд ли этот болван-земпри что-то поймет, но, возможно, будет вести себя осторожнее.

Пак едва заметно подмигнул ей, затем отшвырнул газеты, подвигал челюстями и без предупреждения схватил Карлоса за грудки и приподнял над землёй.

* 21 * (Фредерика)

- Я ее кузен Паскаль. А вот что за тип таскается за моей сестрой - вопрос. Или где-то в вашем кармане лежит кольцо, которое вы подарите Фредерике, когда будете просить ее руки перед лицом доньи Бениты и прочей родни? М-м-м?

- Пусти!

Карлос беспомощно дернулся, оглянулся на Фредди в поисках поддержки, затем закашлялся и схватился за шею. Именно сейчас в его кукольном лице вдруг проскользнуло что-то человеческое и живое.

- Так и проваливай отсюда! - не дождавшись ответа, Пак отшвырнул Рубио и сложил руки на груди. - Нам здесь не нужно умников, которые думают через корзинку еды проскользнуть в спальню к приличной донье! Хочешь встретиться с ней - ухаживай, как положено и женись! А сейчас пошел!

- Мы позже вернёмся к разговору, Алварес, - Карлос отряхнулся и снова стал невозмутимо-холодным, затем обошел Пака по широкой дуге и неспешно пошагал к выходу.

Земпри положил руку на плечо Фредерике и повел в дом, захватив по пути корзины. В первое мгновение казалось, что ее стошнит от отвращения: грязный и вонючий земпри так по-свойски обнял, точно имел на это право. Но его ладонь не двигалась по плечу и не норовила переползти на спину, как случилось с шаловливыми руками соседа Хосе или с требовательными Медины. Пак держался ровно так, как и положено заботливому кузену. Возможно, хорошо отыгрывал свою роль, но Фредди хотелось думать, что он просто ее уважает.

И не было никакого ужасного отвратительного запаха: просто скошенная трава и совсем немного пот, но после долгой работы никто не благоухает. А стоило им переступить порог, как ее новый партнер убрал руку, затем пригласил Фредерику на кухню, где выставил на стол блюдо с жареной курицей и запеченными овощами. Конечно, по правилам следовало бы разделать тушку, а после отнести ее в столовую, но Фредерика так проголодалась за день, что ополоснула руки, оторвала ногу у курицы и откусила, зажмурившись от удовольствия.

Да, некрасиво. Да, не подобает для девушки с ее происхождением, образованием и воспитанием. Но пред кем здесь чиниться? Перед земпри, который из столовых приборов наверняка знает только ложку и нож? И тем наверняка выковыривает грязь из-под ногтей чаще, чем режет мясо.

Пак в самом деле не стал делать ей замечаний, стянул рубаху, запихнул голову под кран и простоял так несколько секунд, а после выпрямился и потянул к себе полотенце. Фредди же внимательно следила за тем, как под кожей земпри перекачиваются мышцы, и никак не могла решить, отчитать его или же подбодрить, чтобы продолжил плескаться.

На такую спину можно любоваться долго, мышцы очерчены, как у древней тийской статуи, только длинные борозды шрамов вдоль позвоночника портили впечатление. Их было совсем немного, да и края ровные, но все равно неприятно смотреть на следы давнишней боли.

Надо было сразу отправить Пака в ванную, но его волосы не могут быть грязнее овощей, которые обычно и моются под этим краном, так как для фарфора есть и другая раковина, а стоит спугнуть земпри - не факт, что еще раз удастся увидеть полуобнаженного красавчика, поэтому Фредерика предпочла просто жевать. Кто бы ни приготовил эту курицу, он был человеком талантливым. Только бы не Пак! Фредерика еще не смирилась с тем, что он кашу готовит в разы лучше некой доньи Алварес, курица полностью уничтожит ее поварское самоуважение.

Пак же отрезал себе небольшой кусок от тушки, выбрал нежирный, зато с хрустящей корочкой, отложил овощей, поперчил сверху и тоже налег на обед. Он не чавкал, не запихивал себе еду в рот, и в целом вел себя в разы лучше Фредерики. Она осознала это и начала жевать медленнее, кокетливо промакивая рот салфеткой.

- Наглый тип, этот Карлос. Из-за чего он к тебе привязался? - Пак заговорил только тогда, когда закончил с курицей и разлил лимонад по двум стаканам.

- Сама не понимаю. Вбил себе в голову что-то и не отставал от самого университета.

- Плохо.

- Пустое, - отмахнулась Фредерика. - Ты с ним здорово разделался, думала, не поймешь моих знаков.

- Ты дрожала вся, это сложно не заметить. Нужно было защитить, а в каждом доне живет глубинный страх бунта земпри, как память крови о восстании бутылочных стекол или прошедшей революции. Вот я и воспользовался этим.

Пак улыбнулся, широко и искренне, отчего сразу стало заметно, что этот суровый и нудный парень едва ли намного старше Фредди. А еще у него ясные, лучистые глаза и ямочки на щеках. Хотя какие ямочки? Если кто-то понимает тебя с одного короткого взгляда - это дорогого стоит и без всяких ямочек.

- Я не боюсь земпри, - зачем-то пробормотала Фредерика и улыбнулась в ответ.

- Потому что ты добрая девушка и не чувствуешь за собой никакой вины. Карлос не такой. Мутный тип и глаза у него будто стеклянные. Давай провожу завтра до университета?

Фредерика машинально кивнула, поймав себя на том, что откровенно таращится на широкие плечи этого земпри. Пожалуй, соседу Хосе больше нет смысла расхаживать под ее окнами без рубашки, его тело на фоне здоровяка из общины казалось тощим и нелепым, точно у ошипанного цыпленка.

Во рту сразу же пересохло, а мысли улетели совсем уж далеко, поэтому Фредди быстро сжевала ещё один кусок курицы и заговорила:

- Благодарю за вкусный ужин и то, что навёл порядок в нашем саду. Мы с матушкой, как две хрупкие женщины...

- Я не привык без работы сидеть, а тут, в городе, который день бездельничая, уже и мышцы слабеют стали, так вернусь домой и не смогу мешок зерна поднять, стыдно будет.

Снова он болтал о своей общине, но Фредерику это уже не злило: если такие прекрасные плечи нарабатываются тасканием зерна - пускай рассказывает дальше. И о скотном дворе, о полях, и об урожае, и о полях со стогами сена... Интересно, Пак уже бывал с кем-то на сеновале? Наверняка бывал, он же не совсем мальчишка. Но ведет себя так сдержанно, отстраненно, как будто боится. Или просто не хочет быть навязчивым. В самом деле, кто лезет с поцелуями на второй день знакомства? Но эта сдержанность - поведение дона, а не земпри. Наверное. О жизни в общинах и царящих там нравах Фредерика знала немного.

- А терновник? - опомнилась она, - неужели матушка разрешила его убрать?

- И сама же подрубила возле корня почти все стволы и посыпала пеньки солью, когда услышала про тлю-глазожорку.

- Ч-что? Какая тля? - Фредди поднялась с места и начала собирать тарелки, Пак сразу же подхватился и начал помогать ей.

На тесной кухне, переделанной из кладовки, особенно не развернешься, поэтому они то и дело сталкивались друг с другом. И Фредерику это нервировало, как и отсутствие у Пака рубашки.

- Глазожорка, - уточнил он и поставил тарелки в мойку, чуть склонившись над Фредерикой. - Она живет в зарослях терновника, а когда вылупляется - заползает под веко любому теплокровному существу и выпивает глазное яблоко.

Пак говорил вполне серьезно, но уголки губ то и дело подрагивали. Придумал эту тлю и наврал доверчивой матушке, подлец! Зато возле их окон больше не растет ненавистный терновник, за который могли и штраф выписать.

- Бред какой, - вздохнула Фредди, плечом отпихивая от себя земпри. - Не бывает такой тли, матушка бы не поверила.

- Кажется, поверила. Как и твои соседи. Кстати, курицу принесла одна милая женщина с косой вокруг головы, она очень горячо благодарила за избавление от глазожорки. Обещала кормить меня каждый день, если абсолютно случайно найду похожего вредителя в радиоприемнике тетушки Бениты.

* 22 * (Фредерика)

- Рада, что не ты это готовил.

Пак вопросительно поглядел на нее, затем поставил сковороду на плиту, чуть подсушил ломтики багета и аккуратно намазал их джемом из корзины Карлоса. Фредерика вытащила оттуда пучок мяты, промыла ее и украсила тосты листочками. Прихватила один и села прямо на подоконник: подальше от этого странного земпри и повыше, чтобы не заглядывать ему в глаза снизу вверх. Но Пак не стремился приблизиться, он тихо сел за стол и тоже откусил от тоста.

- А ты настоящее сокровище, - подмигнула ему Фредди, - особенно с такими деньгами. Наверняка девушки из общины на части разорвут. Или у моего дорогого кузена Паскаля уже есть возлюбленная?

Воркующие нотки то и дело проскальзывали в ее голосе, но Фредди ничего не могла с этим поделать. Что плохого, если узнает немного больше о человеке, которого впустила в свой дом? Вдруг у него дома есть жена и толпа детишек, поэтому Пак и не реагирует на Фредерику?

- Никого, - пожал он плечами. - Хочу найти себе простую милую девушку, чтобы заглянуть в глаза - и сразу понять, вот с ней можно состариться. И чтобы из деревенских, с городскими... не складывается. Вот как с тобой: знакомы один день, а постоянно ссоримся.

- Состариться вместе, какая напыщенная чушь! Снова дамские романы цитируешь? - Фредди отшвырнула тост и вскочила с подоконника. - Почитываешь их, да, Пак Ува? Пальто ему подавай жёлтое, девушки городские не нравятся... А может тебе никакие девушки не нравятся?

Пак невозмутимо дожевывал тост, поднял рубаху и небрежно забросил ее на плечо.

- Ты все еще за вчерашний случай со спальней злишься? Говорил же: странные вы, городские, не знаешь, чего ждать. А у меня тяжёлый день выдался, вот и ляпнул, не подумав. Обидеть не хотел.

- Не знаешь, чего ждать, поэтому ждёшь, что к тебе в кровать прыгнут? За какие-то триста галлов? - его равнодушие выводило из себя, лишало крох здравого смысла. Какое Фредди дело до отношений Пака с девушками? Они же расстанутся через несколько дней и больше никогда не увидятся. Этот болван не сможет прижиться в городе, а Фредерика зачахнет в общине.

- А за тысячу галлов не так бы обидно было? - он покачал головой и все же вышел из кухни. Но Фредди не отставала ни на шаг.

- Да хоть за десять тысяч! Нет такой суммы, за которую я проведу с тобой ночь!

- Ну и ладно. А пальто поярче хотелось, потому что на работу всегда в сером хожу, тошнит уже от этого цвета. И книг в общинной библиотеке четыре десятка, вот и читал дамские романы. Девушки здесь при чём?

Воздух застрял где-то в глотке, отчего Фредерика только открывала и закрывала рот, не находя, что ответить. Нет, он точно больше мальчиками интересуется! Или вообще никем. Ходили слухи, что земпри в общинах подпаивают специальным зельем, которое отбивает влечение к противоположному полу, чтобы ничто не отвлекало от работы. Вот и этот такой же!

- Ты очень красивая, но от злости идёшь красными пятнами и челюстями скрипишь страшно, - Пак хлопнул ее по плечу и улыбнулся. - Давай уже забудем все и тихо проведем вечер?

- Конечно, это же не тебя посчитали продажной девкой! - она вдохнула и выдохнула, пытаясь успокоить сердцебиение, но от одного взгляда на лицо Пака хотелось орать и топтать ногами. А еще лучше - сбегать за отцовским пистолетом и стрелять в этого мерзавца, пока обойма не опустеет.

- Ты пощечину за это влепила. Хочешь, предложи мне денег за ночь.

Ногти так сильно впились в ладони, что казалось, сейчас рассекут кожу и польется кровь.

- Иди-как в свою комнату, Пак Ува, и спи там до завтрашнего утра. Один.

Ответа Фредерика так и не дождалась, Пак в самом деле просто развернулся и ушел, а после закрыл за собой дверь на ключ. И от скрипа, с которым тот проворачивался в замочной скважине, Фредерика окончательно потеряла контроль и топнула ногой. Болван-земпри считает ее настолько похотливой, чтобы ломиться в комнату к малознакомому мужчине? Или Пак все же почувствовал, что перегнул палку и решил обезопасить себя от пули? А Отец-Защитник свидетель, Фредди еще ни разу не была так близка к мысли выстрелить в живого человека.

Надо срочно найти матушку, та с чередой своих бесконечных проблем умеет вернуть в реальность.

Фредерика беззвучно повторила все ругательства, которые когда-либо слышала от Хосе, затем добрела до зеркала и оглядела себя.

Врет, подлец, никаких пятен на лице. А если бы и были, то Пака это никак не касалось! Платить ему за ночь! Придумал тоже! Да он сам... да пусть только придет... пусть попробует - и точно получит пулю в лоб! Нет, в плечо, в левое, чтобы попортить его безупречные мышцы! Пусть потом попробует соблазнять ими деревенских дурочек!

Злость накатывала на нее волнами, и сколько бы Фредди не пыталась успокоиться, становилось только хуже. С городскими у него не складывается, да с таким ни у кого не сложится!

Спустя несколько минут запас ругательств иссяк, а диванная подушка, которую она лупила, приснула на пол перьями. Тогда Фредерика чуть припудрила лицо, взяла увесистый том "Хроник" и направилась в комнату матушки, проверить, как у той дела.

Дверь в спальню донны Алварес оказалась распахнута, а сама она лежала на кровати, прикрыв лоб мокрым полотенцем.

- Матушка, ваш кашель! - Фредди поспешила укутать Бениту и отобрала холодную примочку.

- Этот Паскаль - настоящее чудовище! Нам нужно срочно спровадить его куда подальше! Фредерика, ты займись этим немедленно!

- Он обижал тебя? - мысль о пистолете становилась все более навязчивой, но тут матушка вздохнула так тяжело и притворно, что Фредерика разом остыла.

- Заставил работать в саду. Я даже не поняла, как это произошло. Ещё и болтал постоянно, что ты вот-вот выйдешь замуж за Хосе или другого прохвоста, нарожаешь пяток детишек и заставишь меня вытирать их сопливые носы и менять грязные пеленки, пока вы с мужем на работе. А если не буду справляться, вы отдадите меня в приют для престарелых и немощных. Дева Благодная, за что мне эти муки?

- Матушка, я никогда не...

- Молчи! - Бенита взмахнула рукой и прикрыла глаза. - Такого не будет никогда, потому что завтра я выхожу на работу. Буду учить девочек в ближайшей школе основам этикета, кузен Паскаль уже договорился об этом. А теперь ступай и выпроводи его, я не вынесу новых потрясений!

Фредерика кивнула матушке и выскочила из ее комнаты, пытаясь переварить информацию. Как этот земпри за один день ухитрился перевернуть всю жизнь семьи Алварес? И что сделает, если останется в их доме ещё на неделю? Фредерика бежала по коридору и краем глаза рассматривала стены, будто в первый раз. Деревянные панели рассохлись и потрескались, обои отошли от стен, а на картинных рамах уже такой слой пыли, что можно рисовать рожицы. Раньше матушка хотя бы изредка помогала с уборкой, сейчас же полностью сбросила все хлопоты на Фредди. А у нее после целого дня занятий и мелких подработок в городе уже не оставалось сил. И тогда, вечерами, когда от отчаяния хотелось выть, Фредди просила у Отца-Защитника, чтобы он хоть немного помог ей, изменил жизнь семьи Алварес. Что если Пак и был той помощью? Или знаком самой взяться за решение проблем и не ждать чуда?

Но пока эти мысли окончательно не перевесили злость, Фредерика заколотила в дверь невыносимого земпри. Не открывал он долго, а когда все же открыл, то оказался полностью одетым, как для прогулки, и с чуть влажными волосами. А ещё прижимал к себе томик "Жизнь в колониях: вчера, сегодня, завтра".

- Я покину вас с матушкой ненадолго, - бросил он и впихнул книгу в руки Фредди.

- Ты куда собрался? Я не собираюсь здесь сидеть и караулить, пока ты гуляешь по городу.

- В окно постучу.

Не оборачиваясь, Пак напялил шляпу, прихватил трость, купленную Фредерикой только для создания образа, махнул рукой и ушел.

* 23 * (Пак)

Пак вышел из дома Алварес, поправил шляпу и поднял голову. Солнце клонилось к закату, и низкие облака становились темнее и плотнее, скоро Эбердинг окончательно утонет в сероватом тумане и наполнится магией.

В колониях, как прочитал Пак, солнце такое яркое, что становится больно глазам, а туман бывает нечасто. Поэтому ночью на небе сияют звёзды и поля видны от одного края до другого. Ещё там скачут целые табуны диких лошадей, цветы пожирают насекомых, а в густых лесах живут могущественные колдуны. Возможно, это все и выдумка неизвестного писателя, но Паку вдруг захотелось побывать за океаном и лично во всем разобраться. Что он, в самом деле, видел кроме родной общины и сырого Эбердинга?

- Ты какой-то унылый, - Клу появился на плече и ткнул Пака кулаком в шею. - Это все от книг, говорил тебе, не забивай голову, когда в ней слишком много знаний, веселье уже не помещается.

- Глупое - не помещается, а для правильного всегда найдется место.

Библиотека в доме Алварес оказалась больше общинной раз этак в десять. Пак долго разглядывал корешки книг, потёртые и совсем новые, пока выбрал подходящую для чтения. Удивительная история про колонии затронула его, читал бы и читал весь день до самого вечера, но мышцы в самом деле ныли без работы, поэтому Пак и ушел в сад.

- А по мне так книги - бесполезная трата времени, - отмахнулся Клу, - если это, конечно, не тийский трактат о телесных удовольствиях.

- Тебе какая из частей понравилась больше? - Пак чуть повернул голову, чтобы видеть собеседника. - Про кулинарию или созерцание произведений искусства? А может быть про бег и борьбу, как средства познания своего тела и души? Дневной сон? Каллиграфия? Я, если честно, так и не освоил науку красивого написания букв, хотя перевел кучу листов и чернил.

- Да ты ничего не читал, братец! Тийский трактат об удовольствиях содержит весьма занимательную информацию.

- Только одна часть из семи. В нашей библиотеке была эта книга, правда, под обложкой сборника романтической поэзии. И основной упор в этой занимательной информации был на совершенствовании тела и упражнениях, ибо только владея телом и зная его, можно достичь вершин наслаждения и вознести туда своего партнёра.

Клу насупился, потом оглядел свой объемный живот, похлопал по нему и потер нос.

- Не могу понять, ты слабоумный или гений? Впервые встречаю такого странного парня, а я повидал немало людей.

- Но не читал трактат. Если хвалиться тем, чего не делал, то рано или поздно тебя подловят.

Пак медленно шел по буковой аллее и высматривал, не осталось ли где участков нескошенной травы или засохших ветвей у деревьев. Завтра же будет новый день, тоже захочется поработать, это пока он решил немного развеяться, поддавшись уговорам Клу.

- Скажем так, я просматривал его укороченную версию, самые интригующие части, - не успокаивался верж. - Теперь жалею об этом, надо прочитать целиком. Как ты сегодня отшил эту донью! У-у-у! Немыслимый уровень мастерства, в трактате подсмотрел, да? Теперь крошка Фредерика не уймется, пока не затащит тебя в постель, чтобы потом бросить! Мечта-а-а!

Он откинулся на спину и свесил ноги с плеча Пака. Как только не падает? Магия? Или матушка была права, и Пак в самом деле вырос чересчур большим с чересчур широкими плечами?

- Странные у тебя мечты.

- А у тебя как будто нет планов на эту страстную донью? - хмыкнул Клу. - Такой огненной деве нельзя ночевать одной, преступно, я бы сказал!

- Она красивая.

Даже очень. Непривычно было видеть ее тонкие длинные пальцы и хрупкие запястья, и кожа у Фредерики была светлой и гладкой, без следов от подростковой сыпи или шрамов. Почти не тронутая загаром, она контрастировала с темными волосами и глазами, не черными, неживыми, как бывало у донов, а теплыми, точно вызревший каштан.

- Но внешность же не главное, а характер у нее взрывной, с такой не выстроишь долгих отношений.

А как это хотеть женщину только из-за ее красоты? Просто на одну ночь, без обязательств?

- Да, парень, да! Вот так думают настоящие мужчины, а не юнцы, которые женщину только в трактате видели! В одной седьмой его части, если точнее.

* 24 * (Пак)

- Вы с Фредерикой слишком много беспокоитесь о моих отношениях с женщинами. Это странно, не находишь?

Верж промолчал, а после предпочел исчезнуть из виду. Они как раз вышли на широкую оживленную улицу, и крохотный человечек на плече привлекал бы излишнее внимание.

Пак до сих пор сомневался, правильно ли поступил, когда поддался на уговоры Клу и покинул дом Алварес. Но, так или иначе, через несколько дней Пак вернется в свою общину и вряд ли еще покинет ее в ближайшие годы: завтра истечет срок его разрешения на пребывание в столице. А оставаться в Эбердинге без него - серьезное преступление, могут и в тюрьму посадить на неделю-другую. Но если попытается уехать - наверняка нарвется на дружков тех вержей, которые вчера погибли по его вине. Там же все знают и настоящее имя Пака и номер его общины. Сам по недомыслию оставил эту информацию, когда забирал выигрыш.

И оставался клык чужого, таинственный артефакт, который неплохо бы вернуть владельцам, иначе под угрозой окажется и сам Пак, и вся его семья.

- Сворачивай направо, там будет стоянка такси, - прошепестел прямо над ухом голос Клу. - Выберешь машину получше, уверенно откроешь дверь, сядешь на заднее сидение и прикажешь! Именно прикажешь, это важно! Везти тебя в самый лучший игорный дом Второй линии, где отдыхают приличные люди.

- Точно самый лучший? Давай выберем что попроще?

- В домах попроще оборот пониже, а нам с тобой нужно сорвать большой куш, пока приспешники Хоса и его хозяина караулят тебя возле зеленого поезда.

- И зачем тебе столько денег? Прости, но такому малышу вряд ли многое нужно.

- Не твое дело! - огрызнулся Клу. - Я же не спрашиваю, зачем деньги туповатому земпри.

- Выкуплю землю и дом родителей, подарю маме небольшой ресторанчик где-нибудь на Второй линии, она так вкусно готовит, пусть люди тоже пробуют и радуются, отцу - автомобиль...

Пак старался говорить очень тихо и поднял воротник, чтобы это не так бросалось в глаза, но прохожие не обращали на него внимания. Равнодушные люди живут в этом городе. Замкнутые и слепые. А ещё очень жадные, даже крохе размером с мизинец зачем-то нужна целая тысяча галлов.

- Хватит! - Клу больно стукнул Пака по виску. Кажется, сила вержа уменьшалась далеко не пропорционально росту. - Надоел уже со своей общиной и приземленными мечтами: домик, жена, коровушка, яблоневый сад и детишки-шалунишки - тьфу! У меня вот серьезное дело.

- Подарочное издание трактата об удовольствиях?

Стоянку такси Пак нашел очень быстро, а вот как выбрать самый лучший автомобиль - понятия не имел. На вид они особенно друг от друга не отличались, даже цвета одного, жёлтого.

- Билет на серебряный поезд, - серьезно произнес Клу. - В стране ушедшей живёт королева вержей, если ее уговорить, она изменит мое проклятие. Так болтали парни у нас в игорном доме, ввали, наверное, да вариантов у меня и нет. Скоро уменьшусь настолько, что исчезну.

- Не пользуйся своей магией, - Пак наугад выбрал автомобиль и сел в него, даже приказ отвезти в самый лучший и популярный игорный дом прозвучал вполне властно. Но здесь Пак просто постарался скопировать интонации Фредерики. Все же урождённая донья, знает толк в таких вещах.

Таксист расплылся в улыбке, пообещал доставить до места без задержек и лишней тряски, наверняка рассчитывал на щедрые чаевые. И в самом деле тронулся с места плавно, лишь на минуту затормозив, чтобы отругать подзадержавшихся земпри, стоявших на дороге.

"Тупые землемесы" так отличались от "доброго вечера вам, свогор", что Пак недовольно покачал головой. Что в нем изменилось? Только одежда, а относится сразу стали иначе.

- Нельзя не пользоваться магией, если она у тебя в крови, - вздохнул над ухом Клу. - Это как не дышать. Ты можешь не дышать? Заставить не биться сердце? Охладить твоего дружка, когда он представляет хорошенькую донью в ванне?

Пак глянул на водителя, но тот слишком увлеченно следил за дорогой и не думал поворачиваться или смотреть в зеркало заднего вида, а рев мотора перекрывал все звуки.

- Мне-то какое дело, что друзья представляют? - пожал плечами Пак.

Клу почему-то хрюкнул и пристукнул себя ладонью по лбу. Все же в столице вержи и те странные. Зато красиво здесь. Пак придвинулся ближе к окну и разглядывая все, что проносилось мимо. Громадные дома, причудливые фонтаны и разодетые свогоры обоих полов. За несколько минут в Эбердинге увидишь больше, чем за год в общине. Много ли там нового? Поля, пастбища, лес и большой пруд в центре поселения, который питает его водой даже в самые засушливые годы. И все одинаковое: внешность у людей, прически, одежда, распорядок дня и даже разговоры.

Хорошая жизнь, простая и понятная, но иногда хотелось немного изменить ее. Сделать что-то неправильное, сумасшедшее, но чтобы никому не навредить. И эта мысль, непонятный зов, тянувший Пака в город, тоже был сродни жажде. Так что он понимал Клу: кроха не мог без магии, Пак не мог без мечты.

- Но если знаешь, что скоро умрешь или сойдешь с ума, - заговорил он, пока верж не исчерпал все свои намеки на умственную отсталость земпри, - разве не можешь остановиться?

- Не дыши хотя бы десять минут, Пак Ува, или не притворяйся таким болваном! Сможешь? - верж говорил с такой злостью, с таким отчаянием, что Пак пожалел о выборе темы. - Вот и мы не можем! Это сильнее, понимаешь? Гончие знают, что спят и превратятся в зверя, и все равно при каждом удобном случае меняют облик полностью или частично. Я использую свою удачу или дар к перемещениям. И главное - чем больше ты используешь магию, чем ближе к черте невозврата, тем становишься сильнее. Все в мире находится в равновесии, так учили ушши. Поэтому к каждому дару идет проклятие. Но говорят, королева вержей, которая приходится то ли дочерью, то ли внучкой самому Отцу-Защитнику и Деве Порочной, может изменить проклятие, дать тебе другое, если докажешь, что достоин. Представь, я бы мог сменить свое на, скажем, не носить лиловое! Что проще? Никогда бы не притронулся к лиловому, на милую не подошел!

- А вырасти обратно не хотел бы?

Клу еще раз ткнул щеку Пака, изобразив могучий удар в челюсть, после чего ненадолго замолчал.

Стоило автомобилю свернуть с оживленной улицы в подворотню, как водитель разогнался так, что и видами не полюбуешься. А еще невыносимо трясло, так сильно, что Пака почти укачало.

- У-у-у, приближаемся ко Второй линии! - оживился Клу. - Давай еще раз повторим: тыходишь в игорный дом, там потребуют выложить все артефакты и пройти досмотр. Соглашаешься...

- Но отдаю им только пустышку, которую ты стащил из шкатулки Фредерики, и протягиваю вперед руки.

Под правой манжетой у Пака был спрятан клык чужого, от контакта с ним амулет для поиска магии ненадолго выключится и не сможет обнаружить присутствие Клу. А дальше уже дело техники - пронести вержа в зал, надеяться на его удачу и делать ставки побольше. Поначалу Пак наотрез отказывался так рисковать и идти в игорный дом на следующий день после того, как попал в такой переплет. Но Клу убедил, что все дружки убитого Хлоса сейчас обыскивают гостиницы и вокзал в поисках земпри, а хорошо одетый свогор не привлечет их внимания. Тем более ходить они будут только по приличным местам, где хватает охраны и полицейских.

Крохотный верж так жалостливо рассказывал о своих проблемах и живо описывал грядущую радость от выигрыша и кучу денег, что Пак не выдержал и сдался. Тем более чувствовал, что чем-то злит Фредерику. А это неправильно. Хороший гость не должен надоедать хозяину.

* 25 * (Пак)

Таксист остановил машину прямо у мраморного крыльца огромного здания, настолько щедро отделанного позолотой и резьбой, что Паку стало не по себе. Это же серьезное место, простого земпри туда не пустят. Но Клу уже болтал что-то на ухо и призывал идти напролом, не останавливаясь, как и положено настоящему свогору.

Дверь перед ним распахнул улыбчивый парень-верж, с шерстью на лице и руках. Он был в красном пиджаке с золотыми нашивками и черной фуражке. Вид странный, но в такой униформе, как оказалось, ходили и остальные сотрудники игорного дома. И все, как один, улыбались, кланялись, желали Паку хорошего вечера и зазывали пройти с ними.

Здесь было абсолютно все: несколько игровых залов, бассейн и сауна, ресторан, комнаты для уединения с девушками... Пак тонул в ярких красках, играющей музыке и мелькающей всюду позолоте. Один из вержей проводил его за столик, стоявший неподалеку от сцены и рядом с рулеткой, а после принес целый бокал того самого игристого. Но после прошлого раза, когда Пак поддался на обманчивую легкость этого напитка, снова попробовать не тянуло.

Шарик задорно скакал по секторам, пока не остановился на "тринадцать-красное". После крупье отдал выигрыш очередному счастливчику и запустил игру снова, принимая ставки. Пак пару минут наблюдал за шариком и за движением рук высокого вержа с оленьими рогами на голове и копытами там, где должны быть ступни. Покрытые шерстью пальцы бросали шарик уверенно, точно так, чтобы он остановился в секторе, на который не было крупных ставок. Притом крупье менял и силу, и скорость броска, предсказать результат или обхитрить такого не выйдет. Точнее, дядюшка Рауль бы смог, а у Пака на хватало практики.

Клу тоже притих и всего один раз напомнил, что им нужно идти к карточным столам, только там есть шанс сорвать большой куш. Но из зала вело множество дверей, и рядом с каждой стояло по паре здоровущих вержей. Вряд ли они пропустят в приватные комнаты постороннего человека.

Поэтому Пак позволил себе откинуться на стуле и заказать у официанта блюдо с труднопроизносимым названием. Раз торчит в столице, то должен непременно попробовать всякого, даже если это будут лягушки или протухшая в бочках рыба. Клу как-то очень гнусно рассмеялся, когда услышал заказ. Но после в зале потушили свет и кроха успокоился. Пак уже думал бежать к выходу, но остальные посетители сидели спокойно и перешептывались, предвкушая нечто грандиозное.

Луч света над сценой разорвал темноту и показал всем большую золотую клетку, на полу которой лежала птица. Пак замер и уставился на происходящее: никогда не видел таких больших крыльев и перьев, что переливаются голубым и лиловым. Где-то зазвучала музыка, такая тихая и спокойная, кажется, флейта или что-то подобное.

Очень грустная музыка, царапающая душу, и птица, заслышав ее, начала медленно шевелиться. Пак не мог отвести взгляд от плавных движений крыльев и того, как меняется цвет перьев на свету.

Затем птица дернулась и расправила спину, отчего зрители дружно ахнули. А с ними и Пак. У птицы оказалось лицо и тело обычной девушки, только вот руки заменяли ей крылья и по телу кое-где росли перья. Или это был такой причудливый наряд, чтобы скрыть наготу?

Флейта стонала все печальнее, в ее звуках слышалось отчаяние и боль, и в такт с мелодией девушка-птица билась о прутья золотой клетки, пыталась вырваться наружу. Пак поймал себя на том, что сжимает в руках вилку и прикусывает губы от волнения. Даже охальник Клу притих и не делился своими мыслями.

И с такого расстояния были заметны капли и потеки ярко-алой крови на теле девушки, ее страдания проходили через Пака, заставляли сопереживать и мучиться. И когда затихла флейта, он поймал себя на том, что не шевелится и не дышит.

Девушка-птица же со всей силы налетела на один из прутьев, выбила его и вырвалась наружу. Только там она расправила крылья, оказавшиеся метров пять в размахе, чуть согнула колени и взлетела, скрывшись в темноте. На зрителей посыпались голубоватые перья и подул холодом, будто наверху открыли окно, выпуская бывшую невольницу наружу.

Свет погас, а когда загорелся вновь, на пустую сцену выбежала целая стайка девушек-танцовщиц, тоже в перьях, извивающихся под бодрую музыку. Пак невольно потянулся к бокалу с игристым, затем одернул себя, подозвал официанта и попросил принести обычный лимонад. Остальные зрители тоже оживились, они всю обсуждали этот номер и один за другими заказывали все новые и новые порции выпивки.

- Свобода, избавление, бла-бла-бла, - напомнил о себе Клу. - В клетке у этой дуры было трехразовое

питание, мягкая постелька и заботливый хозяин, иначе бы ни в жисть не отъела такие бедра, а теперь придется самой клевать червячков. Могу поспорить: сейчас налетается и вернется на прежнее место.

- А ты вот ушел от Хоса, - Пак поблагодарил за лимонад и неуверенно ковырнул вилкой нечто студенистое и склизкое. Пробовать или нет? Для рассказов о столичной жизни хватит и простого присутствия этого самого блюда рядом.

А вдруг оно необыкновенно вкусное? Нет, сам Пак с таким не сталкивался, чтобы еда на вид, цвет и запах не внушала доверия, но поражала вкусом, но в книгах читал. И дядюшка Рауль регулярно рассказывал.

- Причины были, - огрызнулся верж. - А ты давай, заканчивай пускать слюни на пернатую и ищи нам пропуск туда, где идет серьезная игра.

Пак почесал подбородок, затем снова подозвал официанта. Улыбчивый хвостатый верж сразу же подскочил и спросил, что угодно доброму свогору. Пак вытащил из кошелька купюру в пятьдесят галлов и положил на стол. Если помогло проникнуть в дом столичной доньи, то и здесь должно сработать.

- Я занятой человек, хотелось бы пообщаться с близкими мне по духу свогорами, а не собирать мелочь в рулетке.

Хвостатый цапнул купюру так быстро, что она будто растворилась в воздухе, затем попросил следовать за ним.

- И заберите мою одежду, здесь очень душно, - Пак всучил официанту темный пиджак и шляпу с врезжающим от возмущения Клу, а после шагнул за массивную деревянную дверь.

* 26 * (Пак)

Дальше они проследовали по темному коридору, и Пака наконец пустили в просторную комнату, в которой из мебели был только стол со стульями.

Игроки уже собрались, пустовало только одно место. И карты розданы под "пальцы обезьяны", а не "пьяного гробовщика". Пака поприветствовали, но внимания на него никто не обратил, так еще один игрок, который всего-навсего станет шестым в этот вечер. Тем лучше.

Пак засучил рукава, чтобы все видели, у него не спрятан лишний туз за манжетом, клык чужого же вовремя отправился в карман брюк. После Пак поднял свои карты и сделал первую ставку. Еще не серьезную, на пробу. Надо вначале запомнить карты, присмотреться к манере других игроков, а после уже подготовиться и сорвать тот самый куш, на который надеялся Клу. Пак уже один раз воспользовался магией, до добра это не довело. Сейчас - только простые приемы и знания, полученные от дядюшки Рауля. Тот, конечно, строго запретил играть на деньги, но Пак твердо пообещал себе, что использует полученные знания только во имя благого дела, а что может быть благороднее спасения одного маленького вержа?

Первый кон он ожидаемо проиграл, зато запомнил больше половины карт и успел приглядеться к игрокам. Второй справа бледнел, если не выходило собрать стоящую комбинацию, у соседа слева, если пытался блефовать, краснело ухо, сидящая прямо напротив старушка с длинным жемчужным колье на шее хрустела пальцами, когда получала карты одной масти... Не так много данных, если разобраться, поэтому Пак позволил себе проиграть и второй кон, чтобы чувствовать себя увереннее.

На третьем же ко второму соседу слева пришли отличные карты и он поднял ставки до сотни галлов. Пак сделал вид, что хочет испугать его и подкинул ещё две сотни. В голове отбивали ритм счеты, переводя его ставку в некупленных коров, автомобили и почему-то экскурсии по спальням разнообразных девиц. Особенно горько вздыхала эфемерная Фредерика, так и не получившая свою тысячу за ночь. Вытирала сухие глаза кружевным платком, теребила подол короткой кружевной сорочки и потом, потягиваясь, выгибалась в спине и чуть приподнимала завитые локоны со спины. Тяжёлые и темные, со здоровым блеском и пахнувшие апельсином и немного мятой. Пак и уловил-то это случайно, ещё прошлой ночью, когда донья склонилась над ним, обрабатывая раны. Непривычный такой запах, легкий, но запоминающийся. И в целом Фредерика очень красива, очень. Но неужели кто-то и вправду готов заплатить такие деньги за то, в чем приличная донья вряд ли смыслит? Да она и целоваться-то вряд ли умеет.

Пак зажмурился, тряхнул головой, отгоняя видение полуобнаженной Фредди, раскинувшейся на кровати под балдахин, и под довольный смешок соседа накинул еще пятьдесят галлов к своей ставке. Старушка спасовала первой, красноухий все еще пытался изобразить отличную игру, хотя и побаивался, но главный противник Пака был уверен в победе и смело придвинул все свои деньги к центру стола.

Рисковый. И очень уверен в своей победе. А еще в том, что Пак - обычный юнец, которому спасовать не позволяет самолюбие.

Они так и играли в гляделки, пока не пришло время открыть карты. Набор у противника был неплох: три туза и три короля. Старушка от радости и азарта хрустнула пальцами, один из игроков отбросил карты и покинул зал, а Пак театрально потер виски и когда счастливчик уже потянулся к выигрышу, раскрыл свою полную "руку обезьяны". После этого отбросили карты и вышли еще двое игроков.

Пак же на глаз прикинул сумму своего выигрыша, вышло около полутора тысяч галлов. Хорошая такая сумма. Вполне достаточная для решения всех его проблем. Пак даже проиграл из нее еще сотню, потом добавил две, чтобы не вызвать подозрений быстрым уходом.

И все равно перед тем, как выпустить в общий зал, Пака дважды проверили артефактами, настроенными на поиск магии, зато бумаги для банка подписали без проблем и пообещали выделить охрану, которая проводит домой. Сразу видно - заведение высокого уровня, не то что то, первое, в котором Пака хотели оттащить в подвал. Но здесь, судя по одежде и блестящим драгоценностям, отдыхали только свогоры, причем обеспеченные, с такими связываться себе дороже.

Вернувшись к шуму и свету, Пак первым делом схватил лимонад, прямо в бутылке, из большого ведра со льдом и сделал несколько глотков, а после попросил бармена прибавить это к его счету.

Надо же, там был спокоен, а здесь вроде как отдача накрыла. Он же мог проиграть все! Продуться до последней монеты, уйти ни с чем. И на что надеялся? Только на свои навыки, полученные от дядюшки с богатым прошлым.

Но все еще далеко не позади, вот переживет встречу в разгневанном Клу - тогда точно

счастливчик. Пак отставил бутылку и попросил официанта принести ему шляпу и пиджак, а после развалился на диванчике в самом углу зала и поглядел на сцену. Там сейчас пела самая обычная девушка. Пела хорошо, но сравнится ли это с птицей? Она пролезла в голову, опутала мысли Пака и не отпускала. Наверное, таким и должно быть искусство, чтобы прорастало в душе, меняло и переворачивало.

- Скучаешь, красавчик? - на другой край дивана под села незнакомая девушка в шелковом халате с широкими рукавами.

Пак разглядывал причудливую вышивку с павлинами и не сразу сообразил, что ткань прячет руки целиком, даже кисти. Неестественно широкие и длинные. Такие достанут до самой земли, а то и будут волочиться следом. Верж. И не побоялась подсесть к свогору, наверняка тоже позовет смотреть свою спальню.

- Уле, - представилась она и кивнула официанту, чтобы поднес им выпивку. - Понравилось мое выступление? Ну это, с клеткой, ты во все глаза таращился, точно впервые видишь. Даже обидно, я здесь вроде как звезда, хотя репертуарчик и не блещет разнообразием. Внешность накладывает ограничения на амплуа, знаешь ли.

Договорив, Уле чуть приподняла рукав и показала Паку перья. Самые обычные, белые, припорошенные синей краской. Видимо, девушка пыталась стряхнуть или отмыть ее, но до конца избавиться не вышло.

- Прекрасный номер, - пробормотал Пак, а Уле положила крыло поверх его кисти.

Казалось, что это обманка и под перьями прячутся обычные девичьи пальчики, тонкие белые, как у Фредерики. Но Пак чувствовал только крепкие кости, сейчас согнутые по суставам, чтобы не волочились по земле.

Официант шустро поднес им по бокалу игристого и по чашке кофе с обильной молочной пенкой. Уле поблагодарила и, не слушая возражений Пака, попросила все записать на ее счёт.

- Эй, расслабься, - отмахнулась птичка, - я же сама под села, сама угощаю. Как правильная современная женщина. Эти танцы - баловство, занимаюсь ими чтобы платить за учебу в университете. Вольный слушатель на кафедре практической артефакторики.

* 27 * (Пак)

Надо же, и у девушки с крыльями есть образование, один Пак может похвастаться только дипломом механизатора. Куда уж ему до "дипломированного химика" Фредерики Алварес?

Пока он вздыхал, Уле небрежно скинула обувь и пальцами правой ноги подхватила чашку кофе. После отпила немного, поморщилась, и левой взяла ложку, чтобы перемешать напиток. Со стороны жутковато и отталкивающе, однако взгляд отвести не получалось. Как и ответить что-то умное. К счастью, Уле не слишком нуждалась в собеседнике.

- Я увидела тебя и сразу почувствовала, что именно ты поможешь мне устроиться на работу. В полицейское управление. Или особое. Там пригодится артефактолог такого класса.

- Прости, но я не имею отношения к полиции, - Паку вдруг стало невероятно стыдно за то, что не может помочь Уле. Она такая милая, так искренне улыбается. Кофе вот его угостила.

- Сможешь. Не сейчас, так позже. Предчувствия меня не подводят. Вот и во время танца, как поймал твой взгляд, сразу поняла, что должна подойти. Я могу помочь тебе, ты поможешь мне.

Имея на руках такую сумму денег, проблем у него осталось немного, только с документами. Но артефактолог-Уле вряд ли знакома с теми, кто может подделать бумаги.

- Не знаю, расскажи что-нибудь сама. О редких артефактах.

Пак совсем немного читал об этом в книгах, Уле наверняка знает больше. Она и сама подобралась, заказала себе еще одну чашку кофе и начала рассказ, нарочно выбирая самые причудливые артефакты, вроде накладного пальца или точной копии мухи, и те, которые выделялись своими свойствами. Пак бы никогда не стал тратить кровь на то, чтобы ненадолго изменить цвет глаз или же добавить себе пару сантиметров роста.

- А про те, в которые впаяны части скелетов чужих, ты не слышала? - он попытался задать вопрос равнодушно, не показывая волнения. Но Уле настолько погрузилась в тему артефактов, что не замечала ничего вокруг, даже остывающий кофе. Эта девушка все делала с полной самоотдачей, что танцевала, что делилась знаниями.

- На сегодняшний день - невероятная редкость, а раньше в каждой более или менее зажиточной семье хранилось по такому. Иногда костями чужих оббивали двери в спальню или же оконные рамы. На случай бунта вержей, представляешь? Один удар, а то и прикосновение, если кость не скрыта золотой оболочкой - и с отверженным можно попрощаться. Мы же сама магия, а чужие могли ее разрушать. Правда, энергии при этом выделялось много. Сразу бум! Взрыв! Понимаешь? А вот если взять маленькую косточку чужого, вставить в правильное оружие, то убивая ей обычных людей, можно скопить магии столько, что хватит сравнять Эбердинг с землей!

Клык в кармане отяжелел и будто бы нагрелся. Паку сразу же захотелось выбросить эту вещь куда подальше, а самому вернуться в общину. И побыстрее. Что ему вержи, дружки погибших накануне? На вокзале Эбердинга всегда много полиции, в том числе вокруг Зеленого поезда. Рядом с Красным, что пересекал границу республики Ньол, а после следовал по пустыне до самого протектората, стражей порядка еще больше. Они не позволят вот так просто наброситься на добропорядочного, пусть и припозднившегося земпри. Еще можно просто нанять охрану, Пак же теперь не бедствует.

Решено, купит билет на Серебряный поезд для Клу и отправится домой.

А клык он все же не станет выбрасывать, припрячет, как козырь.

Или слишком опасно везти его домой?

С другой стороны, а кто знает, что он у Пака?

- Все же ты редкостный балбес, - Клу заговорил только тогда, когда провожатые попрощались с Паком.

Трое здоровенных охранников, один из которых, человек, даже был вооружен, следовали за ним от самого игорного дома и одним видом отпугивали всяких подозрительных типов. Пак не собирался вести их домой к Фредерике, распрощался на пересечении с Первой линией. Здесь и своих патрулей хватало.

- Эта крылатая к тебе и так, и этак, а ты талдычил про свои артефакты и не пригласил ее в гостиничный номер, - не унимался верж.

- В какой гостиничный номер?

- Который ты бы снял для вас двоих, идиот! Самый лучший, с широкой кроватью и зеркалом на потолке. Да она бы для тебя такое приватное выступление организовала, больше бы не заглядывался на Фредерику.

- Уле просто поболтать хотела, кажется, ей очень скучно. И я не заглядываюсь на донью. У нее же и жених есть.

- И при живом женихе она пустила в дом двух красавцев в самом соку? И психовала, когда ты отказался взять себе жену из города. П-ф-ф-ф! Да эта донья только и ждет, когда ты сожмешь ее в объятиях, наклонишь посильнее, так чтоб на ногах не устоять, а потом зацелуешь до того состояния, чтобы она выронила тот стилет, который постоянно теребит под юбкой.

- По-моему, ты до сих пор злишься на меня и мечтаешь поглядеть, как Фредерика влепит мне пощечину.

- И это тоже! Но пощечина будет после. А до этого ты попробуешь на вкус сочные, горячие губы нашей доньи, - не унимался Клу. Но после и он замолчал, вслушиваясь в напряжённую тишину Первой линии.

На улицах всюду горели фонари, зачастую вычурные и яркие, но Паку было не по себе. Казалось, за ним кто-то идёт. Очень тихий и осторожный, следующий по крышам от самого игорного дома. Пак бы списал все на разыгравшееся воображение, если бы дважды не заметил скользящую тень. А еще молчали собаки. Только парочка испуганно скулила вслед. Не малыша же Клу они испугались?

Пак на всякий случай зажал в кулаке тот самый клык чужого и приготовился ударить им. Если Уле не соврала, то от вержа или тера это спасет. А с человеком еще проще: главное - не дать тому выстрелить и ударить первым. Честный кулак в ближнем бою ничуть не хуже магии.

- За нами идёт кто-то, заметил? - пробормотал Клу. - Слишком шустрый и тихий для человека. Давай, сворачивай на проспект, там должны быть патрульные.

До проспекта было ещё пару сот метров, да ещё и через небольшую аллею. Старые деревья переплелись ветвями и закрывали небо, а проклятый туман скрадывал все остальное пространство. Кажется, что идёшь и одновременно стоишь на месте. Но свет фонарей с проспекта становился все ближе, поэтому Пак ускорил шаг.

Пока не налетел на девушку.

Она стояла спиной к свету, отчего не получалось рассмотреть черты лица. Только белые губы поблескивали и волосы темным плащом укрывали спину и плечи.

- Свогор скучает? - проговорила она с такой интонацией, что Пака бросило в жар. А ещё переместилась с ноги на ногу, качнув бедрами.

Те, как и ноги целиком, оказались выше всяких похвал. Девушка наверняка знала об этом, поэтому не прятала их под юбкой, а обтянула узкими брюками.

- Спроси, сколько она хочет за ночь, - прошептал на ухо Клу. - Я бы прокатился на такой кобылке.

Мелкий пошляк ухитрялся сводить к постели все разговоры, даже те, которые к ней никак не относились. Пака же больше волновало то, что их преследователь затаился.

- Свогор просто гуляет, - бросил он и попытался обогнуть девушку. Но та с кошачьей грацией скользнула вбок и снова оказалась на пути Пака.

- Не надо бояться, я не обижу доброго свогора.

- О да, о да! А я бы её обидел! - снова завелся Клу. - Затянул сбрую покрепче и заглянул под хвостик. Йе-хха!

- Где ты видишь хвост? - Пак настолько разозлился, что проговорил это вслух.

Но девушка растянула губы в улыбке, а после снова качнула бедрами, но в этот раз из-за левого появился самый настоящий хвост. Длинный и с кисточкой на конце. Будто живой он скользнул по бедру Пака, а после легонько тронул ладонь. Шерсть внезапно оказалась шелковистой и теплой, такую бы гладить и гладить. Но в самом пятнисто-полосатом узоре хвоста было что-то знакомое.

- И что же из развлечений вы можете предложить скучающему свогору? - Пак чуть отступил назад, но хвост из руки не выпустил.

- Вначале - избавиться от лишнего, - девушка протянула вперед руку, - чего-то, что вам не принадлежит.

- Пятидесяти галлов хватит?

Этот метод уже дважды выручал Пака, если сработает и в третий, то можно будет с уверенностью говорить, что в Эбердинге без полусотни галлов никуда.

Девушка же взмахнула хвостом и повернулась так, что на лицо упал свет. Пак узнал ее сразу, хотя и видел мельком: вчера она пыталась отбить его у Хоса. Вроде бы добрый поступок. Но зачем сейчас нашла? Да ещё и в таком тихом и темном месте?

- Клык давай мне! - чуть обиженно проговорила девушка. - Глупого из себя строит! И пойдём в наш участок, расскажешь там, как связан с Братством терна. Их штучка же, думал я не знаю?

Значок полицейского управления мелькнул перед лицом Пака, а потом девушка ойкнула и прикрыла глаза руками.

Такой шанс упускать было нельзя, поэтому Пак побежал к проспекту. В полицейское управление идти, как же! Да тамошние служивые только и ждут, когда к ним заявится бесправный дурачок-земпри, на которого можно будет свалить все преступления. Его и в Братство запишут, и в грабители, и в насильники. Общинные часто с таким сталкивались, кого-то получалось отбить у властей, оплатив услуги законника, кого-то нет. Но Пак и сам запятнан убийствами вержей, пусть и случайный, после такого от властей уже не откупиться.

Почти сразу на его плече возник Клу с клыком в руке. Верж довольно улыбался и дул на пальцы.

- Вмазал бы ей сам! Так нет, все на Клу! - возмутился он. - Теперь пальцы жжет, больно. Но этой стерве ещё больнее, прямо под глазом ее царапнул!

- Женщин не бью, - Пак берег дыхание и не собирался болтать с вержем.

- Ты теперь в столице, придется, иначе не выжить! И ещё надо потерять невинность, настраивайся на это, Пак Ува.

Он почти успел добежать до проспекта, как девушка схватила его за руку. Правый глаз у нее целиком заплыл, хотя крови из царапины вытекло пару капель.

Держала гончая крепко, но не нападала.

- Я защищаю интересы города, не себя, - зачем-то проговорила она. - Идём в управление.

- Хорошо, - согласился Пак и на свое счастье заметил двоих патрульных.

Оба стояли на тротуаре и оглядывались по сторонам. Выправка армейская, вооружены знатно, у одного на поводке здоровущий тер, похожий на обезьяну. Он пристально следил за Паком маленькими красными глазками и тёр кулаком брусчатку. Все же честный кулак и магия в ближнем бою лучше одного честного кулака.

Тут один из патрульных вытащил из кармана конфету и протянул чудовищу.

- Ты сегодня грустный, Тиш. Ничего, продежурим эту ночь и попрошу свою старуху испечь нам яблочный пирог. Будем есть его в саду и слушать пластинки.

Тер почти по-человечески грустно взревел, сел на мохнатый зад и ловко развернул конфету, а после съел, покачиваясь на месте от удовольствия.

- В твоих интересах молчать, - шепнула гончая, когда они проходили мимо патруля. Сама же во все глаза глядела на происходящее, кажется, и дышать забыла.

- Добрый вечер, свогор! - поздоровался один из патрульных. - Вы сегодня припозднилились. В таком тумане даже на Первой линии небезопасно.

Момент был подходящий, таким нельзя не воспользоваться.

- Добрый? - рявкнул Пак. - Какой он добрый? Таких приставучий шлюх, как в Эбердинге, я не встречал ещё ни разу. Тащится за мной от самого игорного дома! А меня дома невеста ждёт!

Он брезгливо стряхнул руку опешившей гончей и шагнул в сторону. Клу одобритительно буркнул что-то и затих.

- Не шлюха, нет! Гончая. Сыщик! - бедолага вытащила из кармана свой значок и взмахнула им. Патрульные же пока следили за ними обоими, а тер всем видом выражал решимость задержать всех, кто только попробует двинуться с места.

- И мне так же пела, - согласился Пак. - Настоящая гончая из полиции, всего сотня галлов за ночь! Сотня галлов! За такие деньги можно купить два с половиной десятка овец и одного породистого круторогого барана!

- Ваши документы, - устало поинтересовался патрульный, пока его напарник уже заковывал в наручники гончую.

- Их вместе с бумажником вытащили в первый же мой день в столице! Неделю восстанавливал. Думаете, я такой дурак, чтобы таскать их за собой после этого? В доме моей кузины лежат, если хотите, можем последовать, там всё проверите.

- Нет, можете идти, с этой, - патрульный кивнул на гончую, - мы разберемся.

*** 28 * (Пак)**

До самых ворот особняка Алварес Паку чудилась бегущая следом обезьяна-тер, выкрики патрульных или жутковатое рычание гончей. Но его никто не преследовал, а тишину нарушали только собственные шаги и ворчание Клу.

- Дева Порочная застила мне глаза и внушила похоть! А я так мечтал огладить ее хвостик! Прикоснуться к груди, пропустить волосы сквозь пальцы! А это гонча-а-а-я! Проклятая ищейка на службе свогоров!

- И как бы ты с ней..., нет, прости, не могу представить.

- Эй! - Клу возмущенно стукнул по шее Пака. - Я же над тобой не держу свечку, да? Зачем такие вопросы? Это, знаешь ли, личное!

Пак пожал плечами, отчего мелкий верж чуть было не улетел на землю.

- Просто хотел намекнуть, что тебе было бы лучше поискать женщину более близкую по размеру.

- Угу, иди, побегай по Эбердингу, найди мне грудастую брюнетку ростом с палец. И себе заодно тоже, по размеру. И не пускай больше слюни на донью Алварес, ты ее раздавишь!

- А наш поцелуй как же? Ладно, - Пак подал руку Клу и пересадил его на другое плечо, потому что косится вправо оказалось легче, чем влево, - сейчас важнее придумать, как побыстрее сбежать из города. Если гончая расскажет обо мне, то стану особо разыскиваемым преступником.

- Кто там ее будет слушать? Верж обычный, ещё и бестолковый. Посадят в камеру до утра, а там будут искать начальство. Мне интересно, как она нас вычислила? Если только через Хоса... Личностью он был известной, - Клу почесал затылок.

Пак же замедлился и все не мог отвести взгляд от окна Фредерики, в котором до сих пор горел свет. Без зарослей терновника оно казалось огромным, в такое должно быть сильно задувает зимой и осенью. На подоконнике мерцал зелёный фонарик, а основной свет шел от большого торшера, поэтому за старой кружевной шторой темнел профиль самой доньи, склонившейся над книгой. Наверняка уже закрыла дверь и теперь ждёт, постучит ли Пак в окно. Или просто привыкла читать перед сном, кто знает.

- Поэтому мы больше не выйдем из особняка до самого отъезда из города, - отрезал Пак.

- Спятил? Да мы только начали! Обчистим ещё парочку игорных домов, а уже потом, с деньгами...

- Ты просил тысячу галлов, я выиграл тысячу галлов. На этом все. Завтра же пойдем купим тебе билет на Серебряный поезд, найдем провожатого, а я попытаюсь прорваться к общинным. Хватит рисковать!

- Рисковал только ты, когда оставил меня в шляпе и отправился играть в одиночку, - возмущался Клу. - Что за глупость пришла в твою голову?

- Думаешь, в заведениях такого уровня проверки, как в твоём игорном доме? Нет, там все намного серьезнее. Меня обыскали несколько раз и проверили артефактами. Представь, что было бы, если бы они нашли кролика после моего выигрыша? Наверняка все слышали о земпри, сорвавшем вчера куш в другом игорном доме, а сегодня этот же земпри пришел в другой игорный дом с тем же самым вержем, которого обыграл накануне. Нас бы судили за мошенничество, тебя сослали в резервацию, а мне отрубили несколько пальцев.

- Это если бы меня нашли.

Возражал Клу вяло, без энтузиазма, только смотрел в окно и тоже вздыхал. Пак видел Фредерику, но стучать не спешил, решил на всякий случай попробовать дверь. Но та ходила ходуном и скрипела петлями, но не поддавалась. Выломать такую - дело пары минут, а вот вскрыть не выйдет: мстительная Фредерика закрылась изнутри на засов.

- Ну приложи к стеклу ещё полсотни галлов, - съехидничал Клу. - Ты ими так швыряешься, что и не заметишь потери.

- Я и с прошлыми рассчитывал скорее на абонемент, чем разовый пропуск, - Пак наконец подошёл к окну и даже поднял руку, чтобы постучаться. Но решиться на это оказалось совсем не просто.

- Тогда колоти смелее, а потом прыгай на подоконник, с него - на пол, и целуй донью до потери сознания. О! И цветов можешь надергать, видел я по пути одну отличную клумбу...

- Да ты знаешь подход к девушкам.

- Ну он всяко дешевле твоего!

Пока верж возмущался, Пак все же стукнул разок по стеклу. Фредерика застыла и вытянулась струной, а после натянула шаль на плечи и медленно побрела к окну.

- Соблазняет, стерва! - продолжал Клу. - Хороша, как же хороша!

В медленных и выверенных движениях Фредерики Пак видел скорее пренебрежение и желание наказать запозднившегося земпри, чем соблазнение, но спорить с Клу уже было лень.

- Вот если ещё окажется, что сорочка по верху оторочена кружевом - точно целуй! Не разочаровывай донью!

Чем дальше, тем большие глупости болтает этот верж. Да что бы Пак ни сделал, он в любом случае разочарует и расстроит Фредерику.

Она резко распахнула окно и смерила Пака недовольным взглядом, подтверждая его мысли.

- Влезай! К двери не пойду, далеко.

И протянула ладонь, издевательски предлагая помощь.

Пак положил руки на подоконник, затем подтянулся и влез на него, а уже через мгновение спрыгнул на пол комнаты. Спальня Фредерики не поражала убранством: кровать, комод, тусклое зеркало в темных пятнах и книжная полка, на которой примостились тряпичная кукла с одним глазом-пуговкой и фотография статного мужчины в военной форме. На стенах тут и там темнели пятна под размер картин в прямоугольных или овальных рамах, рядом с камином лежала целая гора дров и газет для розжига, а ещё - небольшая потёртая подушка. Наверное, Фредерика любила сидеть здесь и смотреть на пламя, сжимая в ладонях щербатую чашку остывшего чая.

Дом Алварес казался старой кокеткой, лучшие годы которой давно позади, а из обширного гардероба осталось одно пробитое молью платье и нитка стеклянных бус. При должном усердии из нее бы еще вышла красотка, да только прикладывать усердие некому и незачем. Пак смотрел на стены и понимал, что и дом можно было бы улучшить, превратить в настоящее сокровище, но по силам ли это хрупкой Фредерике?

Она же подошла совсем близко, уперла руки в бока и пыталась поджечь Пака взглядом.

- Насмотрелся? Понравилось?

- На тысячу галлов за ночь точно не тянет, - согласился он. - Ты ремонт здесь сделай, перед тем как жениха приводить.

Она быстро вздохнула, а щеки сразу же налились румянцем. И это было далеко не смущение, а чистый, ничем не прикрытый гнев. Пак же вдруг поймал себя на том, что любит злую Фредерику: ее вздымающейся грудью, сжатými челюстями и тем, как в глазах разгорается настоящее пламя. Она и сама была точно огонь, но не обжигающий - горячий, красивый, непокорный. Даже когда Фредди брала себя в руки и пыталась быть хорошей и примерной, этот огонь не гас, а лишь стихал на время, так же поблескивая искрами в самой глубине зрачков.

- Я не собираюсь приводить сюда жениха! - она притопнула от возмущения. - И вообще, не твое это дело. Проваливай!

Пак мгновение помялся, раздумывая, не поцеловать ли ее в самом деле по совету Клу, а потом решил, что испугает еще и вышел в коридор.

- Вот придурок, - прокомментировал верж. - Мне бы росту еще с метр и уже уложил бы донью на ее кровать!

- Она бы тебя заколола.

- Умер бы счастливым, это лучше, чем жить несчастным и неудовлетворенным, как ты.

Пак не стал ему отвечать, просто улыбнулся и поглядел на Клу. Что-то, а несчастным Пак себя точно не чувствовал: столько всего увидел, узнал, попробовал, познакомился с множеством людей и вержей, один Клу чего стоит! Вот выпутается из всей этой передрыги - и точно станет самым счастливым.

Нет. Когда выберется и поцелует Фредерику.

* 29 * (Хавьер)

На этот раз “его гончую” нужно было забрать из полицейского участка на Первой линии. Попала она туда за пренебрежение границами внутри города и занятия проституцией. Хавьер несколько раз перечитал бумагу, пока чистил зубы и брился. Мальчишка-посыльный все еще мялся на пороге и дождался “свогора-следователя, чтобы забрал свою зубастую”.

В квартире Хавьера стоял и телефонный аппарат, но только для того, чтобы принимать звонки из управления. А коллеги из полиции решили не беспокоить высокое начальство.

- Вы уж поторопитесь, свогор! - бормотал мальчишка. Лет четырнадцать-пятнадцать, тощий и с вихрастым чубом. Зато взгляд цепкий и движения не суетливые, а четкие. Из этого выйдет толк. Хавьер даже черкнул себе в блокнот его имя, чтобы оплатить учебу в академии через фонд, если мальчишка вдруг не доберет баллов на экзамене. Такому нельзя уходить в земпри.

- Мы же как узнали, что это ваша знакомая, так сразу и завернули оформление бумаг. Заперли до утра в архиве. Вы не думайте, там хорошо, - продолжал мальчишка, пока Хавьер завязывал галстук и искал шляпу и трость, - топчан есть, мягкий, пледом застелен. И протоплено. Кренделей мы туда принесли и чаю. А она влезла на самый верх и рычит оттуда, вас требует или отпустить ее. Как тут отпустишь? Обвинения серьезные, гончей из полиции таким никак нельзя заниматься. И будить свогора следователя среди ночи - дураков нет. Вот дождались утра - и я бегом к вам. Но если наврала нам, стерва, только скажите, мигом запрем ее в камеру, никто и не узнает, что ваше имя упоминала.

Говорил он правильно, гладко, но сам не отводя взгляд следил за реакцией Хавьера. Можно поспорить, если мальчишка только заподозрит почтенного следователя в том, что он отправил служебную гончую подработать в богатом квартале и обещал той свое покровительство, а потом решил отказаться от этой идеи - обо всем этом узнает комиссар. А то и сразу свогор Кроу, начальник особого управления. Но совесть Хавьера была чиста: что бы там ни натворила Ирр, действовала она самостоятельно.

Поэтому уже через несколько минут он вошел в участок вслед за мальчишкой. Тот наотрез отказался ехать на автомобиле и повел Хавьера подворотнями. Один раз пришлось перелезть через забор, а после прыгнуть через канаву, но вышло в самом деле быстрее.

Ирр они нашли быстро. Гончая в самом деле сидела на самом верху книжного шкафа, почти под потолком комнаты. Ссутулилась и поджала ноги, снова спрятавшись за волосами.

- Тебе не кажется, что если зовешь меня разгребать последствия твоих приключений, то неплохо бы рассказывать, как в эти приключения влипаешь. А лучше - звать с собой.

Хавьер подошел вплотную к решетке и взглянул на гончую. Она же дернула плечами, будто плакала, потом бесшумно соскользнула на пол, приземлилась на ноги, убрала волосы с лица и уже через секунду стояла напротив Хавьера, обиженно поджав губы.

- Глупости болтаешь, я почти поймала этого вашего, - она бросила быстрый взгляд на мальчишку и закончила шепотом, - из братства. А он хитрый такой, обозвал меня шлюхой и сдал патрулю.

Гончая выглядела так себе: волосы растрепаны, под глазами темные круги от размазанной косметики и бессонной ночи. Но и так она выглядела лучше большинства знакомых Хавьеру женщин.

Дурная кровь, порченная, хранящая память о Деве Порочной - такая текла в жилах у вержей. Но она же делала их зачастую сильнее, умнее, хитрее и красивее обычных людей. Правда, таких красивых гончих Хавьер еще не встречал. Особенно тех, что старше двадцати.

- Освободите ее, - он обратился к стоявшему неподалеку комиссару, - я подпишу бумаги, если будет необходимо и возьму ущерб.

- Ущерба никакого, - отмахнулся тот, - как и бумаг. Как услышал ваше имя, сразу же решил проверить без лишнего шума. При случае передайте мое приветствие свогору Кроу, славный человек, довелось служить под его началом.

Хавьер кивнул и сразу подхватил Ирр, которая почти прыгнула ему на руки, чуть только открыли дверь, и шепнула на ухо: “Какао хочу”. Сердце у гончей колотилось так, что чувствовалось и сквозь слой одежды, а ее частое дыхание щекотало шею. Хавьер погладил ее по волосам, а после ненавязчиво отстранил от себя. Все же так обниматься он привык с любовницами, напарники должны соблюдать дистанцию. Но Ирр почти сразу впихнула горячую ладонь в его руку и не отошла дальше, чем на полшага до тех пор, пока они не добрались до автомобиля.

Хавьер уже опаздывал на работу, поэтому купил какао на вынос, а после потратил еще целых две минуты на то, чтобы напиток присыпали тертым шоколадом, капнули в него ликера и забросили несколько тающих зефирок. Ирр глядела на кружку недоверчиво, пробовала какао тоже с опаской и постоянно косилась на Хавьера, хотя глаза ее светились почти детским восторгом.

- Я не воровал эту кружку. Честно заплатил, хотя ушлый бармен посчитал ее по цене серебряной.

- Про другое думаю, - вздохнула она и облизала губы, - помогаешь мне очень много. Когда будет лучше расплатиться? В машине мне не нравится, тесно здесь.

- А где нравится? - Хавьер чуть отвлекся от дороги, чтобы видеть лицо гончей. Вроде бы не шутит, но и энтузиазмом не пылает.

- В квартире или доме. Там кровать мягкая и душ есть. А еще всегда хотела поглядеть, как живут настоящие доны. Но давай вечером, а то мне на службу нужно. Свогор Браво будет очень расстроен, что второй день подряд опаздываю.

- Ирр, - Хавьер остановил автомобиль возле особого управления и положил руки на руль, - никто не тащит девушку в кровать после одной кружки какао и мороженого. По поводу же твоих разногласий с патрульными хочу выслушать объяснения, а дальше найду тебе такси до дома, раз все равно не хочешь работать вместе. Пускай свогор Браво занимается твоим воспитанием.

- И после бокала кислого вина тащат, - вздохнула она.

- Хорошо, уточню. Я не тащу девушек в постель после кружки какао. В целом не припомню, чтобы кого-то туда тащил насильно или в качестве оплаты за услуги. И давай на этом закончим. А жилье одного дона я тебе покажу.

* 30 * (Хавьер)

Убитый инспектор был не единственным делом Хавьера, хватало и других, поэтому весь день он мотался по городу, как та самая гончая. И устал неимоверно. Зато нашел немало улик и зацепок. Оставалось еще одно место, куда нужно заскочить, но его Хавьер отложил на вечер. Надо же показать одной девушке жилище настоящего дона, а никого, более настоящего, чем Сальвадор Калво, найти не получится.

Поэтому к половине шестого Хавьер подъехал к полицейскому участку Второй линии и припарковал автомобиль. С Ирр станется уйти, не дождавшись или же попросту проигнорировать свогора следователя. Но она появилась точно в назначенное время, прижимая к груди бумажный пакет. Гончая явно потратила немало времени, чтобы привести себя в порядок: сменила форму на новую, подкрасила губы, вымыла и заплела волосы в сложную косу, отчего еще больше походила на человека.

У Ирр был свой секрет, но лезть в душу, когда и своих немало - неправильно.

Она помахала ему рукой, затем медленно, покачивая бедрами, подошла к автомобилю и остановилась возле двери. Ну точно хрупкая донья, которая без посторонней помощи и шагу ступить не может.

Хавьер вышел наружу, отворил ей дверь и помог сесть. Ирр сдержанно поблагодарила и гордо задрала подбородок вверх, но как только Хавьер уселся на сидение, впихнула ему в руки тот самый пакет.

- Держи, угощайся.

Внутри оказались поджаристые пончики, кривоватые и местами подгоревшие. Но пахли приятно, почти как те, что продавались рядом с полицейским управлением. Надо думать, что на Второй линии их готовят не с таким старанием.

Но Ирр так и сверлила его взглядом, пришлось вытащить один, обернуть салфеткой и откусить.

“Алекс, прекрати есть жирное, ты губишь свою печень!” - прозвучал в голове голос матери. “Ой, брось!” - сразу же ответила ей воображаемая сестра, - “при такой работе он сегодня-завтра получит пулю в затылок, и его идеальная печень порадует разве что судебного медика”. Сколько Хавьер их не видел? Пожалуй, недели две, надо будет навестить на выходных. А сейчас - откусить этот пончик и изобразить удовольствие.

На вкус, кстати, он оказался вполне неплох и пропечен внутри, что главное.

- А ты не хочешь? - Хавьер подвинул пакет ближе к Ирр.

- Нет, попробовалась уже.

- Так ты их сама готовила? Очень вкусные.

Она вздернула подбородок еще выше и забрала у Хавьера пакет. Вот, обиделась, пойдй пойми на что.

- Рита говорит, что мои руки слишком кривые для пончиков. А как не кривые? Второй раз всего готовлю эти пончики. А она объясняет мало и непонятно. Сыпь, говорит, муки, сколько возьмет тесто. Или что жарить нужно до готовности. Ты бы понял такое?

- Из всей кулинарии я освоил только бутерброды, так что нет, не понял. Но я знаю одного человека, который отлично разбирается в этом и сможет тебя научить, если захочешь.

- Из донов? - в ее голосе слышалось недоверие, но вот глаза сразу же загорелись интересом. Ну точно ребенок перед новой игрушкой.

- Из обычных свогоров.

- Подумаю, - согласилась Ирр.

- После того, как подумаешь над предложением работать вместе?

- Нет. Над тем я буду думать очень долго. Возможно, до следующего года.

Хавьер улыбнулся ей и поборол желание обнять гончую за плечи и по-дружески прислонить к себе. Но не мог предугадать реакцию, вдруг Ирр сочтет это пошлым намеком? Или набросится? Хотя она, кажется, не использует свою силу без необходимости и не нападает ни на кого. Тех же служителей

в храме Отца-Защитника могла порвать на части, вместо этого чуть припугнула и дожидалась Хавьера.

- Не хочешь рассказать, что за парня ты чуть было не поймала на Первой линии? - снова он заговорил, только когда автомобиль отъехал далеко от участка.

- Не хочу. Уже рассказала свогору Браво, он назвал меня глупой, страшно кричал, а после пил свои капли для сердца. И домой отправил, отсыпаться. Обещал выпороть, если выйду за дверь хоть на минуту.

Так вот откуда у нее появилось время на пончики и наведение красоты.

- Я свяжусь с ним и объясню, что сам вытащил тебя на прогулку, - заверил Хавьер.

- Не надо, он же добрый, не будет бить в самом деле. Просто беспокоится за меня. Он любил Мег, другую гончую, жениться хотел, представляешь? Берег ее, а Мег все равно...А потом меня беречь начал, посадил за бумаги, ругает, когда превращаюсь. Я же умная очень, Браво это ценит. Говорит, что выдаст меня замуж и уйдет спокойно в земпри, выращивать пшеницу, там и Мег будет лучше, на природе.

Ирр всхлипнула и отвернулась к окну, Хавьер остановил машину и все же обнял ее за плечи, очень осторожно. Ирр же вдруг извернулась всем телом и влезла к нему на колени. Сразу же затихла, не расплакалась. Она почти не шевелилась, но держала крепко - захочешь не вырвешься.

- Ты пахнешь хорошо, вкусно. И кожа приятная, гладкая, - тонкая кисть погладила его подбородок, а после пальцы обвели контур губ. - Если решишь пригласить к себе переночевать, я отказываться не буду.

Огромные темные глаза оказались прямо напротив его, а губы почти ловили дыхание гончей. Хавьер в уме пересчитал, когда последний раз ночевал с женщиной, а не падал обессиленным в кровать после тяжелого рабочего дня. После еще раз, когда ночевал с такой красивой женщиной. Сроки вышли весьма печальными, но Ирр казалась какой-то слишком хрупкой и ранимой, чтобы тащить ее к себе на второй день знакомства. К тому же, с ней сложно угадать, когда гончая говорит серьезно, а когда нет.

- Понимаю, что за пончики нужно платить, но в машине я не согласен, здесь тесно.

Ирр на секунду замерла, потом почти соскочила с его колен и поправила пиджак.

- Прости, - Хавьер улыбнулся и попытался сгладить неловкость, - я так и не научился остроумию. Все шуточки странными выходят.

Ирр нахмурила брови, пару секунд разглядывала Хавьера, потом выдохнула и расслабилась.

- Вчера вечером я встретила земпри, который воспользовался тем же артефактом, которым меня сбил со следа убийца, - вдруг заговорила она совсем другим тоном, серьезным. - Он уничтожил им восемь вержей и скрылся. Я попробовала взять след, но не получилось, от его запаха болят ноздри, будто перец нюхаешь. Пришлось действовать, как настоящий сыщик. Разузнать, что случилось, почему они схлестнулись. Так вот, это оказался земпри, прибыл в Эбердинг несколько дней назад, попался зазывале из игорного дома и сорвал там куш. Кролика обыграл, представляешь! Вот Хос, вроде как управляющий, прихватил дружков и пошел разбираться. А земпри вдруг положил их всех! Меня тоже задело, но краем, поэтому отлеживалась в храме. А сегодня снова пошла в квартал с игорными домами и бродила там, искала новую информацию. Потом раз! Тот же запах, от которого жжет ноздри. Самого земпри случайно заметила, он шел из игорного дома с кучей охраны, но отпустил их на пересечении с Первой линией.

Хавьер потер виски и пожалел, что бросил курить ещё пару лет назад. А Ирр все же невероятная! Ее бы оторвать от бумаг и на оперативную работу.

- Надо было проследить за ним до самого дома, а после сообщить мне. Рассказывай, что еще узнала.

- Имя только: Пак Ува и снимок вот, - она вытащила из внутреннего кармана крохотное фото, сделанное для документов. С него глядел самый обычный земпри, каких сотни, а то и тысячи в Эбердинге.

- Но он подстригся, - продолжила Ирр. - Красивый стал, как свогор. И говорит также. Быстро его найдем!

- Попытаемся.

Обычное лицо без особых примет, светлые волосы, которые, если этот Пак Ува не совсем идиот,

завтра же перекрасит в черные. И все, он один из горожан, тихий и неприметный. Хавьер, конечно, прикажет усилить наблюдение за игорными домами Второй линии, вдруг этот счастливчик покажется там и в третий раз, но особенной надежды на это не было. Как и на портреты, которыми Хавьер собирался обклеить всю линию Первую. Старая часть города, сытая и зажиточная, наполненная теми, кто не доверяет власти и лучше откусит себе палец, чем решит связаться с полицией и выдать ей кого-то. Этот пройдоха, Пак Ува, знал, где прятаться. С другой стороны, каждый чужак там как на ладони. Пораспрашивай хорошенько - и о земпри расскажут. Надо будет нагрузить этим маму: Клаудия Сото сохранила достаточно связей и влияния, чтобы с ней хотя бы разговаривали. Стоило же появиться Хавьеру, как от него отворачивались, презрительно морщили носы и вполголоса называли предателем. Доном, который отвернулся от своих, предал империю, ради государства в котором якобы все равны. Будут. Однажды непременно будут.

- Если согласишься пойти работать к нам в управление, - Хавьер спрятал снимок к себе и взял Ирр за руку, - то я выбью тебе звание и значок, как у обычного человека, там не будет отметки, что ты верж.

- Сказала тебе, что подумаю, а ты все давишь и давишь! - она сразу же подобралась и выдернула свою руку. Вези лучше в дом, обещал показать.

* 31 * (Ирр)

Хавьер, который вовсе не Хавьер, как всегда сдержанно улыбнулся, первым вышел из автомобиля и открыл дверь. После подал Ирр руку и помог выбраться наружу, точно настоящей донье. Интересно, а если поцелует, то тоже как донью? Но пока он целовать не хотел, сводил все к шутке. Даже обидно. Ирр знала, что она красивая, что нравится мужчинам. Но те как понимали, что перед ними верж, сразу начинали вести себя иначе.

С вержем не надо деликатничать.

Вержу не нужно внимание.

Верж должен благодарить за все. Даже за бокал кислого вина и щедрое приглашение переночевать в самой дешёвой гостинице, где стены чуть толще бумаги, а постельное белье не меняли с дня открытия.

Ирр всегда расстраивалась этим переходам. Вот ты красивая девушка, которой дарят цветы и зовут на свидание в кафе, а вот уже: давай прямо здесь и по-быстрому. Но парни не знали, какой именно она верж. Хвост и зубы сразу сбивали с них настрой. А с кого не сбивали, то у Ирр ещё были быстрые лапы, которые помогут убежать от любого.

Нет, не выдаст ее замуж свогор Браво. Кому нужна такая жена? С клыками...

Ирр вздохнула и тесно прижалась к боку Хавьера, так спокойнее. Вблизи дом самого настоящего дона больше походил на театр или библиотеку: огромный такой, с колоннами и мраморными ступенями. Очень богатый, даже для Эбердинга. И герб над входом, с кровоточащим сердцем и короной над ним. Герцоги терринские и их девиз: "служить государству до последней капли крови". Не малейшего следа ржавчины или запустения: гигантское здание выглядело вполне жилым и ухоженным. Даже на лужайке вокруг него не обнаружилось ни одного опавшего листа или ветки.

- Это, должно быть, очень почтенный дон, если ему оставили такую громадину, - Ирр на секунду оторвалась от Хавьера и потрогала мраморные перила. Холодные и гладкие, а ещё немного пахнут воском или чем-то подобным.

- Сальвадор Калво - очень известный историк, уникальный специалист по артефактам и магии. Он получил этот особняк в свое полное распоряжение до самой смерти, после оно отойдет историческому музею. Но Дон Паук настолько не любит правительство республики, что всерьез намеревается жить вечно.

- А его наследники? Им ничего?

Ирр глядела на это огромное здание и не верила, что оно может принадлежать одному человеку.

- Во всем Эбердинге не нашлось ни одной женщины, что решилась бы завести ребенка от дона Сальвадора. Даже среди отчаянных содержанок, готовых на все, лишь бы понести бастардом. А за племянников его переживать не стоит, они неплохо устроились и в новом мире. Идем и ничего не бойся.

Хавьер ободряюще потрепал ее по плечу, прижимая к себе поближе, а после дернул за веревку, чтобы позвонить в дверь. Та открылась спустя пару минут, без всякого скрипа.

Ирр не выдержала и заглянула внутрь, но почти сразу отскочила, наткнувшись на высокого дворецкого.

- Донья, - коротко поприветствовал он. - Дон Александр. Дон Калво просил передать, что желает вам отгрызть свои пальцы от голода, а после сдохнуть от цветущей гнили. И чтобы вашими костями играли дети вержей с Третьей линии, а душа провалилась на самые страшные и темные уровни бездны, где ее будут рвать на части чужие, предавая немислимым мучениям.

- О, он как всегда неоригинален. Я проскочу словно ураган, размахивая значком полицейского управления? - вполне серьезно поинтересовался Хавьер, Ирр же предпочла спрятаться ему за спину. Этот дворецкий выглядел очень страшно, с такого станется побить гончую метлой.

- Мои колени слишком старые и дряхлые, чтобы догнать вас, дон. А сила совсем покинула руки.

Дворецкий посторонился и снова кивнул, будто все это было частью старой, сыгранной множество раз постановки. Ирр все так же боялась выходить из-за спины Хавьер и крепко держала его за руку.

Надо же: "Алексадр". Ему шло определенно больше простонародного "Хавьера", хотя все равно не то. И имя частое, попробуй вспомни, кто из знати носил такое до революции.

Они проследовали по нескольким коридорам, спустились на пару этажей вниз, пока не попали в гигантское помещение без пола. Так, по крайней мере казалось стоя на небольшом балконе: одни бесконечные книжные шкафы, чье основание тонуло в темноте.

- Ее начал собирать еще первый герцог Калво, - заметил Хавьер, подводя Ирр к самому краю. - А ушши помогли построить и сам особняк и это помещение. Каждую среду и пятницу сюда приходят студенты из разных университетов и пользуются книгами, но только в читальном зале. Оставшиеся слуги зорко следят, чтобы они не растащили библиотеку.

- А эти ублюдки все равно загибают и вырывают страницы, ставят на них жирные отпечатки и норовят умыкнуть хотя бы мелочь, ненавижу!

Сам Сальвадор появился из темноты, выполз оттуда, цепляясь руками за книжные полки. Ирр приоткрыла рот от удивления и в открытую глазела на крадущееся к ним чудовище. Руки и ноги невероятной длины, с множеством неположенных человеку суставов, еще и в двойном комплекте. И глаз на голове тоже больше обычного.

- Но ведь он верж? - проговорила Ирр и закрыла рот руками. Почему она постоянно болтает глупости? Что заставляет?

- Дон Сальвадор был настолько мил в молодые годы, что ухитрился разозлить одну могущественную волшебницу из ушедших, - пояснил Хавьер, - за это получил проклятье. И очень слабый дар. С тех пор он не может покинуть это здание и немного изменил внешность.

- Эта дрянь расчесывала волосы прямо над мой прудом! Каждое утро! Мешала мне читать, - Сальвадор взъярился и взмахнул верхней парой рук. - За это я приказал осушить пруд и выдернуть все кувшинки. а после вырубить деревья вокруг. Алекс! Я приказал тебе больше не появляться в моем доме, предатель! Убийца! Еще и девку за собой притащил. Зачем тебе это существо? Сколько раз говорил, найди нормальную жену, с грудью и бедрами пошире, пусть наконец-то нарожает наследников, иначе род угаснет.

- Это она, - Хавьер подтолкнул Ирр вперед, - грудь, бедра. А кровь, пожалуй, древнее нашей.

Дон Паук перепрыгнул на балкон, обошел их двоих по кругу, приглядываясь к Ирр, а затем приподнял ей подбородок, заглядывая в глаза, и отошел назад.

- Да откуда бы тебе знать про ее кровь? Ты все уроки по истории прогуливал, Александр. Но здесь ты угадал, кровь у девчонки что надо: древняя, сильная.

Ирр с опаской оглянулась на Хавьера: что болтает Паук? Какая древняя кровь? Древняя кровь бывает у донов или ушедших, у вержей она порченная, плохая. Хотя и Хавьер хорош, шутит про свадьбу! Нельзя так шутить!

- Но насчет свадьбы ты соврал, с невестой бы меня знакомить не стал, побоялся бы испугать избранницу. Зачем пришел, Алекс?

Сальвадор причудливо сложил ноги и сел прямо на пол, подперев подбородок рукой.

- Слышал о новых убийствах? Знаешь, в каких семьях хранились нужные для их организации артефакты?

- А сам что, не знаешь? Потому что прогуливал историю, Алекс, вечно прогуливал! И что толку от этих знаний? Братство сильно не шипами, его питают корни! С тех станется вытащить из небытия все возможные артефакты и выдавать их для дела одному человеку. Не те мысли, не те зацепки, Алекс! Впрочем, ты всегда был самым глупым из братьев. Даже наследника не можешь заделать! Уж на это должно бы ума хватить!

- Как видишь, не хватило, - Хавьер поклонился Пауку и размеренно пошагал к лестнице. Ирр же так и следовала рядом, боялась отдалиться хоть на немного.

- Ищи там, где много балбесов! - окликнул его Сальвадор. - В пустые головы всегда просто насовать разной дури! Матушке передавай привет. И сестрам!

- Всенепременно.

Ирр разглядывала профиль Хавьера и так и этак применяла на него новое имя. Точнее, для нее новое, для него - точно старое.

А-лек-сандр. Длинно и не звучит. Алекс - звучит, но Алексом должен быть какой-то юнец, а не такой взрослый серьезный дон. Но "Хавьер" ещё хуже, очень ему не подходит. Хавьер - пожилой свогор с темными кустистыми бровями и неизменной чуть седой щетиной.

- А третьего имени у тебя нет? - спросила Ирр уже на улице, когда они возвращались к автомобилю.

- Двух мало, ты думаешь?

Удивлённым он не выглядел, как и обиженным. Наверняка уже слышал, что неудачно выбрал имя.

- Не подходят, - пожала плечами Ирр. - Третье нужно, красивое и благородное.

- Тогда сама придумай.

- Эх, ладно, побудешь еще немного Хавьером.

Он не ответил, просто задрал голову вверх и посмотрел на низкое небо, ничуть не смущаясь присутствия Ирр. Она же не хотела мешать, мало ли, какие воспоминания связывали Хавьера с этим местом.

И ничего так жили герцоги. С размахом. Но неудобно. Разве тут будешь растить детей? Они же шkodники и непоседы, непременно разобьются в библиотеке и свезут колени, бегая по этой дорожке.

- И ничем-то не помог этот ваш Сальвадор, - тихо проговорила Ирр.

- Зато ты увидела настоящего дона и вержа, - Хавьер сразу же подобрался и подставил ей локоть. Ирр положила руку поверх и пошла рядом, представляя себя настоящей доньей, прогуливающейся со своим женихом.

- И кое-чем он все же помог, - быстро разрушил иллюзию Хавьер. Разве женихи болтают о делах? - Правда, поиски я начну с чуть другого места. Ты разбираешься в значных местах Второй линии?

* 32 * (Фредерика)

Фредерика едва сдерживала зевету, хотя проспала сегодня дольше обычного. Определенно в плохом самочувствии был виноват Пак. И его каша. Слишком сытная и вкусная, она до сих пор согревала живот и необъяснимым образом нагоняла сонливость. А вместо привычного кофе земпри подсунул ей чай, "точь-в-точь как заваривает моя матушка, хотя найти нужные травы в городе было непросто". На вкус отличный, зато бодрости от него никакой.

- ... все равно лучше начать с крыши, - занудничал Пак. - Она худая совсем, течет при каждом дожде, ну сделаешь ты ремонт внутри дома - и что? Смочет его сразу же.

- Хорошо, тогда вначале крыша, потом ремонт холла, - согласилась Фредди, лишь бы он отстал. С такими разговорами скоро и вовсе влезет Паку на руки и пусть несет до университета, раз уж взял за правило провожать туда каждый день.

И не отступил от него ни разу за прошедшую неделю. Даже сегодня, когда небо было особенно серым, туман - особенно густым и если сменялся, то только мелким надоедливым дождем.

- Тогда уж утепли стены, - продолжал Пак. - Они порядком обветшали и отдают тепло слишком быстро. Хорошо бы снаружи еще одним слоем кирпича обложить, но траты непомерные и фасад испортишь, придется утеплять изнутри. И тогда уже можно думать о ремонте холла.

- Тогда у меня уже не останется денег.

- Пустите квартирантов, у вас столько нежилых комнат. А то и вовсе продайте свою часть дома и купите две небольших квартиры подальше от центра. Вы с матушкой две молодые женщины, рано или поздно захотите создать собственные семьи, лучше уж сразу разъехаться.

- Ты как всегда любишь лезть не в свое дело, дорогой кузен Паскаль, - пробормотала Фредерика, однако ее рука так и продолжила лежать на локте земпри.

Совместные походы до университета и обратно уже превратились в своего рода ритуал, как и их постоянные разговоры. Все время, пока Фредди не была на работе и не спала, она разговаривала с Паком. Точнее - спорила, ссорилась, пыталась стукнуть, а то и в самом деле отвечивала легкую пощечину. Потому что этот мужчина невыносим со своим занудством и правильностью! Но без общества Пака дом давил на Фредди стенами и вызывал уныние.

- Скорей бы ты уже отправился домой, драгоценный, - процедила она сквозь губы.

- Мечтаю о том же, - в тон добавил он.

Но каждый фонарный столб Первой линии был обклеен неудачными снимками Пака и призывом обратиться в полицию любому, кто знает этого земпри. Обвинений там не было, только приписка, что тот является свидетелем по очень важному делу.

Никто особенно и не вглядывался в изображение: сколько их расклеено по городу? Да и желающих помогать полиции на Первой линии было немного.

Пак спокойно ходил мимо объявлений и патрульных, кланялся тем и улыбался при встрече. Такому самообладанию Фредерика могла только позавидовать, она до сих пор вздрагивала при виде любого служителя закона, хотя тоже числилась всего-то свидетелем, а не соучастником.

После того убийства инспектора она перестала нормально спать, так и чудился крадущийся следом невидимка. И дома, стоило остаться одной в комнате, как Фредди кожей ощущала чей-то взгляд, навязчивое внимание и слабую магию. Доны не владели ей так, как вержи, но те, у кого кровь была в самом деле старой, сохранили особое чутье. И сейчас это чутье предупреждало о чужом присутствии. Поэтому Фредерика и тянулась к Паку, а не из-за каких-то там симпатий.

Кому может понравится необразованный и занудный здоровяк с огромными ручищами? Такой если обнимет, то переломает все ребра! А поцелуй? Этот увалень разве что на овощах мог практиковаться. Или каких-нибудь глупых розовощеких деревенских девицах. Вот профессор был совсем иным. Чуткий, страстный, умелый, можно поспорить, что и все остальное он делает так же хорошо, как и целуется.

От одних только мыслей об этом по позвоночнику пробежала приятная дрожь, осевшая где-то внизу живота. Но все тут же испортил Пак.

- И мне не нравится этот твой начальник. У него плохой взгляд, нездоровый. Держись лучше от него подальше.

- Николас Медина отличный педагог и адекватный начальник, а мой непосредственный начальник -

свогор Нуньес, заведующая хозяйственной частью. Вот она точно больна и одержима чистотой и еще котятками. Добрая сотня рисунков с их пушистыми мордочками расклеена по стенам ее подсобки.

- Вот и держись от них обоих подальше, - заключил Пак.

- А от разыскиваемых преступников мне не нужно держаться подальше? - они как раз дошли до стен университета и Фредерика перешла на шепот.

- Это будет разумно. Но не отменяет того, что и к профессору приближаться не стоит.

Да с чего он взял, будто с Мединой что-то не так? Они и виделись-то пару раз, когда профессор провожал Фредерику до выхода из университета, а возле ворот уже ждал Пак. Ненавязчиво так предупредивший, что блюдет честь дорогой кузины и не побоится пустить в ход кулаки, точно как и завещал ему обожаемый дядюшка Виктор Алварес.

- Он мой жених! Почти что, - возразила Фредди.- Наши родители договаривались о свадьбе.

- Ну он явно не отнесся к договоренностям серьезно, если так и не начал ухаживать за все годы после твоего совершеннолетия.

- Да с чего ты... Уверена, - она вдохнула и выдохнула, успокаивая нервы, - что свогор Медина в скором времени пригласит меня на свидание. И это станет только началом.

- Столько лет спокойно смотрел, как ты живешь в нищете, носишь разваливающиеся ботинки и не можешь справиться с матушкой, не вмешивался, но все равно настроен на ухаживания? Да он просто рассчитывает на кратковременный бурный роман без обязательств и лишних вложений. А то и нагнуть тебя где-нибудь в подсобке в обеденный перерыв, задурив голову разговорами и посулами.

Пока говорил, он все сильнее хмурил брови и крепче сжимал кулаки, а Фредерика пыталась унять дрожь в руках и разогнать багровую пелену перед глазами. Никак нельзя дать пощечину дорогому кузену прямо под окнами кабинета ректора и, что хуже, приемной, где сидела донна Жиль.

- Ты меня считаешь настолько доступной? - прошипела Фредди.

- Считаю молодой и горячей, а его - опытным соблазнителем. Только вот твой дон Медина получит свое и забудет об обязательствах, а ты останешься с разбитым сердцем и ненавистью ко всем мужчинам.

- Одного я уже ненавижу, и профессор здесь не при чем! Так что отдай мою сумку и проваливай, кузен Паскаль.

Он приподнял шляпу, прощаясь, после развернулся и пошел в сторону особняка Алварес, без лишней суеты и спешки, мерно постукивая тростью по брусчатке.

Фредерика же нацепила на лицо улыбку и поспешила к зданию университета. Благодаря донельзя пунктуальному "кузену" она больше не опаздывала, но все равно предпочла спрятаться в стенах здания, чтобы не встретиться ни с кем из бывших однокурсников. Она же стогит со стыда, если признается, где работает и кем!

Определено нужно поскорее избавиться от Пака и найти себе новое место. Фредерика Алварес достойна большего, чем мытьё пробирок и реставрация старых плакатов. Или работа в муниципальной школе, как предлагал Пак. Он то и дело звал ее уехать вместе, потому что там сможет защитить от опасностей.

Вернуться к тому, от чего так старалась уйти. К тому, из-за чего влипла в неприятности. Упасть на самое дно. Не дать своим детям ни денег, ни статуса свогора.

И чем больше Фредди думала об этом, тем сильнее злилась. У неприятностей выросло лицо Пака Ува: вечно нахмуренные брови, серые глаза, которые меняли оттенок в зависимости от освещения, губы, чувственные и очерченные очень четко. Имея такие нельзя целоваться плохо, даже если тренировался только на овощах. В конце концов, долго ли научиться? Фредерика за пару уроков от Хосе все освоила.

Снова этот Пак! И в жизнь влез, и в мысли! Фредди пронеслась по коридору, вскочила в лаборантскую и с ходу зашвырнула сумку в угол. Здесь снова все было не так: на вешалке чужое пальто, из кармана которого торчит газета с заголовком о Братстве тёрна, остальное пряталось в складках. Надо будет в обеденный перерыв сбежать купить такую же или выпросить у донны Жиль. Она всегда покупала утренние газеты для ректора, просматривала статьи и отдавала ему те, что касались университета.

- Профессор, доброе утро! - сразу же прокричала Фредерика, чтобы не попасть в такую же глупую ситуацию, как и в прошлый раз. Секретов с нее определенно хватит.

- Алварес! Вас-то мне и не хватало!

Медина вышел из кабинета, а Карлос Рубио, занимавший одно из кресел, отсалютовал шляпой.

* 33 * (Фредерика)

- Что, нужно что-то убрать? - Фредерика похлопала ресницами и придвинула к себе метлу.

- Нет, скорее напротив - принести, - профессор говорил быстро, то и дело оглядываясь на Карлоса. А ещё от него пахло сухими духами. Вроде бы обычное дело, но Фредерика хорошо помнила, как сама таким способом пыталась сбить гончих со следа, неужели и Медина тоже...

- Нам с Карлосом хотелось бы отметить одно дельце, не могли бы вы сходить в кофейню и принести нам по чашке того самого фирменного напитка с каплей ликера?

Он впихнул Фредерике в руку купюры и почти дотолкал до выхода.

- Не торопитесь, там всегда очереди, быстро вас не ждем.

- О да, малютка Алварес, - мерзкий Рубио подвигал бровями, - принеси нам кофе. И пару булочек, облитых миндальным сиропом.

- Как скажете, - Фредерика опустила голову, открыла дверь и выскочила в коридор.

Мысленно сосчитала до пяти, удостоверилась, что хлопнула и вторая дверь, которая вела в кабинет, а после тихо вернулась в лаборантскую.

Дева Карающая определенно воздаст ей за этот проступок, но другого способа избавиться от Пака Ува не существовало. Струсит сейчас - и этот земпри навечно поселится в ее доме, ремонт там сделает, откроет гостиницу и найдет для Фредерики правильного мужа. Или нет - сам женится, чтобы заделать с пяток светловолосых сыночков-зануд. Поэтому нужно действовать.

Фредди ступала осторожно, с носка на пятку, чтобы не издать ни единого лишнего звука, благо пройти нужно было не больше трех футов. Там, на вешалке, все еще болталось пальто Карлоса. Фредди быстро обшарила его карманы, пока не нащупала во внутреннем особом правительственный паспорт. Она прихватила его, спрятала поглубже в сумку и также тихо вышла в коридор, где уже понеслась со всех ног.

Медина дал ей полчаса, наверняка с расчетом, что донья может опоздать, итого выходило минут сорок-сорок пять, вполне хватит для ее плана.

Чуть не сбив какого-то первокурсника, тащившего в библиотеку стопку учебников, Фредди сбежала с крыльца и дальше пошла уже спокойно, на ходу поправляя шляпку: если профессор или секретарша ректора решат выглянуть в окно, то увидят только прилежную помощницу профессора, спешащую по делам.

Но сразу за воротами Фредди снова перешла на бег, после чуть не бросилась под колеса такси, когда увидела, что в нем нет пассажира и потребовала отвезти ее на Центральный вокзал и дожидаться там.

Пятерка галлов оказалась отличным средством, чтобы усатый свогор не накручивал лишние мили, а довез до места кратчайшим путем и на пределе допустимой скорости. Фредди даже пересилила себя и не стала бурчать на тему сигаретного дыма, пропитавшегося салон автомобиля.

Но возле касс тоже собралась очередь, которую Фредерика бесцеремонно обошла, протолкавшись к ближайшему окошку. Честные свогоры и земпри ругали ее последними словами, пытались отпихнуть, но доньи только на вид кажутся хрупкими и податливыми.

- Моему начальнику срочно нужен билет на Зеленый поезд, - она просунула в окошко паспорт Рубио и обворожительно улыбнулась кассиру.

Молодой парень с еще подростковыми прыщами придирчиво изучил документ, а после и саму Фредди.

- На предьявителя и с открытой датой, - добавила она. - Это важная поездка, свогор хочет сделать ее внезапной.

- Только универсальный билет на выезд, - парень гаденько ухмыльнулся и просунул паспорт через окошко обратно. - Тридцать два галла за каждый.

- За каждый? Мне нужен всего один!

- Ваш начальник наверняка не захочет путешествовать с соседями, поэтому разумнее будет выкупить все четыре места в купе или каюте. Итого: сто пятьдесят галлов.

Фредерике хотелось вломиться в служебное помещение, пусть вход в него и караулили двое теров и один вооруженных охранник, и надавать кассиру пощечин. Раскусил, что она поступает не совсем по закону и пользуется этим! Разве можно так?

Но скандалом здесь ничего не добиться, нужно действовать иначе.

- О, уважаемый свогор что-то путает, - проворковала она и поправила волосы, давая парню полюбоваться на свою тонкую шею и изящное запястье, - четыре на тридцать два - сто двадцать восемь.

- И двадцать два - пожертвование в фонд сирот Эбердинга, - его палец с аккуратно подрезанными ногтями ткнул в большую стеклянную банку. Монет в той было определено больше, чем в стоявших перед другими кассами.

- О, я думаю, мой начальник делает достаточно для сирот, а пожертвования хватит и в пару галлов.

- Хватило бы, - парень пригладил измазанную жиром челку, зачесанную назад по последней моде, - если бы ваш начальник пришел сюда сам, а не посылал беспечную девицу с паспортом. Я пробиваю билеты или освободите место следующему?

- Да, конечно.

Задавив собственную жадность, Фредди вытащила из кошелька пять купюр по десять галлов, а потом, стараясь смотреть в потолок, вытащила из-за корсажа ещё пять по двадцатке. Все стрясет с дорогого кузена, в двойном объеме! Ему несказанно повезло, что Фредди носит с собой запас денег, на всякий случай. И в целом такая умница: делает всех счастливыми. У Пака появится целых четыре билета, с которыми можно убраться хоть в колонии, у нее - спокойная жизнь, а этот прыщавый ублюдок наконец-то самым краешком увидел настоящую женскую грудь, наверняка пожалел, что стекло перед кассой такое толстое и мутное. Ничего, зато получит свою грамоту, как лучший сотрудник месяца, проклятый вымогатель!

На поездку она потратила тридцать минут из предположительных сорока, а в кофейне снова была очередь. И в этот раз из студентов и спешащих на работу служащих. Протолкаться через них нереально, как и ждать еще полчаса, пока подойдет ее очередь, на счастье Фредди прямо мимо нее прошла влюбленная парочка со стаканами нужного ей кофе и булочками.

- Плачу три галла за ваш заказ, - налетела она на парня.

Тот на секунду задумался, а вот глаза девчонки уже вспыхнули жадным интересом.

- Но я уже отпила из своего стаканчика, - пробормотала она, неуверенно поглядывая на поднос. Еще бы: за три галла можно скромно пообедать в хорошем ресторане или наесться до отвала в заведении попроще.

- Это для моего любимого начальника, он совсем не брезглив, зато дико голоден.

Фредди быстро всучила ей деньги и выхватила кофе. Для Карлоса обслуживленная чашка будет в самый раз. Здесь бы удержаться и не плюнуть в нее для надежности.

И, кажется, Рубио почувствовал что-то такое, потому как поблагодарил за кофе, отставил чашку и не прикоснулся к ней. Фредерика же улыбалась им с профессором, а сама изо всех сил старалась выровнять дыхание и не показать, как дрожат ее руки. Она бежала от кофейни, потом по коридору университета, тихо вошла в лаборантскую, впинула паспорт в карман Карлоса, затем уже хлопнула дверь и громко оповестила о своем приходе.

Профессор и Рубио до сих пор спорили о чем-то в кабинете, громко и эмоционально, но слух Фредди уловил только безобидные обвинения в адрес нынешнего чемпиона по боксу и его главного соперника. Вот, а она напридумывала себе чего-то!

- Алварес, - Медина поблагодарил за свой кофе и жадно отпил пару глотков, - напомните не посылать вас за доктором, если мне вдруг поплохеет! Сорок минут таскались неизвестно где!

- Обнималась со своим кузеном, должно быть, - Рубио растянул тонкие губы в улыбке, обнажив слишком белые зубы. А его неживые глаза так и следили за Фредерикой. - Ты видел этого здоровяка? Не думал, что островитяне так вырастают, больше на земпри похож.

- Островная знать, с которой породнилась сестра моего отца, никогда не следила за чистотой крови, - влезла Фредди. Только разговоров о происхождении Пака ей не хватало! И зачем только этот увалень таскался следом? Все неприятности от Пака, пусть он упадет на самое дно бездны, что разверзлась под Эбердингом и вечно гниет там вместе с костями чужих!

- О, да! Островитяне такие затейники.

Карлос точно играл с Фредди. Прощупывал ее, следил за реакцией, будто говорил, я знаю все о тебе, признайся лучше сама, пока не поздно.

- Чего только я не слышал об их отношениях с... кровью.

Его улыбочка вышла особенно гадкой, отчего Фредди передернуло, но она постаралась взять себя в руки и дальше изображать приличную донью. Не при профессоре же ей скандалить?

- На твоём месте, Ник, я бы ни за что не позволил своей невесте жить с таким кузеном под одной крышей.

Медина его не слушал, только пил кофе и смотрел за окно, а Карлос не поленился передвинуть кресло, чтобы быть поближе к Фредерике. И все те же движения: механические, дерганные, нечеловеческие. Почему никто вокруг больше не замечает этого? Почему Карлоса допустили до такой ответственной работы?

- Кузен Паскаль мало интересуется девушками, - промурлыкала Фредди. - Николасу не о чем беспокоиться.

- А он и так подозрительно спокоен для счастливого жениха, - Карлос быстро-быстро моргнул, а после снова застыл, как неживой. - В моем представлении те ведут себя несколько иначе.

- Прямо сегодня, после нашей поездки на озеро, я поговорю с кузеном Фредерики с глазу на глаз. И, Карлос, право слово, не припомню, чтобы я просил у тебя совета по правильному обращению с девушками.

- Обязательно расскажи мне, у кого будет меньше синяков. Хотя нет, лучше сам проверю.

* 34 * (Фредерика)

Рубио удалился спустя еще полчаса, Фредди же закончила со своими обязанностями, а после направилась к секретарю-Жилль, чтобы выпросить у той утренние газеты под честное слово не мять их и не поливать чаем.

Первые полосы пестрели сообщениями о ночном преступлении: неизвестный взорвал часть стены хранилища при особом управлении, но вынести ничего не смог, потому как столкнулся с терами, охранявшими артефакты. Никто не знал, зачем приходил вор, но за его поимку или любые сведения, которые могут в ней помочь, уже назначили солидное вознаграждение.

Фредерика почувствовала, как по спине пробежал холодок: на днях она заметила, что в химической лаборатории не хватает некоторых реактивов. Из такого набора можно было соорудить небольшую бомбу, поэтому Фредди собралась пожаловаться на воров ректору, но Медина ее остановил, убедил, что в журналах учета есть ошибки. А если кто что и стащил, то только студенты, которые только соседей напугают громким взрывом, не стоит лишать их стипендии и нагружать ректора лишними проблемами.

Выходит, это были не студенты и пугали они далеко не соседей.

Одна часть Фредерики уже изо всех ног неслась в особое управление, к тому самому Хавьеру Сото: что бы ни говорил Медина, но взгляд у этого следователя не злой, усталый скорее.

Но вот другая часть медлила. Что у нее есть: пропавшие реактивы и запах сухих духов? Из химической лаборатории вечно что-то воровали, в основном по мелочи, все ценное и опасное хранилось в сейфе, ключ от которого Медина носил во внутреннем кармане и не давал никому. И с этими уликами тащиться в особое управление? Если Николаса задержат и оттащат на допрос, а потом отпустят, как добропорядочного свогора, то будет неприятно за свой донос. Если же не отпустят и он в самом деле причастен и к убийствам, и к тому взрыву, то его ждет расстрел. Каким бы лояльным ни было новое правительство, к преступникам оно беспощадно.

Всегда очаровательный и ухоженный Медина превратится в синеющий труп с дыркой во лбу - нет, этого нельзя допустить! И пока у Фредерики не будет доказательств посерьезнее - больше никаких мыслей об особом управлении. А когда будут - тогда и... подумает об этом еще раз.

Она решительно отложила газету и взяла другую, ту самую, со статьей о Братстве. "Столичный шепот" всегда славился самыми провокационными и разоблачительными статьями. Сейчас они тоже отличились. На первой полосе шел громкий заголовок: "Братство тёрна" - убийцы или народные мстители?", а в продолжении, расположившемся на третьей странице шла огромная статья со снимками цветущего терновника и каких-то людей.

Фредерика с опаской поглядела на дверь и углубилась в чтение. Журналист был не сдержан в словах и выражениях, он в красках описывал то, что происходило в городе.

"Вы наверняка читали статьи об убийствах, что происходят в разных частях Эбердинга: таинственный злодей подкрадывается к жертве и вонзает ей стилет прямо в грудь, а после удаляется, не оставив ни единого следа. Затем с опаской оглядывались по сторонам, боялись возвращаться домой и накрепко закрывали все двери, чтобы не стать его следующей жертвой. Знакомо, не так ли? Особое управление вбило в ваши головы мысль, что под угрозой все жители и самое главное - поймать негодяев.

Но кое-чего вы не знаете.

В руке каждого убитого находили соцветие терновника и серебряную монету.

Удивлены? Хотите удивиться еще больше?

Жертвы не были невинными овечками, среди них только взяточники, казнокрады, насильники, сутенеры... Хотите факты? Держите..."

Дальше шел список всех жертв и то, в каких преступлениях их подозревали. Фредди легко бы отмахнулась от всего этого, но напротив инспектора Морено шло: "покрывал вержей, живущих и работающих без разрешения, брал взятки, обманом заманивал студенток в бордели, а особенно родовитых и "дорогих" пристраивал лично, беря половину от сумм, что им платили клиенты за ночь".

Половину! Вот скотина!

Фредрика сразу же одернула себя, так и лезло в голову замечание Пака, что тысяча галлов за ночь не кажется обидной. Так и здесь: половина много, а бери инспектор треть, Фредерика считала бы

его порядочным человеком. Нет, так нельзя, он в любом случае скотина и выходит, получил по заслугам.

Дальше же в статье журналист и вовсе осмелел: "Да, я не оправдываю Братство. Убийство - не выход. Но что остается нам, простым горожанам, если полиция бездействует и не может наказать подобных людей? А следователь из особого управления лишь таскается по кабакам в сопровождении своей молодой любовницы?"

Снимок снова вышел отвратным, но Хавьер Сото, обнимающий за плечи длинноногую красотку был вполне узнаваем.

И этому человеку Фредерика хотела довериться? Сдать ему Медину? Профессора, который столько лет был рядом, помогал с химией и даже устроил на работу в тяжелый момент жизни? Нет уж!

Она решительно закрыла газету, затем снова открыла ее и оценивающе оглядела девушку следователя. Красотка каких мало! И грудь выпирает посильнее, чем у Фредди, несмотря на все ухищрения. Темные волосы, светлая кожа и огромные глаза - точно благородных кровей, а таскается с этим недостойным человеком.

Но почему-то Хавьер Сото никак не шел из головы. Фредди работала, уходила на перекус, вернула газеты Жилль, а его лицо все стояло перед глазами. Оно было ей определено знакомо. Но не в нынешней жизни, а в той, где Алваресы считались обеспеченным семейством. Казалось, что вот оно, воспоминание, напряглись и всплывёт, однако то рассыпалось как песочный замок.

- Алварес, о ком думаете весь день? - в конце рабочего дня профессор подхватил свое пальто, затем шляпу и трость и замер на пороге, дожидаясь Фредди.

- Об одном доне, - кокетливо прошептала она и заглянула Нику прямо в глаза.

- Да? А я хотел пригласить вас на озеро. Взяли бы автомобиль на прокат, проехали по дамбе...

- Уже передумали?

- Так вы согласны?

- Конечно нет! - громыхнул голос Пака. - Я, как ее кузен, категорически возражаю.

- Боюсь, тебя никто не спрашивает, дорогой мой родственничек! - Фредди налетела на Пака, но его огромная лапища тут же сжала ее ладонь и потащила к выходу.

- Батюшка смотрит на тебя из чертогов Отца-Защитника и пускает слезу над распушенностью, Фредерика! - выдал он.

- Глупости какие!

Медина попытался преградить им путь, но не вышло: Пак был словно лавина из камней, такой устрашающий и неуправляемый.

- Это простая автомобильная прогулка, я вернул бы вашу кухню в целостности и сохранности!

Профессор проговорил это уже им в след, когда Пак вел Фредди по коридору прочь от лаборантской.

- Что ты себе позволяешь? Так вжился в роль родственника, что в самом деле решил блюсти мою честь? Так вот - это не твоя забота! Я имею право развеяться.

- Вот и делай это в ресторане или городском парке - почему нет? А на озеро, в леса, в горы и так далее молоденьких девушек возят с одной и очень примитивной целью. Просто подумай хорошенько - ты согласна идти до конца или нет?

От его слов стало вдруг как-то не по себе. Верить им не хотелось, но и забыть не получалось. Почему не ресторан, в самом деле? Почему озеро? Медина так серьезно воспринял ее невинное кокетство? Или же хотел доказать что-то Карлосу?

- Мне кажется, ты просто ревнуешь, дорогой кузен. И не хочешь вечером оставаться в одиночестве, - она проговорила это только затем, чтобы уколоть Пака. Но тот лишь улыбнулся, широко и искренне.

- Ага. Что за вечер без твоей компании? К тому же в одиночестве Бенита любит музицировать, якобы готовится к работе.

- Матушка так и не научилась попадать в ноты, - согласилась Фредди и всучила Паку свою сумочку.

А то он так торопился увести ее от профессора, что позабыл о своих прямых обязанностях.

Но это не значит, что Фредди перестала злиться. Не какому-то земпри следить за ее нравственным обликом и разгонять ухажёров!

* 35 * (Фредерика)

Остальные фразы Пака пролетали мимо ушей Фредди, ускользали от внимания, поэтому в ответ она только угукала или кивала.

- Ты только что согласилась спать сегодня в моей постели, чтобы защититься от злых теров, прячущихся в тумане. О чем думаешь, Фредерика? - он изо всех сил старался оставаться серьезным, однако потом не выдержал и все же хрюкнул от смеха.

- Я на такое не могла согласиться, ты болтал о том, что неплохо бы сделать на нашем заднем дворе огородик, а потом... Дева Порочная! Ты! Ты меня обдурил!

- Просто нельзя настолько углубляться в мысли, иначе попадешься. Правда, о чем ты думаешь?

Фредди вздохнула, потом подошла к ближайшему мальчишке, разносившему газеты и попросила дать ей утренний "Шепот", развернула его на третьей странице и показала Паку.

- Меня беспокоит этот мужчина. Хавьер Сото. Точно знаю, что видела его, но не могу вспомнить где.

- Обстоятельства? - Пак забрал у нее газету и приблизил ее к самым глазам. Вот только рассматривал он не сыщика, а его любовницу. И этот туда же! Что только мужчины находят в таких размалеванных девицах?

- Не помню, но это было до революции.

- Спроси у матушки. Вряд ли ты бывала где-то без ее разрешения и присмотра.

- Аха-ха, матушка помнит его только если титул был выше нашего. А в Эбердинге было не так много семей, превосходивших Алварес. И хватит пялиться на эту девку!

Фредерика выхватила у него газету, затем скомкала ее и спрятала в сумку, пускай для этого и пришлось приблизиться к Паку.

- Подумаешь, грудь больше среднего...

- Она верж, - он ответил неожиданно серьезно. - Гончая, если не ошибаюсь. И, скорее всего, ищет меня. Но почему тебя волнует следователь и его помощница - это большой вопрос. Ничего не хочешь рассказать мне, Фредерика?

- Лучше в самом деле останусь ночевать в твоей кровати, - пробурчала в ответ и дальше шла уже молча, ловя на себе взгляды прохожих.

Ну да, конечно, прогуливается под руку с этаким здоровяком, на которого горожанки шеи сворачивают. Даже обидно, раньше Фредерика ловила на себе все внимание, а теперь казалась бледным приложением к земпри.

Да-да, все именно так, просто эти курицы не знают, кто перед ними и поэтому пускают слюни. Ошибаются, также, как ошибалась Фредерика, считая красивой ту девчонку спутницу Сото. Всего лишь верж. Те зачастую бывали красивы, даже с частями тел, будто вырванными из животных. Так и земпри: выглядят неплохо, но весь этот рост и сила не для любования, они нужны чтобы выдерживать изнуряющую работу на земле или заводах.

Пак тоже молчал и не лез в душу. Но когда Фредди споткнулась - сразу же подхватил ее и помог устоять на ногах. А дома открыл перед ней дверь и помог снять пальто, точно настоящий дон. Еще по холлу плыл запах ужина, ковер на полу больше не пугал пятнами, а дверцы у шкафов висели ровно, а не болтались на петлях. Фредди громко фыркнула и понеслась к матушке: пусть этот земпри не воображает себе ничего!

Бенита почти традиционно лежала на кровати с мокрой тряпицей на голове, только вот на прикроватной тумбочке стояла тарелка с крошками печенья, а из-под подушки торчал уголок обложки дамского романа.

- Ты должна избавиться от этого человека, Фредди! Он ужасен! - проговорила матушка.

- Что опять? Тля?

- Нет, он сказал, что выводил лишай овце точно такой же микстурой, которую мне прописывал доктор. И я должна идти в городскую больницу, а не вызывать шарлатана.

- Ну как же я выпровожу нашего кузена, матушка? - Фредди забрала у нее тряпицу, заново смочила ее и вернула матери.

- Я знаю, кто он такой, хватит уже! Ты должна выпроводить Паскаля! Надеюсь ты достаточно умна, чтобы взять у него аванс из этих двух тысяч?

Фредди застыла на месте, натянув на лицо блаженную улыбку. О чем говорит матушка? Что за глупости? Откуда взялись две тысячи? Или это Пак проболтался об их договоренности, а заодно и увеличил сумму в несколько раз?

- Не понимаю, о чем вы, - блеф ей всегда удавался плохо, но и Бенита не мастер распознавания эмоций.

- Не догадалась. Так иди и стребуй! - Бенита села и хлопнула ладонью по покрывалу. - Нельзя чтобы этот прохвост пользовался тобой и не заплатил, это не рационально. И хвалю. Даже я не смогла бы пристоить твою невинность дороже. Хотя могла бы рассказать все честно, а не выдумывать кузена с островов, будто я не помню, какими уродами те были! Ступай! Надеюсь завтра его не будет, сколько уже можно тянуть с таким простым делом. Выпей пару бокалов крепленого вина, да стони погромче, сама не заметишь, как все закончится. А то и втянешься в процесс.

Матушка подмигнула ей из-под тряпицы и снова откинулась на подушки, притворно тяжело вздохнув. Фредрика налила ей воды в стакан, поправила подушки, забрала грязную тарелку и чуть приоткрыла окно, впуская в комнату свежий воздух, а после выскочила из комнаты, с трудом удержавшись от хлопка дверью.

Она Алварес! Фредерика Алварес - наследница Виктора Алвареса, честного и порядочного дона, а не какая-то шлюха.

Но зеркало напротив отразило черты, слишком похожие на те, которыми славилась Бенита. Фредди глядела на себя и почти ненавидела за то, что так похожа на мать, что многое взяла у нее. Эту алчность, склонность к авантюрам, влюбчивость... Нельзя же вздыхать над красотой профессора, принимать его поцелуи, а ночами представлять Пака.

От удара ладонью зеркало задрожало, но, к счастью, не осыпалось осколками. Фредди беззвучно зарычала от злости, а потом убежала в свою комнату. Пускай на кухне отсывает сытный ужин, но там ждет Пак, а видеть его не хотелось.

Поэтому Фредерика закрыла за собой дверь и расшвыряла одежду, оставшись в одном белье. И сразу же почувствовала на себе чужой взгляд. Голодный, любопытный, изучающий и оценивающий. Фредди схватила подушку и зашвырнула ее в угол, из которого и исходили эти эмоции.

- Хватит пялится, трус! Выходи быстро, или сейчас же отправлюсь в особое управление!

- Эй, киса, полегче! - голос звучал громко и зычно, но на деле принадлежал крохотному вержу, размером меньше мизинца Фредди. Сейчас он потешно поднял руки вверх и вышел из-за шторы. После исчез и появился уже на спинке кровати. - Вообще-то я пришел к тебе с деловым разговором. Хотела бы подзаработать? Пару тысяч галлов за вечер?

* 36 * (Фредерика)

- И за что же платят такие деньги? - она осторожно взяла вержа и посадила к себе на ладонь. Тот с неподходящим для такого роста интересом уставился на грудь Фредерики и одобряюще присвистнул.

- Не платят, не надейся. Но мы их выиграем! Слышала, что кролики приносят удачу? Со мной, детка, ты сорвешь неплохой куш в игорном доме.

- И лишусь пальцев, если меня поймают за это.

Малыш слишком разошелся, поэтому Фредди накинула на плечи халат и поплотнее запахнула его. Но глаза вержа все еще маслянисто поблескивали, а ладони будто сами собой потирали друг друга.

- Если поймают, - уточнил он. - А чтобы этого не произошло, тебе придется позаимствовать кое-что у нашей общей высокоморальной занозы - Пака Ува.

- Так сам и позаимствуй, не имею никакого желания идти к нему.

Еще подумает, что понравился Фредерике или что она решила ночевать в его комнате. Рядом с этой громадиной. На узкой кровати... Бр-р-р!

- Я не могу прикоснуться к этой штуке, - вздохнул верж и протянул вперед тоненькую ручку, - зови меня Клу, кстати. А Пак носит ее под подкладкой пиджака, так просто не вытащить, но я все продумал!

- Подожди! Пока не могу сообразить, что прячет Пак и как это может помочь обчистить игорный дом.

- Это поможет спрятать меня, а дальше уже подключим удачу и сорвем куш! Или тебе нравится жить с истеричной мамашей, терпеть этого долдона и работать полумойкой? Брось, детка, один вечер - и деньги у нас в кармане!

Фредерика задумалась и села на кровать, а после чуть пригнулась, чтобы их с Клу взгляды были на одном уровне. Две. Тысячи. Две. Тысячи. Целое состояние, по сравнению с которым жалкие три сотни от Пака - так, на чашку чая. Да с двумя тысячами Фредди в самом деле купит себе квартиру в центре, вновь войдет в список желанных невест для самых лучших женихов этого города, аккуратно вложит деньги и сможет и вовсе не работать. Только походы по ресторанам, театрам, приемам и прекрасная, сытая жизнь!

Или парочка отрубленных пальцев. Говорят, сейчас их аккуратно удаляют под анестезией, а не рубят топором, как раньше, да и в целом правительство готовит законопроект о замене этого наказания на реальный тюремный срок, но с везением Фредди - пальцы точно пострадают.

- Я абсолютно все продумал, - Клу подобрался чуть ближе и чуть ли не влез на нос Фредди. - И даже опробовал. Думаешь, откуда у этого деревенского дурачка такие деньги, м? Я помог. Правда, Хос, мой бывший хозяин, заподозрил обман и послал своих головорезов за Паком, так он и оказался у тебя. Но мы разделались с ними, а затем снова вышли на дело и сорвали куш! Я бы продолжил работать с ним, но придурок уперся, что здоровенный земпри слишком заметен и про три выигрыша подряд в разных игорных домах - чересчур, пойдут нехорошие слухи. Но вот девушка, настоящая донья, вне подозрений! Давай уже, решайся, или я найду себе другого напарника.

Клу в самом деле исчез из виду, а штора на окне дрогнула, как от дуновения ветра.

- Постой! Расскажи все подробнее! - Фредди вытянула вперед руку и на ней сразу же появился довольный верж.

- Расскажу, детка. Но в начале покажи-ка что хранится в вашей домашней аптечке.

Через несколько минут Фредерика, уже в другом халате, тонком и шелковом, едва скрывающем очертания ее тела, пришла на кухню.

На плите одуряюще пахло рагу, а рядом с ним в бумажных пакетах лежал свежий хлеб. Без лишних раздумий Фредерика отхватила себе краюху, открыла крышку кастрюли и ложкой набросала себе кусочков мяса и овощей, быстро проглотила их, вытерла лицо и руки салфеткой, прополоскала рот специальным раствором, а после уже взялась за дело.

Самым сложным оказалось найти подходящее вино с достаточно выраженным вкусом. Благодаря финансовым вложениям Пака семья Алварес больше не пила кислятину, но и до прежнего разнообразия было далеко. Но Фредди справилась. Она выбрала бутылку, протерла ее от пыли и поставила на поднос, туда же - два бокала, нарезанный сыр и фрукты. Флакон с лекарством она

припрятала в карман, а после распустила волосы, чуть взбила их руками и покусала губы, чтобы налились цветом.

Пак открыл почти сразу после ее стука. За это время он успел снять пиджак, расстегнул пуговицы у рубашки и закатал рукава. Это будто отняло у него несколько лет и сделало каким-то юным, домашним и уютным. Да, все тот же здоровяк-земпри, но такой, к которому хочется подсесть поближе и положить голову на грудь.

- Фредерика? - он выглядел слегка опешившим, но тут же посторонился, пропуская ее в комнату.

- Ну я же пообещала ночевать с тобой, хочется начать с чего-то.

- Это шутка была.

Вроде бы возразил, но не стал выпроваживать. Значит, Клу был прав и Пак Ува в самом деле втайне симпатизирует Фредерике. Главное теперь - нигде не проколоться и не спугнуть его.

- И я не серьезно, - она улыбнулась и села на кровать.

С мебелью в комнате было туго: камин, который давно не разжигали, полка и кресло в углу. Одежда Пака пряталась за ширмой, там же стоял небольшой умывальник и ночной горшок. Фредди откопала его на чердаке и с мстительным удовольствием подпихнула земпри под кровать, нарочно оставив ручку торчать из-под покрывала. Пусть знает, как упрекать ее в недостаточном гостеприимстве.

- Просто захотелось вина, а батюшка всегда говорил, что пить в одиночестве - признак подбирающегося алкоголизма, - она обворожительно улыбнулась и протянула поднос Паку.

Тот на удивление споро разделался с пробкой, разлил вино по бокалам и протянул один Фредди, а после тоже сел на кровать. Не слишком близко, между ними все еще стоял поднос, но и не так далеко, как положено было бы упертому земпри.

- Ну, бокал перед сном не вредит, если употреблять не слишком часто, - согласился он. - Но злоупотреблять в самом деле не стоит.

- Одна бутылка на двоих - разве много? Да ты бы и один ее выпил и даже не почувствовал хмеля, - Фредди будто случайно капнула вином на халат и ойкнула.

Пак сразу же подхватился и пошел разыскивать полотенце за ширмой, а Фредерика быстро влила в его вино порцию лекарства. Хотелось верить, что они с Клу точно высчитали дозировку и земпри не поплохее, а заснет он раньше полуночи.

- Вообще-то я не пью, - Пак вернулся быстро, присел на колени и сразу же промокнул полотенцем пятно. Касался он бережно, не размазывал вино и не пытался мимоходом облапать бедро Фредерики.

- Да брось его, все равно не ототрешь. Но это же пустяк, да?

Она накрыла его руку своей ладонью и убрала от халата. Пак поднял на нее глаза, такие темные и выразительные, совсем не глупые или пустые, как часто бывало у знакомых парней, затем улыбнулся одними краешками губ и вернулся на прежнее место на кровати.

- Пустяк, конечно. За что выпьем?

- За Эбердинг, конечно! Да стоит он вечно!

Фредерика шутливо отсалютовала бокалом, Пак поддержал ее, но отпил совсем немного и сразу же зажевал кусочком сыра. Если так дело и дальше пойдет, то лекарство и вовсе не подействует.

- Это не серьезно! - вздохнула она. - Ты будто ждешь, пока я напьюсь, чтобы воспользоваться этим. Ай-ай-ай, Пак Ува! Справедил Николаса Медину, обвинил его, а сам...

- Чего ты хочешь, Фредди?

Пак и вовсе отставил бокал и наклонился чуть ближе, чтобы заглянуть ей в глаза.

- Мы же оба знаем, что ты не пришла бы просто так.

- А я пришла, - Фредрика тоже наклонилась ближе к Паку, а потом пригладила воротничок его рубашки. - Взяла и пришла. Ты не думал, что мне тоже бывает одиноко?

* 37 * (Фредерика)

- Думал, - он перехватил руку Фредди и поднес ближе к глазам, разглядывая пальцы, затем вдруг опустил ее вниз, не ослабляя хватку, - но настолько скучно, чтобы идти ко мне тебе точно не бывает. А идти ко мне в одном пеньюаре - для этого должны быть серьезные причины.

За спиной земпри появился Клу, нахмурил брови и изобразил страстный поцелуй, вытягивая губы трубочкой, а после постучал по запястью, намекая, что вечер не будет длиться вечно и пора бы уже усилить нажим.

- Причина проста, - внутри уже все кипело от злости, однако Фредерика изо всех сил изображала интерес и желание, но Пак, кажется, не верил, - ты мужчина, привлекательный... Тебе говорили об этом?

- Да. Обычно в первые минуты знакомства, а не спустя неделю. Брось, из тебя никудышная соблазнительница, на такие неловкие приемы может попасться разве что твой профессор.

Фредди дернулась, чтобы отвесить ему пощечину, но Пак крепко держал ее пальцы и глядел все более настроенно.

- Ладно, я попалась, - она пожала плечами, позволив халату сползти почти до самого локтя, потом нехотя его поправила. Приемы, может, и дешевые, но даже невозмутимый и непоколебимый Пак Ува не отрываясь следил за ее движениями. - Просто хотела проверить, вправду ли ты девственник и даже целоваться не умеешь, как кажется со стороны.

Клу стукнул ладонью по лбу и замотал головой. Да, Фредди и сама знает, что увела разговор не туда, но других идей в голову не пришло. Пак же спокойно отпил еще глоток вина, убрал поднос с кровати прямо на пол и скрестил руки.

- И зачем тебе это знание?

- Поспорила с профессором Мединой, он предлагал сводить моего дорогого кузена в бордель, чтобы тот привез из столицы не только приятные воспоминания, но и начальный опыт обращения с женщинами. Николас считает, что твоя опека надо мной связана с недостатком...

Он не стал кричать или что-то доказывать, с одно движение сгреб Фредди в объятия и поцеловал. Без всякой скромности, прикусывая ее губы и лаская языком. Где-то на грани слышимости одобрительно присвистнул Клу и громыхнула об пол бутылка вина. Фредерика задыхалась и плавилась, но никак не могла отпихнуть Пака или попросить его, чтобы прекратил. Проклятый земпри в самом деле умел целоваться, наверняка и все остальное - тоже. Но пока он не переходил грани, обнимал весьма целомудренно и не пытался повалить Фредерику на кровать. Хотя сама она уже перебила пуговицы на рубашке Пака, гладила его плечи, прижималась теснее, мало задумываясь, что делает и зачем.

"...сколько уже можно тянуть с таким простым делом. Выпей пару бокалов крепленого вина, да стони погромче, сама не заметишь, как все закончится. А то и втянешься в процесс..." - пронеслись в голове слова матушки.

Но Фредди не такая! Она не отдастся мужчине просто так, из-за легкого помутнения.

- Пить, - простонала она и потянулась к своему бокалу.

Пак услужливо подал вино Фредди, затем схватил свой бокал и залпом его осушил.

- Пьянит, - признался он, - но не как ты. Имея такую красоту, надо быть осторожнее Фредди. А у тебя в крови... огонь.

Взгляд его помутнел почти сразу, а язык начал заплетаться.

- Стерв-ва настоящая, но дурна-ая, ой, какая дурная! - Пак неловко взмахнул бокалом, чуть не разбив его, поглядел вино на свет, а потом отшвырнул в сторону, заливая пол. - Зато красивая. Да. Так бы и...

Вместо "и" он отключился и повалился на кровать. Упал неловко, подвернув под себя руку. Фредди сразу подскочила, проверила у Пака пульс и уложила получше. Дышал он редко, от прикосновений даже не дернулся.

- А он точно в порядке? - Фредерика на всякий случай ещё и привязала земпри за руку к изголовью кровати.

- В полном, - Клу тоже проверил состояние Пака, но обеспокоенным не выглядел. - Мои знакомые

шлюхи часто поят таким клиентов. Чтобы и деньги взять и не работать, смекаешь?

Он гаденько подмигнул, а Фредди снова почувствовала себя продажной девкой. Глупой и дешёвой. Но ничего, это все в последний раз: сорвёт куш - и заживёт по-новому!

Пока что Фредерика обшаривала подкладку пиджака Пака и искала там амулет. Нашелся с трудом, оказался вшит очень хитро, со знанием дела. А когда вытащила на свет, прикрыла рот ладонью от удивления.

Клык чужого! Такая редкость, что и представить сложно. У обычного земпри точно не могло быть такого. Клу следил за ее действиями, но сам не вмешивался. А ещё он сел прямо на грудь Пака и прислушивался к его дыханию. Наверняка соврал, что лекарство так безопасно! Но признаков, что земпри становится хуже не было, поэтому Фредди все же решила оставить его одного.

Она собралась очень быстро, надела лучшее платье из матушкиного гардероба, благо тот хранился в отдельной комнате, после добавила к наряду шляпку с вуалью и аккуратную сумочку, в которую пока и спрятала клык.

Матушка снова слушала свое радио и не замечала происходящего в доме. Отец-Защитник, как же это удобно: закрыться в комнате, отгородиться от мира песнями и спектаклями и счастливо переплывать изо дня в день в твердой уверенности, что проблемы разрешит кто-то другой.

А у Фредди этого другого не было, только она сама. Точно, получит деньги - и съедет от матушки. У той останется солидная вдовья пенсия, если сменить жилье и распорядиться деньгами разумно - хватит на сытую жизнь. Тем более Бенита теперь работает.

Сам путь до игорного дома будто выпал из памяти. Фредерика так нервничала, что почти не глядела по сторонам, на месте трясущимися руками пихнула таксисту купюру и выскочила из автомобиля.

На Второй линии она была впервые. Казалось, что это грязная клоака, где царит беззаконие, но на деле улицы немногим отличались от улиц Первой линии. Дома ниже, дороги уже, патрулей поменьше, а так - очень похоже, даже публика схожа. Зато здесь все пестрело от огней подсветки, в ноздри били разные запахи, а люди веселились так открыто, как никогда не позволяли себе в центре. Фредди приободрились и пошла напрямик к самому большому и яркому из зданий.

* 38 * (Фредерика)

- Лицо сделай попроще, - шептал на ухо Клу. - Ты скучающая богачка, а не девица, что пришла танцевать с раздеванием ради бесплатного обеда.

- Я никогда раньше не бывала в игорных домах.

Фредди в самом деле попыталась расслабить лицо и чуть поджать губы, имитируя мимику матушки, когда та вынуждено заходила в магазин за продуктами. Получалось почти непринужденно: чем дальше она шла по "веселому" кварталу, тем больше на глаза попадалось грязи, мусора, пьяных свогоров и полуголых вержей, которые зазывали, предлагали себя или наркотики, а то и вовсе тащили силком в свои заведения. Один так цепко повис на руке Фредди, что пришлось наподдать ему каблуком по ступне, чтобы отстал.

Но возле нужного игорного дома стоял вышколенный швейцар, сразу же распахнувший дверь и пожелавший приятного вечера. Вроде бы улыбался он ровно, не раскусил сразу, что перед ним аферистка. Да и на входе обыскивали весьма поверхностно. Клык, как и обещал Клу, скрыл присутствие вержа, а в остальном у Фредерики не было ничего запретного.

Сразу после ее перехватил здоровенный мужчина с львиной гривой и ярко-желтыми глазами, сально улыбнулся и предложил тридцать галлов за ночь. Над его верхней губой торчали тонкие усы, как у настоящего кота, а грива уходила с головы по спине до самого пояса. Волосы густо росли и на груди и руках, а пальцы заканчивались острыми когтями, каждый из которых блестел качественной подделкой под драгоценные камни.

- Гони его, такие не стоят больше пятнадцати, - возмутился на плече Клу.

- Моя ночь стоит тысячу, - улыбнулась из-под вуали Фредерика. - Разойдемся или продолжим разговор как деловые люди?

Верж-лев сдержанно поклонился и в самом деле отошел, а Клу продолжил ругаться и обзывать ее бестолковой. Фредрика отмахнулась от него, подошла к столу с рулетками и спустила там десяток галлов. После подошла к большому крутящемуся колесу, которое сулило самому удачливому и прозорливому игроку выигрыш в целых две с половиной тысячи.

- Идем играть в карты! Там легко всех уделаем, - проворчал Клу.

- Я не уверена.

- Я уверен. Наш Пак выиграл вообще без магии, а с тобой буду я.

Ну в самом деле, что может быть хитрого в картах? Сосед-Хосе постоянно играл в них с соседними парнями, даже обучил немного Фредди, правда, тогда они ставили детали одежды, а не деньги, но принцип тот же! Да, точно, она обязательно справится!

Фредерика подняла голову повыше и пренебрежительным тоном попросила отвести ее туда, где можно с чувством спустить деньги.

Один из лакеев тут же засуетился и понёсся по залу, чтобы открыть дверь перед носом девушки, пока та не передумала тратиться. Игра еще не началась, только собирали участников, а крупье тасовал карты. Пестрые рубашки размазывались от его быстрых движений и превращались в одно размытое пятно. Зелёное сукно стола казалось каким-то зловещим, а свет новомодных иностранных ламп - мертвым и холодным. Сами противники тоже походили на восставших из могил: синюшные лица и губы, а под глазами темные круги. Двое мужчин и женщина, все молчат и смотрят на крупье. Потом появился пятый участник - и карты полетели по столу. Они ложились аккуратно, напротив каждого игрока.

Одна.

Две.

...шесть.

Шесть, а не пять! Фредди не знала, что это за игра, а Клу молчал. Она спокойно подняла карты со стола и поглядела. Все вразброс, непонятно, что делать дальше. Женщина сразу же подняла ставки, один из мужчин спасовал, другой пододвинул три из своих карт к Фредерике. Что ей делать? Как играть?

- Бери его карты! - все же объявился Клу. - А свои отдай следующему, они отстой.

Но там был туз и король, как можно отдать? Фредди помотала головой и подняла ставку.

Через сорок минут она продула сто галлов из тех, что вытащила у Пака и попрощавшись со всеми, вышла из-за стола.

- Ты просто феерическая дура! - вопил на ухо Клу. - Феерическая! Зачем села играть в "пальцы", если не смыслишь в них?

- Ты же обещал удачу и выигрыш! - она процедила ответ сквозь зубы, оглядываясь по сторонам. Здесь должно быть что-то попроще, на чем тоже можно сорвать солидный куш. Но пока замечала только рулетки, сцену, на которой пели и танцевали девушки-вержи и огромное "колесо удачи" в центре. Выигрыш оно обещало фантастический, но ставили там мало.

- Удача не прыгает тебе на голову, - судя по голосу, крохотный верж и не думал успокаиваться, - она может доверчиво запрыгнуть в протянутые ладони. А если ты прячешь руки за спину - ничего не выйдет! На колесо даже не смотри, мне не вытянуть там выигрыш: триста семнадцать секторов, у тебя же ума не хватит поставить хотя бы близко к тому, на котором остановится стрелка.

Фредерика почти не слушала его: подошла к огромному диску с вращающейся стрелкой и усталилась на картинку, которыми был украшен каждый из секторов. Потрясающая работа! Тонкая, ювелирная, но рисунки... Сотни обнаженных девушек-вержей, по несколько на каждый сектор. С рогами, плавниками, крыльями, шерстью или целыми головами, как у животных.

- Элла Хуанита Нунья! - голос был знакомым и зычным, перекрывающим весь шум в зале. Фредди выпрямила спину и неспешно, без лишней суеты попыталась отойти за колесо и спрятаться там.

- А ну-ка стой и держи руки на виду! - продолжал он. - И не делай вид, будто не узнаешь своего мужа!

Мужа? Возмущение оказалось таким сильным, что Фредерика не выдержала и обернулась. По залу, расталкивая вержей-официантов и охрану, спешил Пак. На руках он нес ребенка лет трех, еще двое, чуть постарше, но такие же темноволосые, как и младший, цеплялись за его одежду и спешили следом. Завидев же Фредерику, они набросились уже на нее, обливаясь фальшивыми слезами и вопя "мама" на два голоса.

- Какие-то проблемы? - распорядитель в сопровождении двух амбалов с острыми ушами и шерстью на руках перегородили дорогу земпри.

- Одна, - Пак трясущейся от возмущения рукой указал на Фредрику, - моя жена. Дева Порочная поцеловала ее в пальцы, теперь чуть отвлекусь - сбегает из дома и спускает все деньги! Если бы не обещание, что дал ее батюшке, уже бы... Эх! Простите! Что вам за дело до наших проблем, позвольте забрать ее? Много продула-то? Я что-то должен?

- Нет, свогор играла на свои деньги. Но спустила немало, почти сотню.

Ребенок на руках Пака зарыдал в голос, оплакивая деревянную лошадку в яблоках, которую ему никто не купит. Распорядитель бросил один взгляд на официантку и та почти мгновенно притащила мелкому десерт с клубникой и какие-то блестящие кубики.

- Конечно вы можете идти, да поможет вам Отец-Защитник, - проговорил распорядитель и дал охране знак вывести Фредди. Она упиралась, пыталась объяснить, что Пак посторонний мужчина, и вообще, к двадцати годам никак не успеешь родить троих.

Но ее никто не слушал, даже Клу притих и сдавленно хрюкал от смеха.

* 39 * (Фредерика)

Уже на улице земпри спустил ребенка с рук, выдал каждому из малышей по купюре в два галла, затем ещё десятку - флегматичной женщине в клетчатом жакете.

- Первый раз кто-то заплатил мне за то, чтобы приглядеть за этими сорванцами, - вздохнула она. - Если ваша невеста снова попадет в неприятности - мы ее вытащим.

- У вас прекрасные дети, свогор! - Пак пожал ей руку и ещё раз поблагодарил за помощь. Троица слаженно пожелала ему счастливого дня, а после выстроилась рядом с матерью, держась за руки.

- Уж послал Отец-Защитник, не поскупился, - согласилась она.

Фредерика была совсем иного мнения: ужасные дети, ужасный Пак, ужасный район!

- А вы с ними отлично смотрелись, - подал голос Клу, - такая милая семейка. Мама, папа, малыши. Будто картинку из будущего подглядел.

Пак же молча тащил Фредди подальше от игорного дома, нисколько не прислушиваясь к возражениям или попыткам соблазнить его возможным выигрышем. Прохожие если и оборачивались им вслед, то только понимающе ухмылялись, вроде муж хочет наподдать загулявшей жене, так ей и надо!

В конце концов Пак впихнул Фредди в какую-то подворотню, грязную и ухидившую прямо к каналам. Там без всяких церемоний прижал к стене и вытянул руку вперед:

- Амулет и Клу, быстро!

- Не понимаю о чем ты...

Пак вдавил ее в стену еще сильнее, затем поцеловал, нагло лаская языком, будто они уже женаты и идут в спальню ради брачной ночи. Фредерику колотило от пережитого, а еще от подобравшегося ночного холода и сырости, все же тонкое платье, пусть и закрытое, мало подходит для таких прогулок. Пак же был таким теплым, таким уютным, пах одеколоном и совсем немного - домашней едой, что оторваться было невозможно. Наоборот, хотелось прижаться поближе, пристроить голову на грудь и разрыдаться, жалуясь на тяжелый день. Но, если разобраться, без участия Пака этот день был бы чуть проще и счастливее, поэтому Фредди отпихнула его и отошла на пару шагов.

- Ты что себе позволяешь?

- Повторяю твои действия: целуюсь ради амулета. Неприятно, да? Я все ещё жду, Фредерика!

Пак снова протянул руку. Предатель-Клу тут же материализовался на ней и виновато сжал шляпу в руках. Только сейчас Фредди заметила, что одежда будто велика вержу. Она болталась несмотря на ремень, подтяжки и несколько подворотов на рукавах и штанинах.

- Зачем, Клу? Я же тебя другом считал, - Пак сразу же пересадил вержа себе на плечо и без всяких церемоний выхватил сумочку у Фредди и влез внутрь.

- Хочу гульнуть напоследок! Сам же слышал, таким, как я, нет прохода на Серебряный поезд!

- Мало ли вариантов, мы ещё не всё обдумали, - земпри нагло выгрёбал все из сумочки и пихал содержимое в руки Фредди, пока не добрался до клыка. Тот Пак сразу же устроил в свой внутренний карман. - Подумаешь, отказали один раз в продаже билета, сдаваться рано.

- Тебе легко говорить, а мне, может, неделя осталась! Хотел гульнуть с размахом: снять номер с большой кроватью, девочек подороже...

- Вина напёрсток и огромный яркий бант. Привязать его к твоей ноге, чтобы девочки не потеряли клиента ненароком.

- Эй, свинство шутить над ростом друга!

- Свинство травить друга, до сих пор в голове шумит.

Пак в самом деле потерял виски, затем схватил Фредди за руку и потащил дальше, к стоянке такси. Его ладонь тоже казалась холодной, а на лбу собрались мелкие капли пота. И сам земпри выглядел плохо, побледнел, а губы окрасились синевой, точно от света тех ламп. Но здесь горели обычные желтоватые фонари, это не могло бы обманом зрения.

А что если лекарство до сих пор действует? А если Паку станет плохо? А вдруг Фредди и Клу

непоправимо угробили его здоровье? Правда, характер его испортился задолго до этого.

- И капнули тебе всего ничего, даже странно, что так быстро вырубился, - бубнел Клу, - я, знаешь, ли хотел проверить, дойдет ли у вас с доньей до горизонтальных объятий, ну ты понимаешь?

- Ах ты... - у Фредди не находилось приличных слов, а вlepить пощечину такой крохе точно бы не вышло. - Ни до чего бы у нас не дошло с этим... Земпри. И не выйдет! Я купила билеты, особенные, с правительственной меткой. Сможете уехать куда угодно. Завтра же!

- Нет, - Пак остановился и обернулся прямо к ней. - Не уеду из города, пока не пристрою тебя в надежные руки. Ладно, Клу, он сама магия, не может усидеть на месте, но ты! Отец-Защитник, Фредди, зачем ты пошла в игорный дом? Одна! Спятила, да? Знаешь, что происходит с благородными девицами в "веселом" квартале?

- Да! - подхватил Клу. - Нет, сам-то он вряд ли знает, но я знаю и ничего хорошего в этом нет!

Пак тяжело вздохнул, приложил руку к сердцу и остановился. Играет, чтобы разжалобить и заставить Фредди чувствовать свою вину. Но потом земпри привалился спиной к стене, вытер со лба пот, закрыл глаза и повалился на мостовую. Фредди подскочила к нему, попыталась поднять или растормошить, но ничего не выходило. Пак слишком большой, его не сдвинуть с места. А до ближайшей городской больницы пару кварталов, если Фредди правильно помнила карту.

- Здесь полицейский участок за углом, - рявкнул на ухо Клу, - беги давай, там всегда сидит дежурный медик.

Фредерика еще раз проверила пульс у Пака, потом повернула его на бок и побежала, следуя указаниям вержа. Отец-Защитник, за что ей это все? Только бы выбраться из этой передраги, только бы с Паком все было нормально, Фредди навсегда завяжет с попытками усыпить или отравить кого-то! Семь лет в поселении на севере - и это минимальный срок за непредумышленное убийство.

А еще она не могла представить, как будет возвращаться из университета и снова сама потащит сумки. Как будет приходиться в пустой дом и слушать тысячи матушкиных жалоб и пожеланий, как никто не станет слушать жалобы самой Фредерики и спорить с ней. Если исчезнет Пак - исчезнет и единственный человек во всем Эбердинге, которому было дело до Фредерики Алварес.

Сколько она бежала? Минуты три, а сердце уже не справлялось с перекачиванием крови, каблук норовили отвалиться, а в правом боку закололо. Давненько Фредди не занималась и успела подрастерять форму. Даже охранявший вход в полицейский участок верж посторонился, затем протянул ей бутылку с водой. Фредерика поблагодарила, перевела дыхание и спокойно вошла внутрь. Не хватало еще, чтобы ее задержали как нарушительницу, тогда Паку точно никто не поможет.

- Чем я могу помочь, свогор? - обратился к ней дежурный.

- Мне нужен медик, срочно! - проговорила она, сцепив пальцы прямо перед окошком.

- Обратитесь в больницу.

- Плохо моему... мужу. Сердце. Пока врачи доберутся, он уже погибнет. Прошу. Я заплачу.

Она в самом деле вытащила из кошелька купюру покрупнее, но дежурный только покачал головой:

- Нет, свогор, ничем не можем помочь. Если только наш Густаво вдруг не решит немного прогуляться и случайно не наткнется на вашего супруга. Густав?

Он чуть обернулся и крикнул кому-то, прячущемуся в темном коридоре сбоку. Оттуда неспешно вышел высокий мужчина, тощий, но с неестественным брюшком. Он сально оглядел Фредди, купюру, которую она все еще теребила в руке и покачал головой.

- Не-а, никакого желания гулять. Там снова будет какой-нибудь пьянчуга, перебравший дешевого виски. Только измараюсь весь.

- Прошу, он совсем рядом лежит и выпил только бокал вина, - Фредерика подскочила к медику и уцепилась за лацкан его пиджака.

Густав пожевал губы, взял купюру, поглядел ее на свет и запихнул в карман Фредди.

- Ничего любопытного там на улице нет. Ничего. А вы себе еще нового мужа найдете, не такого хилого.

Фредерика попыталась уговорить его, но ее под руки подхватили двое вержей и насильно вытащили из здания участка. Клу почти взвыл от отчаяния и метался по плечу, как угорелый.

- Тихо! Давай подумаем лучше, где окно в кабинет этого медика.

- Третье справа, даже думать не нужно, все эти участки построены по одному плану, - он притих, затем появился на плече у Фредерики. - Ты что задумала, детка?

- Назовешь так еще раз - газетой прихлопну!

Сама же она точно отсчитала окно, вздохнула и резко, выдохнула, затем поставила сумочку на землю и потянулась к верхним пуговицам платья.

- По моей команде постучишь в окно, - кивнула она на единственное, где по этой стороне горел свет. Располагалось оно высоко над землей и было зарешечено. Самой никак не добраться, то ли дело юркому вержу.

Пока Клу возмущался и пыхтел, Фредерика отошла чуть подальше, чтобы стоять точно под фонарем. И как только в окне мелькнула усатая физиономия медика, расстегнула все пуговицы до конца, сняла платье с плеч и начала медленно расшнуровывать корсет.

Конечно, сейчас уже появилось и более современное белье, не такое неудобное и жесткое, но корсет до сих пор был выбором столичной модницы, если они хотели подчеркнуть грудь и тонкую талию. Посчитав, что оголено уже достаточно, и следующим шагом будет уже полнейшее непотребство, Фредди резко шагнула в темноту.

Густав еще секунду пометался рядом с окном, прислонился к тому вплотную, прикрывая глаза от яркого света ламп в комнате, затем отшатнулся и исчез. Если он в самом деле заинтересовался, то непременно выйдет. Появился Густав спустя минуту, Фредди к этому времени успела одеться и ждала его возле крыльца.

- Я схожу прогуляться с вами, но в итоге надеюсь увидеть продолжение спектакля, - прямо заявил он.

Фредерика согласилась и потащила его за руку, вынуждая тоже перейти на бег. Пак лежал на том же самом месте, рядом с ним хлопотали какие-то вержи, отпавляли водой и отгоняли всех хитрецов, которые пытались стащить что-то у потерявшего сознание. Густав сразу же распахнул всех с присущей всем врачам бесцеремонной деловитостью, после опустился рядом и начал осматривать. Затем подsunул под нос Паку какой-то флакон, дал вдохнуть и накапал на язык уже из другого. Пак мотнул головой, затем с трудом сел. Выглядел он все ещё плохо, но из всех присутствующих искал взглядом Фредди, и только заметив ее, успокоился.

Густав ещё раз подсчитал пульс у земпри, после оставил его и подошёл к Фредерике.

- А ты хорошенькая донья, давно таких не встречал в наших местах, - и улыбнулся сально так, намекая на продолжение вечера.

По спине пробежал холодок. Ничего противозаконного Фредерика сейчас не совершала, но и попадаться властям, тем более раскрывать свое настоящее имя, не хотелось.

- Что, похожа? - она подвигала бровями. - Насмешил! Да папенька мой обрюхатил маменьку и смысла раньше, чем успел сказать ей свое имя. Но ты еще разок назови доньей, приятно слышать! Слышь, Хосе, - Фредди подскочила к Паку и помогла тому подняться, - ты женат на настоящей донье! Теперь буду оттопыривать мизинчик, делать книксены, и только попробуй ещё раз рыгнуть за столом в моем присутствии.

- Да ты у меня всегда была особенной! - Пак с чувством чмокнул ее в щеку и громко шлёпнул по задку. Фредди мысленно пообещала себе убить его, а сама громко рассмеялась и повела прочь от толпы любопытных и доктора. Густав же резво перегородил путь и, прищурившись, уставился на них.

- У девчонки хорошее платье, такое земпри не носят. А ещё аккуратные ухоженные руки. Подозрительная вы парочка.

- Пф-ф-ф, - Фредди махнула на него рукой, - оно было хорошим лет пятнадцать назад, а я его прикупила за галл на ярмарке.

- Моя Хуанита - самая лучшая доярка в общине, - Пак снова чмокнул ее и прижал ещё ближе к себе. - Как-то обыграла иноземную доильную машину, ее продавец проспорил нам тринадцать галлов. Конечно у нее ухоженные руки! Золотые руки!

В этот раз он расцеловал уже ее пальцы, а Фредерика рассмеялась ещё громче и притворно засмузилась.

- Со следующей продажи сыра выкупим себе статус свогоров, да, Хуанита? Вот здесь и поселимся!
Кстати, держи!

Пак засунул Густаву в карман купюру в десять галлов и похлопал того по плечу.

- Сними себе девицу на ночь, а на мою Хуаниту слюни не пускай.

И шепотом добавил:

- Иначе я тебе голову оторву, понял?

* 40 * (Хавьер)

К седьмому дню блуждания по ресторанам, закрытым клубам, игорным домам и кабакам Хавьер начал тихонько ненавидеть это расследование и убийцу инспектора. Столько шума, выпивки, запахов табака, спирта и наркотиков, слишком пестрых нарядов и слишком вульгарных женщин и слишком веселых мужчин - и все ради поимки одного человека!

Еще Ирр постоянно боялась и жалась к нему. Хавьер предлагал ей остаться дома, но гончая хотела поймать убийцу, потому что "умная, не глупые донь", и не отставала ни на шаг. Сейчас она тоже сидела в машине, крепко держалась за дверцу и не спешила выходить наружу.

- Хочешь, подожди здесь, - Хавьер положил свою ладонь поверх тонкой ладошки Ирр и сжал ее ледяные пальцы. - Или завтра сюда вместе ходим, а сегодня просто посидим в одном кафе на Первой линии. Там очень вкусные вафли с сиропом.

- Не маленькая, профессионал! Не нужны вафли, - гончая выдернула руку и нахмурилась. - Сегодня не нужны.

- Почему ты боишься идти?

Ирр быстро сбросила туфли, подогнула ноги к груди, поставив стопы на сиденье и тяжело вздохнула.

- Мы как-то встречались с одним парнем. Он с друзьями отмечал день рождения и меня тоже пригласил в ресторанчик. Приятно же, что позвали, правда? И не откажешь. Хотя свогор Bravo запрещал мне ходить. Говорил, знакомы мало, нет доверия ещё.

Очень хотелось отвести взгляд, а то и заткнуть уши. Хавьер знал порядком таких историй, как и то, что хорошо они не заканчиваются. Но не стал перебивать Ирр.

- ... а он в конце пихает меня вперед, девка расплатится, говорит. Документы мои тоже швырнул, что не человек. И ушел с друзьями. Но хозяин в ресторанчике добрый был, три дочки у него и жена строгая. Попросил с уборкой помочь и посуду вымыть. Потом проводил до полицейского участка и сдал свогору Bravo.

- Он ругался?

- Нет, смотрел строго очень, но недолго, а потом ушел. Дальше не знаю что, но на утро парень с компанией оказались в нашем участке. Три дня просидели в тюрьме за нападение на полицейского вержа, находящегося при исполнении.

- Я бы засадил на неделю.

Хавьер не выдержал и потянул руку, чтобы погладить Ирр по волосам. Гончая тяжело вздохнула-всхлипнула, потом по-звериному ткнула его носом в ладонь, затем прижалась совсем близко и обняла его за галию.

"Бывают отношения, которые не стоит начинать, если не готов их сделать серьезными" - говорил отец. Хавьер до конца не понимал всей глубины этой фразы, пока не встретил Ирр. Поэтому сейчас он тоже осторожно обнял девушку и поцеловал ее в макушку.

- Хороший ты, - проговорила она. - Много делаешь и ничего не требуешь взамен.

- Ты угощала меня пончиками. И бутербродами. Это многое значит.

- Нет, не серьезно. Даже не целуешь по-настоящему. Не пойму, зачем тогда помогаешь?

Той самой помощи были крохи. Хавьер прикупил какие-то вещи для Ирр, договорился и официально забрал ее из полицейского участка для помощи особому управлению, но по факту разрешил отсыпаться дома и только вечером брал ее на обходы злачных мест Второй линии. И то, потому что гончая сама просила. А ещё Хавьер сделал для Ирр особые документы, которые разрешали без сопровождающего ходить по всем линиям Эбердинга.

- Меня радует твоя улыбка. Это как кусочек тепла и света в моей жизни.

Она нахмурила брови, затем покачала головой.

- Никудышная у тебя тогда жизнь, свогор следовательно. Но я тебя не брошу.

И стиснула крепко-крепко. Силы ее тонким рукам было не занимать, но откуда тогда все эти истории про ресторан и прочее? Гончая всегда может отбиться от человека, даже от нескольких,

что же мешало Ирр?

Спрашивать Хавьер не стал. У каждого есть свои секреты и право делиться ими тогда, когда посчитаешь нужным. А ему в самом деле нравилась улыбка Ирр. И то, как гончая сидит рядом, задрал нос.

Под темной вуалью не было видно ее лица, только губы, мастерски подкрашенные, чтобы подчеркнуть линию и объем. У настоящих доний и то и другое было выражено не столь четко, а еще у них не бывало таких чуть вздернутых носов. Но это знал Хавьер, выросший среди них, а для человека попроще Ирр казалось настоящей аристократкой.

Она и отыгрывала ее как следует. Сразу начинала говорить правильно, демонстрировать великосветские жесты и держаться, как положено. За всю неделю их хождения по Второй линии, никто так и не заподозрил, что рядом с Хавьером верж. Даже пронырливый журналист назвал ее просто молодой любовницей, а не полицейской гончей.

У Ирр была "порода" и этого не отнять.

А еще - совсем не человеческое обаяние и искренность.

- И все равно не понимаю, зачем мы таскаемся по кабакам, - вздохнула она, выходя из машины.

- Монеты были у Морено еще до его смерти. Понимаешь? - Хавьер подставил ей локоть и пожалел, что под вуалью толком не разглядеть глаза. Ирр умела тысячу эмоций показывать только ими. - Кто-то забрал их, а затем убил инспектора и снова вложил одну ему в руку. Найдем какую-то зацепку - появится шанс поймать убийцу.

- Нет, не понимаю. Сложно ты думаешь, не найти таких улик, - возразила она.

- У меня свои осведомители.

- А ты расскажи! Они бестолковыми могут быть, вместе бы проверили. Или пошли по университетам, как советовал Дон Паук. Я бы узнала запах убийцы.

- Учебный год закончился, преподаватели и студенты разошлись по домам. Возможно, так было бы и быстрее, но даже свогор Кроу не примет в качестве улики твои показания. Нужно что-то более существенное. А если мы выйдем на убийцу через третьих лиц, то будет намного проще упечь его в тюрьму.

- Все равно не складно, - Ирр потрясла головой, после замерла, облизала губы и принюхалась. - Можно было и другими путями поискать, через артефакт, ты же говорил, что он особенный. И как узнал про монеты? Сложный ты, свогор следователь. Это все от неподходящего имени.

Спорить с ней было сложно, а еще - не особенно хотелось, поэтому Хавьер просто открыл перед Ирр дверь и пропустил ее вперед. Кабак средней руки, здесь уже от порога пахло выпивкой и дешевыми женскими духами, что все пахнут примерно одинаково. Света не хватало, он скупыми пучками выхватывал из темноты участки над постаментами, на каждом из которых извивались девушки-вержи. Хозяйка этого кабака будто нарочно выбирали самых экзотических из них: у одной было целых восемь рук, другая полностью зеленая и с длинным тонким языком, которым облизывала шест, стоявший в центре ее постамента, у третьей нижняя половина тела будто взята у тонконогой лани.

На входе их сразу перехватил официант и повел к свободному столику.

- В самый угол, подальше от суматохи, - бросил Хавьер и пихнул ушлому вержу с козлиной бородой и рогами пару галлов. - И мы с женой очень любим кошек, если есть такие - пусть станцуют, оплатим щедро.

- Я понял, свогор, поищу.

Ирр заговорила, только когда они сели за стол.

- Кошек не люблю, нервные все. А твой осведомитель очень хитрый и умный. Если так много знает - почему сам не схватил убийцу?

- Он знает не так много. Только про монеты и кошку. Возможно, мы вовсе идем по ложному следу.

Музыка здесь играла громкая, почти оглушительная, а скудный свет мерцал, менял оттенки и направления лучей. От этого правый висок Хавьера запульсировал болью, а перед глазами побежали мошки. Ирр сразу же прижалась совсем близко, поцеловала его в щеку и прошептала:

- Не бойся, я твой секрет не выдам, никому-никому.

Официант почти сразу поставил им на стол бутылку игристого и положил ключ от комнаты. Где-то наверху была гостиница, Хавьер видел вывеску. Значит, местная кошка любит уединенные беседы?

- Аву просила передать, что ждет вас наверху. Она та, кого вы ищете, - с поклоном передал официант.

* 41 * (Хавьер)

Хавьер неспешно встал, помог поднять Ирр и направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

В полутемном коридоре, когда толстая дверь отрезала их от общего зала, Хавьер с наслаждением потер виски и сделал пару глотков чая из фляжки. Ирр недоверчиво принялась, но, не уловив запаха спирта, сморщила нос и покачала головой.

- Странный ты! И мне не нравится это место.

- Мне тоже, но выбора нет.

Стоило его руке лечь на засаленное дерево перил, как перед глазами пронеслась картинка.

...Красноволосая девушка поднимается по лестнице, а потом оглядывается назад.

За ней идут два бугая-вержа.

Официант из зала кивает и берет из ее руки ключ.

Хавьер тряхнул головой, отгоняя видение и вытащил из кармана револьвер. Ирр тоже подобралась, но на предложение вернуться в машину покачала головой и первой взбежала по лестнице. Так легко и бесшумно, что Хавьер почувствовал себя старой хромой развалиной, которая по недоразумению оказалась рядом с юной и опасной девушкой-вержем.

Уже наверху она опустилась на колени, принялась и на пальцах показала, что за дверью нужного номера прячутся сразу трое. После чего выпрямилась, отряхнула невидимые соринки и осталась ждать Хавьера. Трое - не так много, при здравом размышлении, но и не мало. Особенно если они вооружены.

Хавьер еще раз попытался спровадить Ирр, но она выдернула его руку и первой открыла дверь. Там, в очерченном лампой круге света их уже ждала Аву. Такая же красноволосая и томная, как и в его видении. Правда, вместо наряда танцовщицы на ней был строгий брючный костюм, а на носу - очки в тонкой оправе.

- Свогор Хавьер Сото, - четко произнесла она, подцепив длинным ногтем страницу в своем блокноте.
- Который день ищите меня, но все не находите.

- Отчего же, - он отодвинул Ирр себе за спину, прошел по комнате и сел в пустое кресло. - Вот я, а вот вы.

- А вот - мои парни.

Те в самом деле вышли из тени и нависли над Хавьером.

- Так зачем вы меня искали, свогор Сото? - Аву сделала еще пару пометок, захлопнула блокнот и подперла ладонью подбородок.

- Думаю, вы знаете.

- О, я много чего знаю. К примеру то, что вас серьезно ранили во время войны. Говорят, крови утекло немало и пришлось переливать вам чужую. Да только та оказалась порченной. И бывшему аристократу пришлось идти в особое управление, чтобы не получить метку вержа. А теперь этот интересный человек разыскивает меня и хочет расспросить об инспекторе Морено. Почему именно меня? Филипп не стеснялся брать деньги с доброй половины обитательниц веселого квартала. Или вы хотите на его место? Бывшим аристократам зачастую непросто выживать в изменившемся мире.

- Когда я захожу в главный банк Эбердинга, его управляющий лично спускается в комнату для особых клиентов и долго пьет со мной кофе.

На самом деле особым клиентом Хавьер мог считаться только благодаря деньгам фонда, а с управляющим они учились вначале в одной гимназии, затем в колледже и воевали в одном полку, поэтому тот с удовольствием пользовался возможностью поболтать со старым другом. Но на Аву рассказ подействовал: женщина напряглась и отложила блокнот.

- Вы знаете кое-что важное для расследования, чего не знали другие, - закончил Хавьер.

- И предпочту, чтобы это знание осталось при мне.

Она кивнула своим подручным, и тот, что стоял ближе к двери, скрутил Ирр и отволок в угол комнаты. Странно, но гончая не сопротивлялась и не думала вырваться, только сжала губы и

внимательно следила за Хавьером. Он же пока не дергался: на выстрел может сбежаться столько телохранителей Аву, что отбиться не выйдет. Но и просто так смотреть, как трогают беззащитную девушку - тоже не в его правилах.

- Отпустите ее, - Хавьер говорил ровно, без страха и угрозы. Но и Аву не уступала.

- Расскажи, кто меня заложил - отпущу. А еще - что за дар тебе достался?

Над ее правой рукой вспыхнуло пламя, окрасившее волосы яркими бликами. Второй же бугай подошел ближе и положил руку на плечо Хавьеру.

- Не нужно стеснения, свогор следователь, иначе придется попортить прическу вашей спутнице. А ведь она настоящая красотка, знаете, сколько дадут за ночь с ней?

- За нападение на сотрудника особого управления дают столько лет тюрьмы, сколько хватит тебе, чтобы умереть в ее стенах. Тайна инспектора правда того стоит?

- Мои тайны того стоят, - выкрикнула она и попыталась бросить сгустком пламени в Хавьера.

Вержи, как правило, сильны. Но вот обращаться со своей силой и телом их не учат. Хавьер же тренировался долго.

Он выкрутил руку ближайшему бугаю и бросил его в Аву. Второй сразу же отвлекся от Ирр и попытался ударить Хавьера, но сейчас гончая в зверином облике сшибла его на землю и серьезно прокусила руку. Времени думать о странностях чужого дара не было, совсем скоро сюда сбегутся и другие подручные Аву, поэтому Хавьер подскочил к ней и положил ладонь на лицо.

- Мне нужно воспоминание. Что-то связанное с инспектором, серебряными монетами и университетом. Преподавателями или студентами - не знаю. Покажи его сама или забери вместе с другими.

Женщина дернулась, а ближайший телохранитель попытался схватить Хавьера, неосмотрительно коснувшись открытой кожи на шее.

Лучше всего, конечно, работали ладони, но для такого дела годился любой участок, лишь бы был контакт.

Хавьер за мгновение увидел и прочувствовал всю жизнь бедолаги. Его проблемы, его радости, вкус прокисшего супа, который он ел на завтрак и то, как пахнет грязными тряпками в его спальне. Тяжелая, несчастливая жизнь, наверняка верж и не расстроился, оставшись без воспоминаний о ней.

В самом деле он просто сел на пол и по-детски невинно похлопал глазами, после чего засунул палец в рот. Аву испуганно зажала рот руками и поползла к стене.

- Воспоминание, - напомнил Хавьер. - Или придется расстаться со всеми.

Она помотала головой, затем согласно кивнула и прикрыла глаза, Хавьер прикоснулся к виску Аву и снова увидел ту встречу с инспектором, но уже ее глазами.

Морено получил свои монеты, но уходить не спешил, даже когда закончился танец. Аву уже не нужно было самой крутиться в зале, но правда состояла в том, что ей нравилось это делать. Нравилось внимание, полные похоти взгляды, деньги, которые пихали ей, и то необъяснимое чувство, когда внимание напитывает, дает новые силы и кураж.

Не нравился только инспектор. Он с каждым днем становился все жаднее, просил все больше за то, что закрывал глаза на кое-как сделанные документы ее девочек и самой Аву. В этот раз пришлось отдать тому старинные серебряные монеты, которыми расплатился один из личных и давних клиентов Аву.

Но Морено все равно пялился и пялился. Нет уж, сегодня он точно уйдет ни с чем. Аву заплатила ему достаточно, а еще выгодно пристроила одну из тех глупых девчонок, что сбегали с Первой линии в поисках легких денег.

Наивная курица до последнего верила, что ей заплатят только за то, что она разделенется в присутствии уважаемых свогоров и станцует для них. В результате же нахватала синяков вдвое больше, чем могла бы, а еще осталась без "чаевых". Отец-Защитник, Аву даже подростком не была такой дурой.

А этой уже двадцать два, даром что из хорошей семьи, донья, а ума до сих пор ни унции! Она и сейчас размазывала соплю по щекам и пряталась за спину высокого мужчины в темном. Тот ловко отпихнул со своего пути вышибалу и официанта, затем налетел на Морено, сразу же

ударив в челюсть.

Потом что-то доказывал, угрожал, тыкал пальцем в ревущую дуру - Аву была слишком далеко и не хотела прислушиваться. По ней так инспектор давно нарывался и заслуживал хорошей взбучки. Подумаешь, нашел себе покровителя где-то в полицейский верхах, неуязвимым его это не делало.

Их разных сторон зала уже спешили и другие вышибалы, но вяло, без энтузиазма. Филипп Морено был личностью известной, но добрых чувств ни у кого не вызывал.

Темноволосый, точно настоящий дон, незнакомец особенно сильно потрянул инспектора, врезал ему лбом по переносице и обшарил все карманы, прихватив даже те монеты, что передала Аву.

А после выкрикнул:

- Узнаю, что ты снова кружишься рядом со студентками нашего университета - напишу жалобу в особое управление, там служит один мой бывший сослуживец.

Где-то за спиной мужчины покачал головой другой дон, но Аву уже переключила внимание.

Хавьер убрал руки от ее головы, чтобы дать женщине время прийти в себя. Он забрал совсем небольшой кусок памяти, но выдрал его с корнем, со всеми запахами, вкусами, звуками и другими деталями. Теперь он помнил его лучше, чем свое собственное, мог прокручивать в голове и возвращаться к каким-то деталям. Он запомнил лица всех свидетелей, а особенно - того, второго дона, что незаметно следовал за избившим Морено.

А вот Аву было худо. Ее рвало, голова наверняка раскалывалась от боли, а слух и зрение временно отключились. Но это пройдет, ее приспешнику досталось больше, тому придется начинать жизнь с чистого листа, второму же - зашивать раны на руке.

Ирр снова обернулась человеком и теперь бродила по комнате в поисках новой одежды. Бесцеремонно влезла в шкаф и вытащила оттуда длинное пальто, которое и натянула прямо на голое тело.

Хавьер поймал себя на том, что слишком тщательно следит за ее действиями. И что непрочь бы это самое пальто снять, медленно расстегивая пуговицы, чтобы по дюйму разглядывать светлую и чистую кожу с редкими тонкими шрамами. Пока же он просто взял гончую за руку и повел прочь из комнаты, куда скоро нагрянут приспешники Аву, а забирать память еще у кого-то сегодня не хотелось.

Ирр тоже спешила, но сразу за порогом снова нацепила на себя маску изысканной доньи. Хавьер следил за тем, как носки ее туфель раз за разом становятся на одну воображаемую линию, а каблук остаются на весу, чтобы не выдать хозяйку ненужным цоканьем. У обычной девушки такое бы не вышло, а вот гончая проделывала этот трюк с легкостью.

Но окончательно расслабилась она только в салоне автомобиля. Снова подогнула колени к груди и обняла их руками. Хавьер завел двигатель, после чего тронулся с места, направляясь в особое управление. Теперь он точно знал, кто убил Морено и мог найти с полсотни свидетелей, которые подтвердят, как видели ту самую ссору. Хуже того, он видел *обоих* донов и знал их, но подобраться ко второму будет совсем непросто.

- Она правду про тебя говорила? - Ирр прижалась к двери и с опаской поглядывала на Хавьера. - Что ты как я? Как Дон Паук?

- Проклятие у меня попроще. И с обстоятельствами Аву не совсем угадала.

- А увидел что?

- Давнего знакомого, - он следил за дорогой, но и на Ирр то и дело косился. Гончая выглядела испуганной и расстроенной, прикусывала губы и сильнее сжималась в комок.

- Мы с Ником воевали вместе, а после моего ранения пути разошлись. Я слышал, что он ушел преподавать в университет. А меня публично назвал предателем за службу в особом управлении.

- Дон же, - вздохнула Ирр. - Глупый совсем.

- И я тоже глупый, мог бы догадаться, что не так с твоим проклятием.

Хавьер остановил автомобиль и обнял Ирр. Она фыркнула и вяло попыталась вырваться, но потом стихла и тихонько всхлипнула.

- Не могу себя защищать, хуже такого и не придумаешь. И боюсь постоянно, вдруг начну

превращаться в тера?

Очень хотелось ее утешить, но подходящие слова не находились. Хавьер много раз слышал, что проклятие в самом деле можно заменить, но все деньги и связи не помогли Сальвадору Калво сделать это. Собственное проклятие вполне устраивало Хавьера и не тяготило. Но к нему и не прибавлялся ежедневный страх взглянуть в зеркало и увидеть там звериные черты, как знак того, что и разум скоро тебя покинет.

- Для девушки не так уж и страшно, не уметь постоять за себя, - все же проговорил он. - Тем более я буду рядом.

* 42 * (Фредерика)

В этот раз Пак оказался навязчивее обычного. Он репьем вцепился в Фредди и упрямил провести его по коридорам университета. Никакого преступления в этом не было, здесь каждый день сновали такие толпы народу, что один земпри точно никому не мешает.

Фредерика рассказала про разные кафедры и факультеты, показала Паку столовую, библиотеку и большой спортивный стадион, а ещё оранжерею. Земпри слушал с большим интересом, изредка задавал вопросы или останавливался, чтобы поближе разглядеть какой-то стенд. При этом лицо его становилось таким сосредоточенным, будто земпри в самом деле соображал в науках.

К неудовольствию Фредди с каждым пройденным футом теория только подтверждалась. Пак был если не гением, то талантливым самородком точно, развиться которому помешало только отсутствие нормальных учителей и книг в общине. Он даже для поступления не добрал совсем немного, Фредерика прошла при показателях чуть-чуть выше, просто добавив к ним "городские баллы", выданные ей по праву рождения. Вот и не верь после этого, что преподавать химию в общине - ее призвание, и ученикам поможет, и свежим воздухом надышится.

Университетские часы показали без пяти минут восемь, когда Фредерика засобиралась на свое рабочее место, пообещав Паку вечером, а то и в обеденный перерыв продолжить экскурсию, пускай из интересного остались только обсерватория и обширные катакомбы. В последний вход вообще-то был запрещен и даже заложен двумя слоями кирпичной кладки или тяжелыми плитами, но студенты все равно пробирались и исправно загаживали подземную часть университета.

Пак слушал ее с неподдельным интересом, не перебивал и совсем редко задавал навоящие вопросы, потом как-то вскользь упомянул, что их школа вместе со спортивной площадкой уместилась бы в столовой университета, а столько книг разом он не видел нигде и никогда. Фредди с превосходством фыркнула и пообещала сводить его в дом Паука и показать, что такое настоящая библиотека. Земпри серьезно кивнул и в который раз за сегодняшнее утро позвал Фредерику уехать вместе с ним в общину. Его послушать, так это было самым тихим и безопасным местом в мире.

Она рассеянно кивнула, а сама отметила, что в который раз натывается на подозрительных людей в темной одежде. На них не было знаков отличия или униформы, но взгляды, движения, выправка - все выдавало служивых людей. И чем ближе к лаборантской - тем их становилось больше. Фредерику кольнуло беспокойство, она неосознанно прижалась к Паку. Здоровенный земпри сразу же положил руку ей на плечо и едва заметно кивнул, намекая, что тоже видит полицейских и тоже им не рад.

К выходу из университета шли неспешно, без лишней суеты, хотя сердце Фредерики отплясывало такой ритм, что позавидовали бы чужеземные барабаны. Она попалась. Или профессор Медина попался. Нельзя же в самом деле думать, что можно прикоснуться к преступному миру и выйти чистенькой. Вот, она так хотела уберечь Ника, а его все равно выследили. Хорошо, если только его, а не глупую студентку, которая плялилась на убийство и не подумала дать свидетельские показания, даже прочитав заметку о себе.

Рядом с выходом столпилась порядочная очередь. Пока Фредерика с "дорогим кузенком" бродили по университету, возле двери появился пост охраны. Двое полицейских в штатском тщательно проверяли документы у каждого, кто хотел войти или выйти, заносили их в список и выдавали временный пропуск.

За свои бумаги Фредди не волновалась, зато Пака могли задержать. Его разрешение было просрочено уже на несколько дней, за такое запихнут в тюрьму не глядя, а там и прочее всплывет. Как бы земпри не добыл свои деньги, вряд ли он так уж чист перед законом.

- Идем, - Фредди потащила его за руку. - Сейчас через сад попадем на верхний уровень катакомб, а после выйдем за оградой университета. Полиция не знает об этом пути.

Пак без лишних вопросов пошел следом, то и дело оглядываясь на что-то. Или кого-то.

Фредди проследила направление и тоже заметила ее. Ту самую девушку, которую бойкий корреспондент назвал любовницей Хавьера Сото.

Сейчас она стояла возле выхода и будто бы приноживалась ко всем.

- Старая знакомая? - прошептала Фредди, толкая хлипкую деревянную дверь под лестницей. Вообще-то студентам не полагалось ей пользоваться, но кому есть дело до этих запертов? Тем более так попасть в сад намного проще, чем через центральный выход или оранжерею.

- Пересекались пару раз. А ты-то в чем замешана?

Фредди неопределенно пожала плечами и поспешила вдоль криво подстриженных кустарников к тайному лазу. Пак первым заметил тяжелую плиту, частично укрытую травой, легко ее отодвинул и помог Фреддике опуститься вниз. Это всегда был самый страшный и опасный момент: нужно ногами нащупать узкий кирпичный карниз, пройти по нему вдоль стены, и дальше слезть вниз по выщербленной стене. Ошибешься один раз - и падать придется не меньше десяти футов. Насмерть не разобьешься, но и переломанные конечности не принесут радости. Тем более что достать пострадавшего будет проблемой.

Но Пак держал ее руку до того момента, пока Фредди надежно не устроила ступни на карнизе, только потом отпустил ее и перегнулся через край, примеряясь, куда поставить ноги.

И тут же по ушам ударил звук близкого взрыва. Следом посыпались земля и кирпичная крошка, а стена чуть ощутимо дрогнула. Пак снова схватил Фредди за руку, помогая не сорваться вниз, затем ловко спустился следом, повис на карнизе и спрыгнул вниз. Фреддике слышала шум на поверхности и крики, пару выстрелов и пронзительный свист, поэтому без колебаний прыгнула в подставленные руки земпри и побежала за ним по темным проходам катакомб. Она знала дорогу почти наизусть, на первом курсе немало времени здесь пробегала, искала проход в легендарный нижний Эбердинг, в котором хранились кости чужих.

Правда, тогда они с единомышленниками пользовались светильниками, а сейчас темноту разгоняли только остатки фосфоресцирующего орнамента, который когда-то выложили строители города. За очередным поворотом Пак замедлился и внимательно вслушивался в происходящее, иногда резко оборачивался, пытаясь разглядеть что-то в темноте.

- Что? - не выдержала Фредди.

Пак покачал головой и сделал ей знак идти вперед одной, а сам замер на месте, пригнувшись, точно большой медведь. И спустя несколько секунд на него из темноты выпрыгнул огромный зверь, которого Фредди ошибочно приняла за собаку. Но морда была определенно шире, зубы в ней - длиннее, а по бокам и спине шли полосы и пятна. Верж по кошачьи нервно стукнул хвостом по полу и двинулся на Пака.

- Уходи! - крикнул он, после навалился на зверя.

Их борьба больше напоминала нежные объятия хозяина и его любимой собачки. Она не пыталась укусить, Пак - ударить, просто не давал вырваться и напасть на Фреддику.

Какой-то верж или тер, но первое вселяло больше надежды. Пока земпри валялся по полу, удерживая монстра, Фредди вытащила из сумочки револьвер, зарядила его серебряными пулями и прицелилась.

- Отойди от него немедленно! - четко произнесла она.

Кем бы ни был зверь, человеческую речь он понимал отлично, потому как сразу же замер и вырвался из рук Пака, а после скрылся в тени.

И сразу же гроыхнул второй взрыв.

На голову Фредди посыпались обломки кирпича и пыль, а вокруг все заволкло едким дымом. Пака рядом не было, зато из желтовато-серых клубов на нее все же бросился верж, повалил на пол и теперь рычал над самым лицом.

Фреддике видела белоснежные зубы, чувствовала странный, цветочный запах, совсем не подходящий животному, видела темные выразительные глаза, и вдруг поняла, что не может выстрелить в разумное существо. В конце концов, его же можно подкупить!

Но додумать мысль она не успела: вержа стащил залитый кровью Пак. Словно старые знакомые они снова играли в неловкие объятия, но не спешили калечить друг друга, пока откуда-то сбоку в них не влетела бутылка из зеленого стекла, которая лопнула и залила все вокруг огнем. Фредди закричала, сорвала пиджак и попыталась сбить пламя с горящего Пака, но почти сразу потеряла сознание от яркого, как вспышка, удара по голове.

* 43 * (Хавьер)

Немногим ранее...

Николас Медина, тогда еще носивший совсем иную фамилию, тоже был одним из однополчан Хавьера. Воевал он честно, самоотверженно, готов был пожертвовать собой ради империи Ньол и Эбердинга, но победа не принесла ему радости.

До фронта новости о творящемся в столице доходили с опозданием и заметно искаженными. Потому в произошедшую революцию и то, что доны массово и заочно лишаются привилегий и имущества не верил никто. А кто верил, тот был уверен, что стоит вернуться домой - и они смогут вернуть все к прежнему состоянию.

Победа обернулась для них разочарованием и чувством, что вначале их телами отгородились от врагов, затем предательски вонзили нож в спину. Хавьера тоже не обрадовали перемены, но из пяти его братьев и сестер выжили только двое, отца парализовало, а мать постарела сразу на десяток лет. Горе настолько сковало семью, что предложение Кроу перестать маяться дурью и послужить государству, пусть и ненавистному на тот момент, оказалось настоящим спасением для Хавьера. Постепенно он привык к новому миру и новой власти, даже научился видеть в нем хорошее. Денег у семьи осталось достаточно, работу следователя из особого управления оплачивали весьма щедро, а связей и влияния, тем более радостей великосветской жизни Хавьер никогда и не искал. А в жизни обычного горожанина были свои плюсы: над ним больше не висела необходимость продолжить род, выбрав для этого правильную жену. По большому счету, всем было плевать, женится ли свогор Сото и на ком. Хоть на гончей, как мечтал малознакомый свогор Браво.

Ник думал иначе. Сразу после войны он чуть не попал на каторгу за неуместные высказывания, но тогда его вытащил Карлос Рубио. Часть улик чудесным образом испарилась из дела, а сам Медина ушел преподавать в университет с обязательством каждую неделю отмечаться у куратора. И за следующие семь лет ни разу не попался на глаза полиции или особому управлению. Не попался бы он и сейчас, если бы не воспоминание Аву, в котором успел отметиться и Карлос.

За прошедшую ночь Хавьер успел съездить за подмогой и взять показания почти у всех, видевших Ника во время того скандала. Но Карлоса Рубио никто не помнил, обычный свогор, каких тысячи, тихо сидел на своем месте и никуда не вмешивался.

Самой перспективной оказалась линия с монетами, Хавьер поначалу не придавал им значения, а потом отослал помощников найти первого владельца и оказалось, что тот вытащил их из коллекции своего дядюшки, а уже после подарил Аву. Серебряные кругляши оказались с историей и дефектами, каждый из которых был учтен и кропотливо записан в специальном журнале. Улики не стопроцентные, но определенно дающие основания задержать Николаса Медину и провести обыск в его квартире.

Но к прибытию патруля та пустовала, а хозяйка виновато развела руками и рассказала, что в последний раз видела Ника вчера утром, но не тревожилась по этому поводу: свогор часто ночевал у кого-то из друзей или случайных подружек.

Хавьер оставил людей сторожить квартиру и еще пару сметливых подчиненных - подходы к дому, после отправился в университет. Если и там нет Ника - придется объявить его в розыск. Ирр почти все время молчала и тенью следовала за Хавьером. Отказалась и ото сна, и от бутербродов, наверняка боялась, что "глупый совсем дон" попадет в беду, если останется без присмотра хоть на минуту. Стандартная полицейская форма определенно шла ей, но не так, как платья или летящие юбки. Хавьер сам не заметил, как перенес гончую в категорию доний и уже не воспринимал в другом качестве.

Ника же схватили уже в его кабинете. Профессор беспечно копался в реактивах и черкал в журнале учета, когда к нему ввалились сотрудники спецподразделения и повалили на стол. Сопротивления Ник не оказывал, испуганным не выглядел и на вопросы отвечал вполне четко.

Знал ли он погибшего инспектора Морено? - Да, знал. Тот неоднократно дурил голову студенткам университета и втягивал их в сомнительные дела. Полиция бездействовала, покрывая своего, поэтому Ник, как равнодушный гражданин, вмешался. Но дальше разбитого носа и отобранных денег дело не пошло. Деньги, кстати, он до последней монеты отдал заплаканной девчонке, которой и обещали эту сумму и за совсем иные услуги, чем те, которые ей пришлось оказать.

Где ее найти? - Кто же знает? Получив монеты она долго плакала, после решила уйти от мирской жизни и скрылась в стенах монастыря Девы Благодистой и больше Ник о ней не слышал.

Что он знает о Братстве терна? - Ничего сверх того, что публикуют газеты.

Хавьер дал знак своим людям, и его место заняли двое подчиненных, продолживших допрос. Ирр

тоже качала головой: она не узнавала запах убийцы, тот изменили каким-то артефактом.

С таким минимум улик Медину чего доброго пришлось бы отпустить до выяснения обстоятельств, если бы Ирр, не иначе как от скуки и бессилия, не сменила частично облик и не уткнулась носом в пол. Она обшарила весь кабинет, снова стала девушкой и четко произнесла:

- Донья, которая была на месте убийства инспектора, здесь. Работает или еще что, запах повсюду.

- Поищите ее, - кивнул Хавьер.

Гончая выскочила из кабинета чуть ли не раньше сотрудников особого управления и уже понеслась по коридорам университета. Медина же напрягся и впервые начал нервничать: такое не могло бы совпадением. Девчонка что-то знала или догадывалась и наверняка она не сможет так стойко переносить допрос.

Деваться из кабинета профессору было некуда, поэтому Хавьер оставил его на попечении своих людей и тоже вышел в коридор, искать девушку.

Взрыв настиг его в другой части этого же крыла. Он оказался такой силы, что осыпались все стекла из окон, а от кабинета остались одни руины. Хавьер добежал туда одним из первых, но увидел только останки своих людей, дыру в стене и соцветие терна, издевательски брошенное поверх обломков стола.

Первым порывом было отправить людей искать Ирр, но Хавьер приказал оцепить периметр и перекрыть все возможные выходы из университета.

- Будь я профессором, бежала бы через катакомбы, - задребезжал рядом чей-то голос.

Хавьер обернулся и заметил старую, будто высохшую и пожелтевшую донью, чьи глаза выцвели, но не потеряли внутреннего огня.

- Свогор Жилль, секретарь, - представилась она. - Вот там в парке есть проход в них, могу поспорить, что плиту уже сдвинули и вы не ошибетесь с местом.

- Благодарю за содействие, - Хавьер кивнул ей и побежал к указанному месту.

Пока он искал нужную статую и продирался сквозь кустарник, громыхнуло во второй раз, где-то внизу.

В темный лаз Хавьер спускался медленно, еле нащупав ногой карниз. Свет сюда почти не проникал, а еще все заволочло желтоватым дымом, за которым попробуй разгляди что-то. Со стен по-прежнему сыпались обломки кирпичей и фресок, растревоженные взрывом. Хавьер закрыл рот и нос рукавом, вытащил из кармана положенный всем полицейским светящийся стержень и медленно побрел по коридорам.

Коллеги уже спускались следом, организованно, парами, но ждать их означало потерять драгоценное время, за которое профессор либо успеет уйти, либо отравится едким дымом, похоронив вместе с собой надежду напасть на след Братства. Хавьер и то кашлял все сильнее с каждым пройденным метром, пока не уперся в завал, многометровый и капитальный даже на первый взгляд. В коридорах были и другие ответвления, но только это шло за стены университета.

Рядом кто-то закашлял, слишком тяжело и надсадно для недавно спустившегося вниз. Звук раздавался совсем близко, но из-за дыма и темноты, Хавьер наткнулся на мужчину почти чудом.

Слишком высокий и широкоплечий для Медины, он с трудом тащил пятнисто-полосатую тушу, приподняв ее под передние лапы. Хавьер без лишних слов присоединился, отметив, что в зверином облике Ирр прибавляет в весе раза в три. Она не двигалась, но дышала, пусть и рвано. По шкуре тут и там алели пятна ожогов, стремительно затягивающиеся, но оттого не менее пугающие. Пока Хавьер размышлял, как будет вытаскивать ее наверх, гончая перевернулась и снова превратилась в хрупкую девушку. Незнакомец легко взвалил ее на плечо, а на возражения Хавьера ткнул пальцем вверх, намекая, что кому-то все равно придется подняться и вылезти наружу, чтобы перехватить бессознательную ношу. Ирр вяло завозилась, но в сознание не приходила. А сам Хавьер заметил, что в голове шумит все сильнее, а кашель уже не останавливается. Он громко приказал всем выбираться наружу, после сам забрался по карнизу и взял на руки Ирр.

Ожоги успели окончательно затянуться, оставив вместо себя новую розоватую кожу. Гончая дышала тяжело, жадно хватая ртом свежий воздух и отчаянно куталась в пальто, которым ее укрыл Хавьер. Ее неизвестный спаситель тоже вылез следом, обессиленно уселся прямо на траву и представился:

- Пак Ува.

* 44 * (Хавьер)

Спустя несколько часов умытого и переодетого в чистую, но оттого не более привлекательную тюремную робу, Пака привели в допросную. Он на полголовы возвышался над конвоирами, только массивный тер, так густо покрытый шерстью, что не распознаешь истинный облик, и смог бы удержать его от побега. Но земпри не дергался и не пытался атаковать. По документам тоже все было гладко, не считая просроченного на несколько дней разрешения.

Зато Ирр опознала в парне того самого смельчака, который вначале в одиночку положил целую банду вержей, затем ловко сдал гончую полицейскому отряду и сбежал. Хавьер в какой-то степени злился на Пака за это, но целая, пускай и наглотававшаяся дыма Ирр, на которой не нашлось ни единого синяка, смягчила его сердце.

- И как же вы влипли в эту историю, земпри Пак Ува? - поинтересовался Хавьер, пока еще неофициально, без записей в протокол.

- Нашел то, что мне находить не следовало, - он кивнул на корзину, в которой аккуратной стопкой лежали его вещи. Все черное и закопченное, местами прогоревшее до дыр, более или менее целыми остались только ботинки. Поверх этого взгромоздился кошелек с тремя сотнями галлов, четыре универсальных билета на выезд и посеребренный клык чужого.

Земпри спокойно и без запинки рассказал обо всех своих приключениях в Эбердинге. Местами звучало настолько сказочно, что Хавьер заподозрил подвох, но факты говорили иначе. Даже в пробной партии "пальцев обезьяны" Пак уверенно разгромил Хавьера. Во второй - сделал это намного увереннее и быстрее. Кажется, у него и без всяких артефактов был криминальный талант, не используемый, к счастью. Как и многие другие. Хавьер даже попытался завербовать земпри для службы в особом управлении, но тот покачал головой:

- Мне нужно вытащить Фредерику.

- Зачем? Она сама выбрала свой путь, когда связалась с Братством. Если пойдешь за ней - получишь пулю, от них или от нас. В лучшем случае - лет двадцать каторги за препятствие следствию или помощь диссидентам.

Пак нахмурился, сплел пальцы и наклонился над столом:

- Если уеду, эта девчонка получит пулю в лоб еще раньше, а вдвоем у нас будут варианты. Я уже достаточно насмотрелся на ее способность влипать в неприятности, а сейчас Фредди влипла по самую макушку.

- Все равно не понимаю, вы же знакомы неделю. В Эбердинге таких девиц тысячи, если купишь себе статус свогора, - а деньги позволяют, - то по щелчку пальцев выстроится очередь.

- У вас, наверняка, и так есть эта очередь, а в пальто кутаете только свою гончую.

Хавьер чуть склонил голову, признавая, что укол достиг цели.

- Я обещал отцу Фредерики, что присмотрю за ней, - при этом Пак кривовато улыбнулся, словно произнес шутку, понятную только ему самому.

- Мои люди проводят вас до вокзала, но за посадкой следить не будут, по прибытию в общину местные стражи порядка сами назначат вам положенное наказание. Это все, что я могу сделать, простите. И до сих пор не понимаю, почему вы раньше не обратились в полицию?

- Потому что не у каждого в этом городе сердце настолько большое, чтобы вместить туда вержа и беспокойство о судьбе земпри. Или скажете, что любой полицейский поверил бы в мою историю, а не запихнул в тюрьму за убийство вержей, а то и причастность к делам Братства?

Хавьер молча кивнул и подал знак через окно, чтобы конвоиры забирали подозреваемого.

*** 45 * (Фредерика)**

Папа каждый выходной уводил Фредди в дальний конец сада и там учил стрелять по специальным мишеням или бутылкам. Вначале с десяти шагов, затем с двадцати... К тринадцати годам она попадала в темный круг и с пятидесяти, но Виктор Алварес уже не мог повторить этого: с годами он все хуже видел вдаль.

- Знаешь, - отец поправил ее руку и еще раз проверил состояние револьвера, - в молодости я очень хотел сына. Не представлял, что буду делать с дочерью. С еще одной дочерью, - поправил он. - А потом родилась ты. Стреляй! Враг не будет покорно стоять и ждать, пока ты прицелишься и соберешься с духом.

Фредерика вдавила скусовой крючок, руку сразу же дернуло отдачей, а по ушам больно ударило звуком выстрела. Запахло порохом, зато пуля четко впечаталась в середину круга, это было видно и отсюда.

Отец довольно прищурился, разглядывая мишень через театральный бинокль, и продолжил разговор:

- Когда тебя впервые принесли, ты орала так, что дрожали окна. Клянусь, Дева Порочная и та не смогла бы произвести на свет более шумного младенца. Зато я сразу понял - у тебя есть характер и стержень, и что на меня смотрит истинная Алварес. Фредди, я хочу, чтобы ты запомнила: не закрывайся от нового, не бойся ничего менять, что бы ни случилось, ты была и будешь Алварес, истинной доньей с сердцем воина...

Сейчас это сердце колотилось где-то в районе шеи, отчаянно прогоняя кровь по сосудам. Фредди очнулась только от этого стука, нехватки воздуха и мерзкого запаха гнили, которым пропиталось все вокруг. Она на пробу пошевелилась, вроде бы руки и ноги не были связаны, зато между открытыми и закрытыми глазами разницы не заметила: ее окружала сплошная тьма.

Хотелось позвать кого-нибудь на помощь, но рядом велся весьма занятый разговор, влезать в который было большой глупостью.

- Ты всегда казался мне сумасшедшим, Ник, - проскрипел голос Карлоса Рубио. - Зачем было идти на крайние меры? Ты разнес половину университета и окончательно засветил свою личность перед особым отделом. У них не было толковых улик, мы бы вытащили тебя.

- Улики были, а взрыв неплохо отвлечет их перед нашим большим делом. Фредерика видела меня в тот день, она бы раскололась на допросе. Ещё и ты засветился со своей визиткой и попытками завербовать ее.

- Одна пустая болтовня, никаких доказательств, я крайне осторожен. К тому же Алварес не из слабаков.

- Ты плохо знаешь Хавьера, - возразил Николас. - На его допросах пели самые стойкие из шпионов, пели ещё до того, как он пускал в ход кулаки или нож.

- Я слышан о Сото и жалею, что он не в наших рядах. Надо было сразу после этого провала сплавить девку в глушь или привести к нам, а ты начал играть в благородство. Вначале изменил цель, когда заметил, что Фредерика идет на встречу с Морено...

- Он тоже был в списке, на шесть позиций ниже, мне точно также мог выпасть жребий убить его, как и этого банкира.

- ... после потерял клык, - продолжил Карлос, мало вслушиваясь в возражения Медины. - Выскочил на дорогу прямо перед девкой, устроил ее к себе на работу. Слишком много своеволия для шипа, Ник. Или она в самом деле так задурманила тебе голову? Дала хотя бы?

- Не твоего ума дело!

Ник швырнул что-то об стену, отчего Фредди дернулась и попыталась сесть.

- А ну лежи, дура! - рявнул ей на ухо Клу.

- Попередерутся ещё, - она ответила еле слышно, но больше не предпринимала попыток встать.

- Нам же лучше, - ответил верж и ощутимо толкнул Фредди в бок. - Давай, передвинься чуть, чтобы грудь получше видна была, вдруг позарятся на нее и не пристрелят.

- Ты-то что здесь делаешь?

- Пак отправил, зараза, заявил, что тебе мое везение нужнее. К тому же смогу выбраться отсюда и привести его.

Ник и Карлос ругались и дальше, но уже не так громко и разборчиво, или перешли в другую комнату или действительно решили сбавить тон. Фредди на пробу открыла глаза, но снова не увидела ничего кроме мутного света от мозаики. Голова болела зверски, а пальцы, стоило притронуться к затылку, перепачкались кровью. От этого стало еще сильнее не по себе: выходит, ее приложило совсем не летящим сверху кирпичом, а чем-то другим, вроде тяжелого набалдашника трости или стилета. Били сзади. И это точно был не Пак, возившийся с тером.

- ...зачем тебе эта девка? - снова услышала она голос Карлоса. - Вправду жениться хочешь?

- А вот это не твое дело! - рявкнул на подельника Ник. - Она подходит Братству, это сейчас главное.

- Тогда приведи ее в чувства, покажи тут все и проведи через ритуал посвящения, раз уж она так подходит.

- Сегодня? После всего?

- Из ритуала только два выхода, но ты можешь сразу повести ее по второму. Или через час. Часа тебе хватит, Ник? Не верю, что с этой сумасшедшей захочется развлекаться дольше.

После он скрипуче рассмеялся и, громко постукивая каблуками, вышел. Скрип и скрежет двери совсем не обрадовали Фредди: так просто не сбежишь, а находиться здесь ей нравилось все меньше и меньше.

- Не шуми и не дергайся, - наставлял Клу. - Я пойду за Карлосом, выберусь на поверхность и приведу помощь.

Какую такую помощь? Ради одной бывшей доньи никто не поднимет полицию или особое управление, она же не настолько ценный член общества. И не настолько грозный преступник, обычная идиотка, никому не нужная. Знала бы, куда влипнет, сдалась бы свогору Сото и сидела сейчас в чистой тихой камере, а не валялась на куче гнилья с пробитой головой.

Ник тоже не спешил за ней. Он вполголоса ругался, глухо стучал по чему-то, вымещая злобу, потом шумно напился и вошел в помещение, где лежала Фредди, размахивая фонарем.

- Вставайте, Алварес! - бросил он в своей привычной, нервной манере.

Фредди же неловко прикрыла глаза и с трудом села.

- Что случилось? Где я? Прошу, отпустите меня, хочу встретиться с матушкой, иначе она будет слишком сильно волноваться...

- Бенита заметит ваше отсутствие, только когда придет время платить по счетам за дом. Нечего дурить, Алварес! Вставай!

Кажется, в его глазах она уже перестала быть прекрасной доньей, вместе с которой плачет природа. Ник злился, в открытую психовал, а после, без всякого почтения или любования Фредерикой, схватил ее за локоть и резко дернул, вынуждая встать на ноги.

Желудок сразу же свернулся комом, к горлу подбежала дурнота, а ноги казались ватными и непропорционально большими. Голова болела невыносимо, будто по ней не ударили разок, а пробили основательную такую дыру.

- Живей! - Фредди получила новый тычок от профессора и неуклюже поплелась к выходу.

Под светом фонаря стала заметна кровь на ее руках и одежде, грязь и коричневые зловонные пятна. Кажется, "отдыхать" ее бросили на мешки с медленно гниющим картофелем, не потрудившись подстелить что-то еще. Да, прекрасное начало революционной борьбы, как ни крути.

- Николас, - она нарочно воздержалась от привычного "профессор", хотела сократить между ними дистанцию, попытаться пробудить в нем хоть какие-то чувства, но получила только новый тычок.

- Замолчи и шагай! Пока новобранец не прошел ритуал и не стал частью братства, он всего лишь перегной. Шип, ветвь, цветок, ствол или корень - любой из них может использовать перегной по своему желанию. Подумай, хочешь этого или нет.

Коридор, по которому ее вел профессор, то и дело ветвился, нервировал отсутствием света и свежего воздуха, а еще - десятками решеток, которые отгораживали не то другие проходы, не то камеры для "перегноя". Люди пока не встретились, но Фредди все равно пока не думала о побеге.

Если это легендарный нижний Эбердинг, то по нему можно ходить месяцами и так и не выйти наружу. Но все может оказаться банальнее: Ник кругами водит ее по подвалу одного из старых зданий, чтобы придать штабу Братства значимости в глазах будущего члена.

В какой-то момент Медина остановился, открыл решетку и запихнул Фредди внутрь. Там было еще темнее, чем в коридоре, зато воздух оказался чище и пахло приятнее. А еще где-то вдоль стены текла вода.

- Здесь одежда и немного еды, - он бросил на пол тряпичную сумку, оставил фонарь, затем подошел совсем близко и задрал подбородок Фредди, чтобы заглянуть в глаза. - Будешь глупить - в самом деле станешь перегноем, что питает корни Братства, поведешь себя правильно - появится шанс выйти из передраги с минимальными потерями. Скоро мир изменится, и правильная донья с правильной кровью сможет неплохо устроиться.

Фредерика кивнула через силу и отступила назад, не сводя глаз с Медины. Сейчас он казался совсем чужим и незнакомым. Старше, агрессивнее, страшнее. Носить маску больше не было нужды, и он стал ровно тем, кем и являлся: обычным террористом, которому если и нужна Фредерика, то как память о прошлой жизни и носительница старой, почитаемой крови.

- Переоденься, приведи себя в порядок и ничего не бойся! - подмигнул Ник, а после вышел.

Возможно, человеческое в нем тоже осталось.

* 46 * (Фредерика)

Фредди потопталась немного по своей камере, попробовала позвать Клу, затем все же подошла к текущему по стене ручейку. В неровном свете пламени было не разобрать, насколько вода чистая, да и вода ли это вообще, но воняла она точно не сильнее гнилой картошки, так что выбора особенно не было.

В оставленной Ником сумке нашлось только длинное, в пол, рубище, сшитое будто бы из тех же мешков картошки, только постиранных. Фредерика оторвала от своего старого платья более или менее чистый кусок и попыталась смыть с себя кровь и гнилостный запах. Кто бы знал, что обычная картошка может пахнуть в разы хуже, чем канализационные стоки? Вода, кстати, тоже была с душком и опалесцировала на свету, что навевало не самые лучшие мысли.

И в целом подземелье казалось очень странным, Фредерика чувствовала запахи химической лаборатории, чувствовала вибрацию неизвестных приборов и чьи-то приглушенные голоса в отдалении. Это было очень и очень плохо. Одно дело, если ее арестуют, как пособницу профессора, другое - одного из участников будущего теракта или же сотрудника подпольной лаборатории по производству наркотиков. Во втором случае Фредди расстреляют так скоро, что до матушки не успеют дойти счета за этот месяц.

Она в который раз пробормотала слова молитвы к Отцу-Защитнику, потом кое-как оттерла кровь и грязь с тела, натянула рубище прямо поверх нижней рубашки и белья, а вот ботинки Фредди оставила свои - не идти же в неизвестность босиком? После привалилась к стене и приготовилась ждать.

Фонарь с каждой минутой горел все слабее, зато голоса раздавались все громче, а от едких химических запахов жгло горло. Фредерика пыталась считать про себя, чтобы убить время, шептать молитвы или же мысленно рисовать формулы известных ей солей и кислот. Но голова до сих пор шумела и сконцентрироваться не получалось. Интересно, где Пак и что делает? В самом ли деле попытается спасти приютившую его донью или, выслушав рассказы Клу, сбежит в свою общину? И как скоро вернется Ник?

Но как бы Фредерика ни ждала его, раздавшиеся шаги все равно заставили ее вздрогнуть.

Профессор в этот раз был не один, следом за ним шли ещё двое. По виду - доны, но выглядели хуже загулявших в городе земпри, которые уже полгода скрываются от полиции: оборванная одежда, засаленные волосы, кое-как перетянутые темными лоскутами, длинные ногти, пожелтевшие и погнутые на манер когтей. Но самое неприятное - глаза, такие темные и пустые, какие бывают только у теров. Они и вели себя соответственно, не как люди, двигались дерганно, но очень быстро. Не как живые люди, поправила себя Фредди, скорее как марионетки. Будто жертвы того же недуга, которым страдал Рубио.

Доны схватили Фредерику под локти и потащили к выходу. Вблизи от них ужасно разило, почти до рези в глазах, перебивая все прочие запахи. Ник молча шел следом и никак не реагировал на происходящее, словно был еще одной марионеткой. Фредди же пару раз дернулась на пробу, но тогда левый дон выкрутил ей руку, и желание сопротивляться сразу же пропало. Или, скорее, затаилось до более удобного момента.

Рука ежеминутно стреляла болью, хотя Фредди и старалась подстроиться под шаг левого дона и даже просила отпустить ее. Но послаблений так и не дождалась, зато уже во второй раз услышала гул, характерный для химических предприятий.

Члены Братства окопались очень глубоко под Эбердингом, но им все равно нужна мощная вытяжка и жар нужной температуры. И что же здесь производят? Собственно, вариантов было всего два: наркотики или взрывчатка. Если вспомнить слова Ника про "большое дело", то второе намного вероятнее. Хотя оставались и другие варианты: отравляющий газ, горючая смесь, которая тлеет даже на голых камнях, а тело человека прожигает вплоть до костей, обычный яд, который можно влить в центральный водозабор...

Из размышлений Фредерику выдернул осязаемый тычок в спину, с которым ее впахнули в просторный подземный зал. Света и здесь не хватало, неровные отблески очерчивали только пару колонн и мозаичный пол, такой старый, что наверняка видел Отца-Защитника. Точно по центру узора сидел трясущийся земпри, старше Пака и еще шире в плечах, но больное воображение все равно рисовало на его месте надоедливое "кузена Паскаля". Фредерика зажмурилась, попыталась отступить, но левый дон толкнул ее вперед, поближе к источнику света.

Тогда земпри впервые поднял на нее глаза. В его взгляде не было страха или надежды, только пустота и усталость, будто он уже умер, а здесь осталась одна пустая оболочка. Кто-то раздел его до пояса и связал руки черной лентой с серебристым кантом. На лице тоже была повязка, не дававшая выплюнуть кляп. Глупо. Все равно земпри не будет кричать, что бы ни случилось, это поняла даже

Фредди, за один короткий взгляд.

- После смерти мы становимся перегноем, - из тьмы вышел Карлос Рубио, держащий на вытянутых руках поднос. - Но семя, падая на удобренную землю, дает росток, что пустит корни, обзаведется стеблем, а тот шипами оцетинится на врагов. Каждая частица великого круговорота полезна и важна, и сегодня тебе предстоит сделать свой выбор.

На узорном серебре подноса лежал стилет с выпирающим из рукояти клыком чужого и черная лента. Убей или садись рядом - такой себе выбор, но Фредерика, как истинная Алварес, не представляла себя связанной.

Когда протянула руку, то впервые заметила, как сильно трясутся пальцы. А еще - что ногти окаймлены грязью, а на указательном пальце часть пластины содрана с мясом. Когда только успела так его обломать? И почему до сих пор не чувствует боли? Хотя в затылке пульсировало так, что Фредди не замечала ничего больше.

Рукоять легла в ладонь как родная, хотя Ник подал знак сменить хват, чтобы удобнее было бить, а не колоть.

- Прямо в сердце, - поддержал его Рубио. - С размаха, иначе не получится с одного раза. И помни, чем больше крови - тем меньше силы удастся скопить, поэтому учись работать аккуратно, если хочешь стать шипом, а не радующим глаз цветочком.

- Я думала, члены Братства убивают только тех, до кого не может дотянуться закон, - неуверенно пробормотала она и чуть отступила в сторону, чтобы стать спиной к проходу.

- Этот проходимец-земпри перебрал и пытался пристать к одной из наших сестер, - охотно пояснил Карлос.

Но "пытался пристать" в равной степени могло быть и домогательством и невинной шуткой, а то и взглядом. А могло статься, что никаких приставаний не было вовсе, Рубио сочинил их только что, ради Фредерики.

- Ну да, этот мог, здоровый такой, - пробормотала она, прижимая к груди руку с зажатым в ней стилетом. - От этих земпри чего угодно можно ожидать.

- Не тяни время, просто ударь, вот туда, - Карлос начал терять терпение и ткнул набалдашником трости в грудь будущей жертвы.

Земпри внезапно взвился и попытался не то достать Рубио, не то просто встретить смерть стоя, но двое донов тут же навалились на него, удерживая на месте. Здоровяк пытался отпихнуть их, но тощие с виду мужчины даже не прилагали усилий, что пугало в разы больше их потрепанного вида.

Карлос повернулся к Фредерике с торжествующей ухмылкой, которая намекала: вот видишь, сила не на твоей стороне, давай, решайся скорее, или черная лента обхватит и твои тонкие запястья.

"С размаха, иначе не получится с одного удара..."

Получилось.

Лезвие расчертило яркую дугу рядом с лицом Рубио, от которого веером брызнуло кровью. Фредерика не разглядывала, что она задела и как сильно, достаточно того, что Карлос, а вместе с ним и прочие доны отвлеклись на его рану. Они все расслабились, посчитав хрупкую Алварес слишком слабым и нерешительным противником, тем самым дали шанс на побег. Фредди отбросила стилет к земпри, а сама изо всех сил рванула к темному проему, через который ее привели в зал.

* 47 * (Пак)

Паку подавали уже третье блюдо, но он не запомнил ни их вкуса, ни вида. Только крохотный, на один зуб, размер порции каждый раз вызывал неприятное удивление, как и цена. В ресторанчике, где они с общинными обедали по прибытии в Эбердинг, на такую сумму можно было пировать трое суток, еще и на блудливых девок бы осталось, а здесь - какая-то мелочь, таявшая во рту быстрее, чем успеешь распробовать.

Впрочем, его мысли и так были слишком далеко отсюда, чтобы по достоинству оценить еду. Потому Пак и вяло двигал челюстями, чаще прикладываясь к стакану с водой, чем отправляя в рот пищу.

Они расстались с Клу три с половиной часа назад, пора бы мелкому появиться в оговоренном месте. Если, конечно, крохотного вержа еще не нашли, не затоптали ненароком или же не привалило камнями, вместе с Фредерикой и ее чокнутым профессором. Тот слишком уж лихо бросался взрывающимися бутылками в подземелье, чтобы быть полностью адекватным.

На центральный вокзал Пак все же прибыл. Распрощался с провожатым из особого управления, осмотрел залы ожиданий, переоделся в одном из магазинчиков, владелец которого за символические десять галлов согласился принести ведро теплой воды, мочалку и повесить на дверь табличку "закрыто", пока странный покупатель не отмоется и не переоденется в чистое. Он почти вернул Паку веру в столичных жителей, по крайней мере в то, что не все здесь решается пятьюдесятью галлами, иногда можно и поторгаться.

Став чуть больше похожим на свогора, чем на битого жизнью бродягу, Пак отправился к кассам и уже там узнал, что с его билетами можно не только уехать в общину на зеленом поезде, но и за границу - на красном. И даже сесть на синий, который без остановок доставит в порт, откуда завтра ранним утром отбудет корабль до одной из колоний. Значит, оставалось еще почти четырнадцать часов на то, чтобы найти Фредерику и убежать вместе с ней так далеко, куда не дотянутся ни члены Братства, ни сотрудники особого управления. А если донья не согласится - Пак доставит ее домой и на этом их пути разойдутся. Вечно оберегать склонную к авантюрам Фредди все равно не выйдет, но хотя бы свою совесть он успокоит.

Хотя с каждой секундой все сильнее росла вероятность, что на совести повиснет еще и пропажа Клу.

- Желаете еще вина? - официант возникал всегда ровно в те моменты, когда Пак и сам слабовольно хотел пригубить немного алкоголя, чтобы снять напряжение. И пойдя пойми, то ли это хорошо замаскированный верж, то ли просто профессионал, мастерски предугадывающий желания гостя. - У нас есть отличное белое, из колоний. Очень ненавязчивое и не дурманит голову.

"Значит, бьет по ногам", - про себя закончил Пак и покачал головой. К тому же первый бокал "терпкого красного", заказанный из любопытства, все еще стоял нетронутым.

Раньше. Сейчас Пак заметил, что темно-красной жидкости там осталось на самом доньшке, и в ней, как в луже, развалился довольный и мокрый Клу.

- Жажда замучила, - признался он с громкой отрыжкой.

Пак поспешил обхватить стекло ладонями, укрывая вержа от посторонних глаз, хотя стол все равно стоял в самом дальнем углу зала, прямо за разлапистым экзотическим растением.

- А если бы тебя официант заметил?

Пак за шиворот вытащил Клу из стакана, обтер его салфеткой и пододвинул ближе тарелку с горькой серого и склизкого блюда.

- Пф-ф-ф! Сказал бы, что я твой ручной кролик, у богатых свои причуды. Кстати, я тут пока добирался, придумал почти беспроектную аферу. Видел напротив вывеску ювелира?..

- Где Фредерика?

На фирменное блюдо от шеф-повара не позарился даже голодный и усталый верж, а Пак понял, что и те глотки воды были лишними, они заполнили желудок и тошнотворно подкатили к горлу.

- Ты знаешь..., - паршивец замялся и с тоской оглядел стакан. - Да на кой тебе эта донья? В Эбердинге этих обедневших гордячек столько, что можно личный гарем собрать, по примеру Отца-Защитника. Или даже семь жен взять, по одной на каждый день недели!

Многоженство в Ньюле не одобряли, но при должном усердии шестерых лишних доний можно было оформить как официальных любовниц, лазейки в законе остались как напоминание об имперском прошлом и страстной натуре истинных донов. Но сразу семь подобных Фредерике девиц

гарантированно свели бы Пака в могилу, он и с одной едва справлялся.

Да и сама мысль показалась чуждой, подкинутой воспаленным разумом, который тщетно пытался продумать варианты будущего. Желательно такого, где Пак остается жив, цел и не машет киркой на руднике, вместе с другими каторжниками.

- Правда не пойму, зачем тебе эта донья, - нахмурился Клу. - Красивая, да, но бешеная! А гонору на целую императрицу.

- А здесь, как у тебя с деньгами, - пожал плечами Пак, - логического объяснения нет. Давай, выкладывай, где Фредерика.

- В тайном убежище Братства тёрна. Дева Порочная, да это будто играть с торчащей под забором пушистой метелкой, а потом найти на другом конце этой метелки здоровенного тера. Знаешь, надо очень хотеть убиться наиболее мучительным способом, чтобы полезть к ним.

- О да, возможно, о нас сложат баллады.

Верж еще попытался возмущаться, но Пак уже подхватил его и посадил на левое плечо, после на ходу впихнул официанту нужную сумму и зашагал к выходу.

* 48 * (Пак)

- Эй, ты чего приуныл? - Клу решил заговорить только по дороге к дому Фредерики. - Брось, ты сделал для доньи все возможное, пора бы и сваливать из города. Незачем дальше рисковать. Романтические бредни про смерть во имя прекрасной дамы хороши только для театра, а мы с тобой взрослые мужики...

- Тебя и не зову. Оставлю денег, сколько скажешь, а сам пойду в катакомбы.

Верж насупил, но отвечать не стал, хотя Пак и не подумал бы осудить его за бегство.

Сам же он бодро взбежал по крыльцу и осторожно открыл входную дверь. Это еще хорошо, что успел смазать петли, как знал, что пригодится. После ненадолго заскочил в свою комнату, забрал остаток денег и с чистым сердцем захлопнул за собой эту дверь. Что бы ни случилось, сюда Пак не вернется.

Дальше он попросил покровительства у Отца-Защитника, оттолкнув мысль, что больше подошла бы Дева Порочная, и вытащенной из шкапулки Фредди булавкой легко вскрыл замок, якобы защищающий кабинет покойного Виктора Алвареса от воров. В другой день Пак бы снова завис напротив полок с книгами, но сейчас ему нужно было кое-что другое.

В первую очередь он обшарил ящики стола, запертые на такой же примитивный, как и в двери, замок. За порядком здесь никто не следил, поэтому пришлось перевернуть кипу бумаг, прежде чем нашлась шкапулка с оружием. Пак засунул в карман складной нож с загнутым лезвием, повертел в руках пару его метательных братьев, но баланс у тех был откровенно паршивым, оружие не подходит для боя, только для украшения парадного мундира. По центру же шкапулки лежал револьвер и пули к нему.

- Бери давай! - поторопил Клу.

- Я стрелять не умею.

- Зато донья наверняка попадает в яблочко. С этой стервы станется. Бери, говорю!

После недолгих сомнений Пак все же завернул револьвер в кружевную салфетку, а вторым слоем примотал к нему и пули. Но этого мало, чтобы вытащить Фредерику из лап Карлоса нужно что-то посерьезнее. Пак обшарил весь стол и простучал небольшой, самый перспективный участок стены, но так и не нашел тайник с амулетами.

В конце концов не выдержал и вломился в комнату к Бените. Радио как всегда орало так, что уши закладывало, резко пахло травяной настойкой, а сама донна Алварес возлежала на кровати, щелкала подсоленные орешки и по одному забрасывала их в рот. Видимо, Пак был первым человеком, посмеявшимся ворваться в ее комнату без стука и, соответственно, заметивший это пристрастие, больше подошедшее бы женщине-земпри, чем донне.

- Фредерика в беде, - начал он без предисловий, - мне срочно нужны все талисманы и артефакты, что еще остались в вашей семье!

- А кто ты такой?

Первым делом она спрятала орешки под одеялом, затем поправила прическу и села.

- Ваши варианты? - чуть подсказывало, что на жалость и материнские чувства давить не стоит, их у Бениты просто нет. - Подсказываю: я не озабоченный идиот, готовый выложить тысячу галлов за ночь с пугливой неумелой девкой. Зато могу предложить эту же тысячу за нужные мне вещи.

- И информацию о том, как попасть в казематы Братства, - на ухо подсказал Клу.

Известный им вход у университета сейчас охраняет полиция, другой расположен в саду, разбитом вокруг особняка Рубио. Крохотный верж еще смог проскакать через него по веткам, недостижимый для сторожевых теров, а вот здоровяк-земпри ни за что не повторит такой фокус. Да и одного клыка чужого может не хватить на такую ораву.

- Еще мне нужен действующий вход в нижний Эбердинг.

Бенита вытаращила на них глаза, но подниматься и помогать не спешила, будто речь шла вовсе не о ее дочери. Даже если она не поверила Паку, то вполне могла прочитать газеты, в которых рассказывалось о взрыве на территории университета, и связать их с отсутствием Фредди. Секунду помялась, поглядела на протянутую стопку купюр, затем сжала в ладонях, примеряясь к толщине и весу, провела под носом, вдыхая специфический запах и с сожалением отложила ее на стол.

- Фредерика влипла в неприятности с Братством?

И, дождавшись кивка, продолжила:

- Говорила же ей, что мужчин нужно соблазнять, а не пытаться играть с ними на равных. Ну какая из нее революционерка? Ни ума, ни хитрости, ни выдержки. Эх...

После тяжелого вздоха Бенита резко, словно испуганная птаха, сорвалась с места, подхватила деньги и поспешила к кабинету так, что Пак еле успевал следом. Сейчас в полутемном коридоре ее сходство с Фредерикой особенно бросалось в глаза, и от того становилось не по себе.

Нет, младшая Алварес совсем иная. Не внешне, а где-то внутри. Ее огонь не обжигает до костей, а согревает. И если не поторопиться - то он погаснет окончательно и прикоснуться к его теплу уже не выйдет.

Но Бенита и не думала медлить: чуть не снесла дверь в кабинет, затем сдернула со стены большую и подробную карту Эбердинга, без всяких колебаний грохнула стеклом о выступ каминной полки, переступила через осколки и села за стол, сжимая лист в руках. После вытащила карандаш и начала что-то быстро-быстро черкать.

- Мужчины такие идиоты, - вполголоса болтала она. - Они никогда всерьез нас не воспринимают. Притащил красотку в свою спальню, поверил, что она захмелела от двух бокалов игристого и давай болтать. Хвалиться, бросать намеки, а то и забывать на столе зашифрованные послания, пока торчишь в ванной в тщетной надежде оживить своего... Впрочем, тебе до этого еще далеко, а если не будешь злоупотреблять дурными привычками - то еще дальше. Вот.

Ее стараниями на карте появилась целая россыпь меток. Пак быстро оглядел их, запоминая, после уверенно поджег с одного края и поблагодарил донну Алварес.

- Но им четверть века, имей это в виду, - вздохнула она. - Память о бурной молодости, после свадьбы Виктор стал единственным моим мужчиной, и вот он болтать не любил, зато шифровал послания умело, без ключа не разберешь.

Говорила донна с какой-то непонятной тоской, а осунувшееся лицо вмиг состарило Бениту на десяток лет. Впрочем, одумалась она быстро, ловко открыла сейф в стене и вытащила оттуда полную ладонь амулетов, которые вместе с деньгами пихнула Паку. Без единого слова. Затем отвернулась к окну и оперлась на подоконник.

- Спасибо. Я сделаю все, чтобы спасти Фредерику, честное слово.

- Иди уже! - выкрикнула она дрогнувшим голосом. - Живей! Береги Фредди... у нее же ни ума, ни хитрости, ничего. И никого.

Аппараты для связи до сих пор были редкостью в Эбердинге, но власти щедрой рукой расставляли их по всем учреждениям, от чьей работы зависело благополучие столицы и всей республики. Поэтому в каком-нибудь захудалом полицейском участке мог стоять и собственный телеграф, и даже диковинный телефон, а зажиточный горожанин предпочитал по старинке пользоваться услугами почтамта или же контор с посыльными.

К одной из таких и завернул Пак. Его наверняка запомнят, но это такая мелочь по сравнению со всем остальным, что ей можно пренебречь. Первое, что бросилось ему в глаза - заставленный одинаковыми синими велосипедами тротуар. Прохожим приходилось огибать их по узкой каменной полоске тротуара, многие возмущались, за что получали свою порцию ругани от престарелого сторожа. Свогор размахивал тростью, оглушительно дул в свисток и крыл наглых мальчишек такой заковыристой руганью, что Пак невольно остановился послушать.

- Э, не торчи на проходе! - рявкнул на него плотный усатый горожанин. Затем оценил не слишком добродушное настроение и величину кулаков светловолосого приезжего и чуть доброжелательнее добавил: - получишь в нос дверью, а лекари на Первой линии берут немало. Уф, от этих велосипедов одни проблемы, лучше бы вержей гоняли, как раньше!

- А верж на велосипеде доставит в два раза больше посылок и посланий! - дружелюбно подмигнула ему тоненькая девушка с радужными крыльями за спиной. - Свогор желает воспользоваться услугами нашей конторы? - она профессионально подцепила Пака под локоть и потащила внутрь. - Кому хотите написать? Родне? Девушке? Красивой?

- А как быстро послание доберется до адресата? - поинтересовался Пак, с сомнением оглядывая набитую людьми и вержами контору.

В таком хаосе и ворохе бумаг, кажется, могла корова сгинуть, не то что крохотный лист бумаги. Но девушка беззаботно рассмеялась, подвела Пака к окошку, где сидела приемщица и подмигнула:

- И ветер не донес бы быстрее! Слышали же: у нас теперь велосипеды!

- Добрый день! - заученно перебила ее приемщица. - Мы доставим вашу посылку или письмо в лучшем виде и в кратчайшие сроки. Есть разнообразные дополнительные услуги, такие как красивая упаковка, торжественное вручение, романтическое...

- Мне просто нужно отправить послание. Все, - Пак уже начинал нервничать, хотя шальная мысль о лице свогора Сото, когда тому романтически вручат бумагу, заставила невольно улыбнуться. Непрошибаемый дон наверняка сумеет среагировать правильно и шутку оценит. Жаль, что время для них неподходящее.

- Куда? - приемщица сразу поскущела и подвинула ближе сероватый бланк.

- Особое управление, передать следователю Хавьеро Сото лично в руки, - Пак протянул им конверт и пару галлов за доставку.

В конторе сразу же воцарилась такая вязкая и тревожная тишина, будто сотрудники этого самого управления уже прибыли и готовятся арестовать всех присутствующих. Пак же учтиво поклонился обоим девушкам, напомнил про ветер и направился на выход, с сожалением поглядев на велосипеды. Всегда хотел научиться ездить на таком, но уже вряд ли получится.

Сколько там нужно ветру, чтобы добраться до особого управления? Полчаса, может меньше. Еще столько же свогор Сото потратит на переговоры с начальством и хотя бы поверхностную проверку полученных от Пака сведений. Дальше нужно будет собрать людей и подготовиться к большой стычке.

Значит, у Пака есть часа два форы, зато время Фредерики тает с каждой секундой. Солнце уже клонилось к закату, еле пробиваясь сквозь туманную пелену.

- Да, я тоже думаю, что донья уже отошла в чертоги Отца-Защитника, - буркнул на ухо Клу. - Или успела побывать под доброй половиной этого Братства. Так что нам особенно и некуда торопиться, зато как раз успеем сесть на пароход, будем там кутить, лапать девочек, играть в карты... Доберемся до колоний настоящими богачами! Ну то есть ты доберешься, зато я перейду в алый сад Девы Порочной абсолютно счастливым!

- Послушай, у тебя же должны быть какие-то друзья в Эбердинге? - Пак по памяти воспроизвел карту и уверенно зашагал к ближайшему нарисованному Бенитой входу. Всего их было около двадцати, дня не хватит проверить, какие действуют до сих пор. - Давай найдем их, я честно отдам твою долю и вы с другом сядете на Серебряный поезд...

- Налево сворачивай, придурок! - Клу появился на его плече, хмурый и растрепанный. - Там, чувствую, у нас больше шансов пересечься с доньей. И нет у меня никого, больно нужно дылдам возиться с мелочью, с которой ни выпить, ни по бабам сходить.

- Ну у тебя, судя по разговорам, нет проблем ни с тем, ни с этим.

Впрочем, совета Пак послушался. У него самого тоже неважно было с друзьями. Большинство земпри, ровно как и Клу, не могли определиться, придурочный Пак или напротив, слишком умный. Но на всякий случай держались подальше.

- Теперь бери такси, - также мрачно продолжил верж. - Попробуем что-то из северо-западных меток, они мне кажутся самыми перспективными.

* 49 * (Пак)

За время, пока они обследовали три самых перспективных места, солнце спряталось, выпустив вместо себя мириады уличных фонарей. Первый из входов оказался обрушен, второй загородили массивной решеткой, на месте третьего и вовсе разбили пышную клумбу. Клу тоже устал и почти не разговаривал, а Пак решил пройтись до последней в этой части Эбердинга точки.

Дома в северо-западной части считались старичками даже по меркам древней столицы, и в другое время Пак бы с удовольствием побродил здесь, любуясь белым мрамором и статуями, но время поджимало. Сколько там часов осталось до отплытия парохода? Сколько из них понадобится, чтобы найти Фредерику? И в каком та сейчас состоянии? Хватит ли их с Клу способностей и удачи, чтобы найти одну хрупкую донью в подземелье, протянувшемся подо всем городом?

На месте третьего входа был канализационный люк. С массивной чугунной крышкой, покрытой такими же узорами и завитками, как и здания. И веса немалого, при таком не было нужды в замке, но резная прорезь для ключа все равно украшала края обоих выступов. Пак попробовал поковыряться там булавкой, но не смог нащупать отпирающий механизм.

- Уважаемый свогор потерял что-то? - полицейский остановился в нескольких шагах и говорил вроде бы спокойно, с легкой усмешкой. Ну да, не каждый день видишь, как горожанин в пальто за тридцать галлов пытается своровать крышку от люка, которую не продашь и за один, даже если чудом сдвинешь с места.

За спиной у полицейского стоял молодой парнишка с тером на длинном поводке. Спины и бока кабана-переростка покрывала шипастая броня, а челюсть до конца не закрывалась из-за клыков. Пак поймал себя на том, что не отрываясь следит за капающей на дорогу слюной, сразу же мотнул головой и встал на ноги.

- Запонку. Слетела и прямо туда через щель! А мне их мать жены на день рождения всучила, лучше бы я руку потерял, чем эту штуковину!

Оба стража порядка разом расслабились и уставились на крышку. Щель между ней и краями люка в самом деле была, правда, в одном месте и очень тонкая, только монета ребром и проскочит. Или же запонка.

- Здесь за углом живет один ювелир, сделает до завтрашнего дня точную копию оставшейся, твоя донна не заметит подмену.

- Если бы, - вздохнул Пак, - они же магические! От папаши супруги остались, вот ее матушка и подарила мне, как знак того, что в семью вошел.

Полицейский вздохнул, затем забрал у мальчика поводок и отправил того за ломом в ближайшую дворницкую. Тер тут же шумно повел носом и ткнулся в ладонь Пака, а потом заглянул в глаза с настолько человеческим сочувствием, что стало не по себе.

- Да, Оде, ты прав, - потрепал кабана по загривку полицейский. - Одни беды от этих баб. То не дают, то как дадут, что и не знаешь, что делать с таким подарком.

- Это точно, - поддержал его Клу, но видимым становится не спешил. - Говорю же - пошли отсюда, хватит на наш век доний!

- А в Эбердинге хорошо относятся к терам.

Пак так и не решил, как нужно реагировать на монстра, поэтому просто стоял и не шевелился.

- Только патрульные. Каждый день же вместе, а на темных улицах тер полезнее человека: кого не отпугнет внешностью, того вразумит силой.

Кабан одобряюще хрюкнул и мотнул мордой вправо, откуда через секунду появился младший патрульный в компании с дворником. Мужчина хмуро оглядел Пака, выругался сквозь зубы и приподнял крышку ломом и махнул рукой, приглашая свогора лично лезть внутрь. Дева Порочная побрала бы всех древних донов! Как можно додуматься сделать прорези для замков частью украшения?

- И торчать здесь не буду, приду через час и выпущу! - зло бросил дворник. - А вздумашь глупить - вон, им нажалуюсь.

- Лучше жалуйтесь в особое управление, лично свогору Сото. Скажите, что Ува шлет ему привет и интересуется здоровьем его гончей.

Наверное, Паку полагалось бы испугаться или сунуть дворнику пару галлов за беспокойство, но

время и так поджимало, поэтому он коротко поблагодарил, заверил, что если не найдет запонку, то лучше в люке и заночует, после чего бодро пополз по лестнице вниз. Кабан свесил морду ближе прочих и покачал ей из стороны в сторону, будто на самом деле давно раскусил планы Пака, но решил никому не рассказывать.

Клу шумно сопел на ухо, надыхавшись испарениями. С каждым ярдом спуск становился все труднее, свет и чистый воздух постепенно исчезали, как и надежда, что и этот вход не окажется пустышкой. Но до самых сток им спускаться не пришлось: Пак нащупал на одной из скоб едва ощутимую выемку, надавил на нее и перешагнул в открывшуюся рядом нишу, напоследок бросив взгляд наверх, где старший полицейский кричал на младшего и отправлял того в погоню.

Но стоило Паку ступить на плиту тайного коридора, как дверь вернулась на прежнее место, отгораживая его от канализации. Здесь было еще темнее, но воздух стал намного чище. Клу говорил, что ему проще притягивать удачу, чем разбираться в своих ощущениях, поэтому Пак положил руку на стену и на первой же развилке повернул направо. Затем еще дважды направо и вниз по полуразрушенной лестнице.

Чем дальше он уходил, тем светлее становилось. Ярче ли сиял орнамент на стенах или глаза просто привыкали - он не разбирался, только упрямо шел вперед, уже мало рассчитывая на успех.

Кажется, он отшагал целую милю, пока не наткнулся на первого человека, беззаботно бредущего с деревянным ящиком в руках, поверх которого стоял светильник. Пак просто переждал его в боковом коридоре, вне светового круга, потом поспешил дальше, ругаясь про себя за то, что не додумался закрыть глаза и снова почти ничего не видел.

- Эй! Вот здесь ее оставил, - впервые заговорил Клу.

- Уверен?

Комната была совсем крохотной и волняла гнилой картошкой. Фредерики здесь уже не было, как и каких-то ее следов. Зато по ближайшему коридору постоянно кто-то сновал.

- Уверен, вон те выбоины на стене очень специфические.

- И как они собираются править республикой, если даже картошку не смогли вовремя перебрать?

Пак тоже увидел те самые выбоины, тремя полосами наискось, в десяток дюймов длинной, как когтями царапнули. Такие ни с чем не спутаешь.

- Все же идиот, - Клу говорил тихо, себе под нос, так чтобы Пак и слышал, и повода затеять спор не имел. - Притащился в казематы за доньей, которая ему не давала и не даст! Даже Бенита поверила тебе сразу только потому, что второго такого идиота в мире не существует. Другой бы уже воспользовался доньей на все триста галлов, и мамашу бы осчастливил напоследок. Бесплатно. Хотя старая шл...

- Клу, а почему ты не любишь доний? Что-то личное?

Пак спросил едва слышно, а сам осторожно прошагал насквозь оживленный коридор и свернул в одно и самых тихий и темных ответвлений. В котором, к тому же, меньше всего воняло гнильем.

- Личное, ага. Стервы и потаскухи, вот кто твои доньи.

- И ни одной порядочной тебе не попадалось?

- Одна, - верж ответил с задержкой, нехотя. - Работала в госпитале, где лечили всех подряд, в том числе бродяг, пьяниц и не совсем людей. Дружки притащили меня туда с располосованным брюхом. Тогда я был еще высоким, больше ярда. Но в обычной больнице все равно лечить отказались, мол, рожей не вышел и органы крохотные, точно у ребенка. А донна Ионита только прикрикнула на дружков, чтобы держали крепче, вытащила инструменты и начала шить, прямо в приемной. Потом уже сестры прибежали, дали мне подышать каким-то газом, отчего отключился сразу. Но до сих пор помню и боль, и ее сосредоточенное лицо. Бледное такое, а под глазами синева. Представляешь, домой уже шла, после суточного дежурства, а все равно не бросила вержа умирать, решила спасти, хотя и безнадежно почти было. Дальше меня вроде как отпустило, потратил чуток удачи на выздоровление и снова живым себя почувствовал. Проводывать меня ходила, эта донна, дважды в день, как по часам. Разговаривала, смеялась, ругала, что не хочу двигаться и не слушаю медсестер. Я потом выздоровел и вроде как в шутку ухаживать за ней начал. Оно к чему бы донне мелкий верж, конечно, но я своего упускать не привык!

- И?

- И ничего. Подхватила она воспаление лёгких, не лечила ещё, все на ногах и на ногах. А когда все

же сдалась коллегам - шансов выкарабкаться почти не было. Я ходил к ней, поддерживал, уговаривал сесть на Серебряный поезд и ехать к ушшам, но Ионита только головой качала, знала, что не доедет. Вот я и... А потом не стал даже не глаза показываться. Это с ярдом роста смешной, но все же мужчина, а в половину локтя - так, пародия, навроде комнатной собачки.

Ответить на это было нечего. Пак понимал Клу, тоже не полез бы к любимой женщине в таком состоянии. Пусть бы и не бросила, но висеть на ее шее ярмом - тоже испытание. Но не любить из-за этого всех доний разом - перебор! Хотя Пак и сам не слишком-то...

Фредрика выскочила на них сама, точнее неумело попыталась огреть по голове обломком кирпича, так громко охнув при замахе, что Пак успел не только обернуться и перехватить тонкое запястье, но и второй рукой зажать девушке рот.

- Тс-с! Свои! - и отпустил ее только дождавшись утвердительного кивка.

- По голове ее и уходим скорее! - предложил Клу, но Пак только сгреб дрожащую Фредди в объятия и прижал к себе.

Сердце ее колотилось, как у пойманной птички, а тело казалось обледеневшим. Неудивительно, из одежды на Фредерике оказалась только тонкая рубашка, а волосы будто отсырели. Пак сразу же снял пальто, набросил ей на плечи и потом всучил в руки всю связку амулетов.

- Твоя матушка передала.

- Мама? Сама?

Говорила она тихо, неуверенно, но Пак и не слушал толком, схватил ладонь Фредди и потащил дальше по коридору. Надо побыстрее найти безопасный выход и убраться из казематов Братства. Клу затаился и не спешил подсказывать дорогу, а сам Пак с трудом мог наложить карту с метками на пройденный ими путь. Вроде бы здесь недалеко должен быть выход Карлоса, но через него тоже попробуй пробейся. Оставалось надеяться только на удачу маленького вержа и то, что на нее он истратит не так много своего роста.

- А ты знаешь, где выход? - прошептала Фредди. - Я долго здесь бродила - и ничего. Думаю, придется прорываться с боем.

В подтверждение она негромко бряцнула амулетами, но Пак только покачал головой. Сам он неважный боец, чтобы в открытую выходить против нескольких противников, Фредерика же и вовсе изнеженная донья, которая разве что оплеуху отвесить может или коленом в пах, если первое не подействует. Но для начала выход нужно хотя бы найти, а дальше будут думать.

- Нет никакого выхода, всюду опасность! - Клу на секунду мелькнул на плече Пака, потом заорал: - Берегись!

Сразу же из левого коридора выскочила размазанная тень, которую Пак скорее учуял, чем заметил. Но успел только толкнуть Фредерику подальше в темноту, а перед собой выставить согнутый локоть левой руки.

Тень, пахнувшая точно сотня бездомных, ночевавших на виденной ранее картошке, врезалась в него тараном, на ходу выкрутила руку, почти вырвав кости из суставов. После со всего маху приложила Пака головой о стену, затем ещё раз, пока он не потерял сознание.

* 50 * (Пак)

Когда очнулся, голова болела и пульсировала, один глаз заплыл, а руки не слушались. Пак с трудом перевел взгляд направо и только тогда заметил, что его подвесили к потолку за длинные цепи наручников, отчего ноги едва касались пола.

Света в комнате хватало, поэтому Пак без проблем разглядел и пятна крови на своей рубашке, и на совесть сделанное крепление, и саму обстановку, больше подошедшую бы химической лаборатории, чем логову Братства.

- ... Ты собрал записи? - голос был незнакомый, но такой же сухой и безжизненный, как у Карлоса Рубио.

- А кого-то с двумя глазами для этой работы не нашлось? - а вот сам Карлос говорил непривычно живо и зло. - Тем более после взрыва здесь ничего не останется.

- Нашлось. Но не всем здесь я могу доверять. И мы не знаем, какой мощности получится взрыв.

- С этого здоровяка? Да ещё половину коридора прихватит!

О чём идёт речь понять не получалось, но Паку это уже не нравилось. Только бы Фредерика успела сбежать! Кто-то с трудом прошаркал ногами с правой стороны, потом показался в поле зрения.

Карлос действительно лишился глаза, тот закрывала не слишком опрятная повязка, уже напитавшаяся кровью. И сам дон выглядел неважно, будто марионетка, у которой оторвали нити с одной стороны, и теперь левая половина туловища дерганно шевелилась, а правая выглядела мертвой. Он и на ногу почти не опирался, подволакивал ее за собой.

- Подарок от твоей кухни, нравится? - Карлос тронул залитое кровью лицо. Кажется, и сам не верил, что стал калекой.

- Она что-то из своего белья на повязку пожертвовала?

По краю бурой тряпицы в самом деле шли кружевные оборки, но изначально они могли быть и частью мужской рубашки, а то и шторы. Рубио криво усмехнулся и помахал перед лицом Пака цепочкой и пустым креплением, на котором раньше висел клык чужого.

- Эти штуки очень непросто достать, своей кражей ты доставил Братству немало хлопот.

- Я не крал его, нашел в траве. И сразу же вернул бы владельцу, если бы встретился с ним.

- Уже не отдашь. Клык здорово попортился от твоего неаккуратного обращения. Такой вот изъян: больше всего накапливают энергии именно в первом использовании, а ты взял и потратил на ерунду то, что мы собирали больше шести недель.

Кто бы знал, что простое любопытство, приведшее Пака в игорный дом, обернется такими неприятностями. И когда Рубио говорит, что они собирали энергию в клык это значит, что...

- Да, шесть жертв, по одной в неделю, мы почти заполнили клык, остались всего двое, а ты взял и испортил ценную вещь!

- Знаешь, что-то не сходится. Если штука такая ценная и важная, то наполняли бы ее здесь, в убежище, - Пак еще раз попробовал пошевелить руками, но вышло плохо, пальцы казались онемевшими и чужими. - Зачем было рисковать и выходить на улицы, чтобы охотиться на взяточников, когда можно было по-тихому натаскать сюда бездомных или вержей?

- Потому что мы не убийцы, а борцы за справедливость!

В этот момент к Карлосу подошёл второй дон и, не взглянув на Пака, бросил:

- Идём. Совсем скоро порошок разойдется по его крови и все здесь взорвется. Надо успеть убраться подальше.

- Это если расчет нашего профессора верен, толковых испытаний ещё не было.

- Вот и проведем.

Второй дон положил руку на лоб Пака, а после задумчиво растер между пальцами снятую каплю пота. Странный мужчина, на вид вроде как дон, но глаза холодные и неживые. Да и двигался он дерганно, как и Карлос.

Пак же чувствовал, как его начало знобить, а потом бросило в жар. Пот покатился уже градом, но

температура тела все нарастала, глаза казались раскаленными и высохшими.

- Уходим, Карлос, скоро взорвется, - дон потянул Рубио за руку, не удостоив Пака взглядом.

После хлопнула дверь и помещение утонуло в тишине. Пак не знал, что должно взорваться, но судя по ощущениям - он сам. Во рту уже пересохло так, что язык казался опухшим и шершавым, хотелось пить и хоть немного увеличить длину цепи, чтобы стоять на полной стопе, а не только на пальцах. Но подтянуться и забросить тело наверх, чтобы порыться в карманах в поисках булавки или шпильки - стало бы чрезмерным усилием.

Внезапно напряжение ослабло и Пак повалился на пол, зацепив при этом край стола, отчего сверху посыпались листы бумаги с непонятными чертежами и формулами. Руки до сих пор не слушались, поэтому Пак просто перевернулся на бок, чтобы немного разглядеть их. Символы еще попробуй пойми, а вот обведенный кругами горящий человек выглядел вполне однозначно. Но как? Почему? Разве бывает такая взрывчатка, которой можно начинить человека? Впрочем, все равно нет сил читать и разбираться, только безвольно повалиться на спину и попробовать пошевелить пальцами.

- Эй, давай, поднимайся! - Клу появился прямо на носу у Пака и пришлось закрыть один глаз, чтобы разглядеть кроху. Теперь в нем не было и половины дюйма. Глупо спрашивать, куда верж их потратил.

- Вставай же! - он со злостью топнул ногой, затем врезал кулаком. - Надо выпить воды, срочно! Они что-то сделали с клыком, растолкли его и запихнули тебе в рот.

Мысли текли медленно, словно они тоже перегрелись и не могли двигаться быстрее. Но в голове у Пака все сложились в одну цельную картину.

Уле, птичка-артефактолог, рассказывала о свойствах костей чужих, что те могут накапливать в себе энергию. Члены Братства же решили использовать этот новый и весьма эффективный источник магической силы в своих целях. Один за другим они наполняли стилеты энергией своих жертв, чтобы потом использовать их для своих целей. И в процессе этого, вполне возможно случайно, они и открыли новую, совершенно неизвестную разновидность взрывчатки. Дорогую, странную, тем не менее такую, которую можно пронести куда угодно, хоть в спальню к нынешнему президенту республики. Знать бы еще, насколько эта взрывчатка эффективна, но у Пака в любом случае нет шансов поделиться своими измышлениями с кем-либо.

- Уходи, - он еле-еле разлепил губы, чтобы проговорить это. Клу топнул еще злее, но не сдвинулся ни с места, а потом и вовсе сел.

- Знаешь, мне тоже немного осталось. А так хотя бы уйду с честью, рядом с другом. Где-то здесь был спирт, жаль только девок Рубио не оставил...

Пак замотал головой, но вслух спровадить вержа так и не смог, его заволокла темнота.

* 51 * (Фредерика)

Нежданному спасителю Фредерика радовалась недолго: почти сразу Пака оглушили двое странных донов и утащили дальше по коридору. Третий же слепо выставил перед собой руки и пошел на Фредди. Четко видеть ее в такой темноте он не мог, но для больших, по кошачьи отражающих свет глаз хватало и размытого силуэта.

Амулеты рода Алварес тыкались в ладонь, точно крохотные слепые котята. Среди них был всего один боевой, вызывающий слабенькую молнию. Два - помогали не понести нежеланным ребенком, какой-то на время давал сияние коже и убирал синяки под глазами, другой усыплял своего обладателя, последний же дарил невидимость. Выбрать нужный без света, на ощупь, убегая от погони, все равно бы не вышло, поэтому Фредерика располосовала ладонь об подобранный острый камень и шлепнула в кровь все.

Молния сорвалась почти сразу, бестолково ушла в пол и ненадолго высветила этот участок коридора. Но невидимость сработала тоже, потому как дон сейчас водил головой слева направо, пытаясь заметить Фредди.

Если побежит - она погибла. Топот ног, прерывистое дыхание, движение воздуха - все вместе или поодиночке эти признаки ее выдадут. А в силе и скорости странных донов она уже успела убедиться на собственном опыте. Поэтому Фредди прижалась спиной к стене, запретила себе дышать и пропустила преследователя мимо себя. Затем также тихо и осторожно двинулась в противоположную сторону, туда, куда унесли Пака.

Все коридоры казались одинаковыми, приходилось ориентироваться только на звуки и не забывать капать на амулет кровью, иначе невидимость развеется. Под одним из настенных светильников, Фредерика безошибочно отобрала нужный, остальные ссыпала в карман и особенно осторожно обращаясь с метавшим молнию - не хватало еще так глупо выдать себя.

Пока все вроде бы складывалось неплохо, но Пак исчез, уходить без него Фредди не собиралась, но и как отыскать земпри в бесконечном подземелье - представляла слабо. Ситуацию спас Рубио, прошаркавший мимо в компании еще одного дона, смутно знакомого Фредерике. Подлец был еще жив, зато отметина на лице вышла знатная, такую не зашить и не сгладить магией, разве что просить ушшей.

Карлос зашел в одну из комнат и пропал там часа на полтора, а может быть на все восемь или же пятнадцать минут - без света и часов Фредерика полностью потеряла счет времени. Она затаилась в нише неподалеку, села на пол и обхватила колени руками - даже если станет видимой - заметят ее не сразу.

Первыми из комнаты вышли двое заросших донов, огляделись и слаженно ушли дальше по коридору. В полутьме они казались зеркальным отражением друг друга, даже двигались одинаково и шагали в ногу, пускай и дергано, как марионетки. Карлос появился позже, вдвоем с незнакомцем они тащили увесистый портфель и тубусы. Когда проходили мимо, то с одного слетела крышка и откатилась под ноги Фредерике.

Карлос хотел подобрать, но другой дон махнул рукой и приказал поторапливаться, пока не прогремел взрыв.

Фредерика еле дождалась, пока они отойдут подальше и побежала к комнате. Дверь открылась с противным скрипом и на первый взгляд в помещении было пусто. Судя по оставшемуся оборудованию и формулам на доске - лаборатория, в которой часто бывал профессор Медина - уж его почерк сложно спутать с чьим-то еще! Но времени вчитываться и разбираться не было, Фредерика побежала дальше, пока чуть не споткнулась о лежащего на полу Пака.

Судя по синякам и кровоподтекам - земпри избили, не особенно заботясь, выживет он после этого или нет. Но с ним такое уже случалось, нужно только найти клык.

Фредди начала обшаривать карманы, затем случайно коснулась предплечья Пака и одернула руку. Его кожа обжигала сильнее, чем при самой тяжелой лихорадке, сквозь нее уже просвечивали темные вены, но не синеватые, а будто багровые.

- Не старайся, - Клу появился на груди Пака. За этой время верж уменьшился еще вдвое, зато откопал где-то целую колбу спирта. - Ему конец. И мне конец. А ты еще можешь убежать. Давай, шевели ножками, донья! Мы вляпались в это дерьмо ради твоего спасения, так что проживи отмеренное с толком.

Пак тоже мог прожить с толком. Вернулся бы в свою общину, женился на правильной круглолицей простушке, как и мечтал, настрогал с полдюжины детишек, таких же светленьких и глупых, как и положено земпри. А после возил бы их в Эбердинг на праздники и рассказывал о своих

приключениях.

Вместо этого Пак зачем-то полез в подземелье, спасти Фредерику. Будто кто-то просил! Возможно, это была ее судьба - умереть глупо и бессмысленно, также, как и жила.

От выступивших слез все вокруг помутнело, только свет от потолочных ламп разбивался причудливыми звездами. Фредерика со злостью вытерла глаза и подхватила Клу на руки:

- Где клык? Ты видел, куда его спрятали?

- Растолкли в ступе и скормили нашему туповатому дружку. Взрывчатку они испытывают, твари!

Пака же начало трясти, а изо рта полилась кровавая пена. Происходило и еще что-то, чему Фредерика не могла найти объяснение: амулеты в ее карманах раскалились и тоже тихо вибрировали, подхваченные непонятной волной. Худо было и Клу, он скукожился еще сильнее, исчез и появился уже на груди у Пака, свернувшись там калачиком.

Когда-то давно маленькая Фредерика вместе с Агатой катались на лошадях. Сестра прихватила с собой один из отцовский амулетов, просто так, запустить длинную разноцветную молнию в поле. Но стоило капнуть на него кровью, как лошадь испугалась яркой вспышки и понесла. Охранники поспешили следом, а Фредерика осталась искать амулет в траве. Нашелся он быстро, но на хрупкую подвеску-бабочку наступили не то ногой, не то копытом, раздавив в тонкий блин. Сочтя ее уже безопасной, Фредди беззаботно подхватила серебряную цепочку и подбросила на ладони, но когда ловила, проколола палец об острый край.

Молния ударила не слабее, чем у Агаты пятью минутами ранее.

Позже отец объяснил, что амулет - это не просто внешняя оболочка, в первую очередь это вложенная в него магия. Поэтому даже сломанным он какое-то время продолжает работать, пока чары окончательно не развеются.

Фредерика резко разжала ладонь, чтобы края раны разошлись и начали сочиться кровью, затем подогнула пальцы и вылила скопившееся в рот Паку. Затем вскочила, нашла нож, углубила рану, и когда кровь полилась уже сплошным потоком снова села у головы земпри.

- Исцели. Я знаю, ты меня слышишь и уже делал такое. Исцели. Пусть последним делом, которое сотворят с помощью твоей магии, будет что-то хорошее.

Разговаривать с амулетом было глупо, но Пак едва дышал и не глотал кровь, она стекала по сторонам от его лица, придавая тому совсем уж страшный вид. Мышцы его меж тем продолжали сокращаться, а кожа нагревалась все сильнее.

- Исцели, прошу, исцели, - бормотала Фредди, хотя и видела, что это бесполезно.

Но и уходить, бросив Пака и Клу здесь - было выше ее сил. Да, команда из них вышла так себе, но другой у Фредерики не было. Значит, нужно собраться и попробовать спасти Пака, возможно, если дать ему побольше угля... Отец-Защитник, почему она не вспомнила об этом раньше? Или это глупо? Пак и глотать-то не может, как его накормить углем? И натянёт ли тот частицы клыка чужого также, как натягивает слабые яды?

Дверь скрипнула где-то там, очень далеко, как и гроыхающие по полу шаги раздавались не здесь. Здесь Фредди все еще пыталась спасти одного бестолкового земпри, которому вообще не следовало приезжать в столицу.

Потом кто-то поднял ее на ноги и потащил прочь из лаборатории, не слушая возражений. Фредерика пыталась сопротивляться, ударила похитителя пару раз, но успокоилась только за дверью лаборатории, в той самой нише, когда ее оглушило взрывом, а из чернеющего проема вылетели обгоревшие со всех сторон листья.

- Возьми себя в руки, Алварес! - Ник тряхнул ее и развернул лицом к себе. - Его нельзя было спасти, а нам нужно сделать одно дело и уходить. Псы из особого управления уже пробрались в наше убежище, но если все сделаем правильно, то и сами спасемся и заполучим тебе место в Братстве. Кое-кому из корней очень нравятся такие решительные доньи.

Фредди же мотала головой и уже не старалась вытереть слезы. Из лаборатории ощутимо тянуло гарью и разлитыми химикатами, а амулеты в карманах рассыпались на части, как сделанные из песка.

* 52 * (Фредерика)

Ник уверенно шел по коридору, что-то путанно рассказывая о Братстве, но Фредди его не слушала, не хотела слушать.

Братство, борцы за правду и свободу, герои детства... На деле же - шайка ублюдков, для которых человеческая жизнь не стоит ничего. Скольких земпри или обычных бродяг они уничтожили ради своих экспериментов? А теперь и Пака. Безобидного зануду и настоящего афериста, который, тем не менее, по своей воле не преступил бы закон.

- Ты слушаешь меня? - Ник поймал ее за руки и развернул к себе. - Здесь уже полно полиции, на тебе - одежда члена Братства и любой из пойманных донов без колебаний укажет, что Фредерика Алварес прошла ритуал посвящения. А это расстрельная статья!

- Сам меня туда затащил! - она вырвалась и попыталась наотмашь ударить Медину, но рука впустую рассекала воздух. Ник двигался быстро и профессионально, а Фредди несмотря на все уроки, так и осталась дилетантом.

- Извини, выбора не было. Либо провести тебя через ритуал посвящения, либо отдать Карлосу для его опытов. Видела, каков эффект? Точно от динамита, но принятый порошок не сможет обнаружить ни один тер, ни одна служебная собака или тщательный досмотр! Идеальное оружие для диверсий.

Неровный свет газового фонаря придавал глазам Ника еще более болезненный блеск, чем обычно. Рассказывает будто о новом химическое соединении, а не о жизни человека.

- Вовсе не надо было тащить меня сюда! - вспыхнула Фредди. - Подумаешь, хотела сбежать через казематы на пару с земпри с просроченным разрешением. За такое не расстреливают, а неделя в тюрьме все лучше вот этого!

Она обвела рукой пространство вокруг, но профессор сразу же скрутил Фредерику и потащил дальше.

- Тебя бы убили в тюрьме. Кто-нибудь из людей Карлоса, знаешь, сколько полицейских работает на него? Нет, Алварес, спастись ты можешь только рядом со мной. Совсем скоро мир изменится, Братство возьмёт положенную ему власть, а мы сможем жить ни от кого не скрываясь. Представь, все имущество Алварес вернётся в вашу семью, тебе больше не придется думать о деньгах или ходить на работу, сможешь снова блистать на балах, выйдешь замуж.

- Ещё скажи - за тебя!

- Все равно придется выбирать кого-то из Братства, - он говорил об этом как о давно решённых вещах. - К тому же это было последней волей моего отца. Я все тянул время, надеялся, что ты найдешь себе другого мужа, но сейчас вижу, насколько это было глупо. Если рядом разгорается пламя, то нужно либо бежать подальше, либо попытаться его укротить.

Ник поставил фонарь на пол, запустил пальцы в волосы Фредерики, вынуждая ее задрать голову вверх. Наклонился к самым губам, но не поцеловал, а просто провел по ним пальцем, очерчивая контур. Зря, очень зря. Настроя Фредерики как раз бы хватило откусить профессору кончик языка. Она и так попыталась двинуть его в пах, но Ник перехватил ее ногу и медленно повел по бедру вверх, наслаждаясь трепыханием своей жертвы.

- Какая же ты... кружишь голову, лишаешь воли. Пожалуй, за такую женщину и умереть не стыдно, завидую немного твоему "кузену". Кем он был, Алварес?

- Тем, кто умеет у огня просто греться, а не норовит сразу же перетащить в свой камин или затоптать ногами.

Фредди все же извернулась и пнула Ника по голени. Он охнул от неожиданности и на мгновение ослабил хватку. Этого Фредерике хватило, чтобы отскочить в сторону и выставить перед собой руки:

- Не трогай меня!

Рукава пальто свисали с кистей, а полы путались под ногами. Какой же Пак все же высокий. Был...

Глаза снова наполнились слезами, и Фредди подпустила Ника слишком близко. Тот без церемоний схватил ее за плечо и потащил дальше, к ещё одной массивной лабораторной двери.

- Не вздумай глупить! Там семь бочонков пироглицерина, толкнешь нечаянно, и взрывом нас раскидает по всему коридору.

После он открыл дверь ключом и втолкнул Фредрику внутрь. А чуть дальше по коридору слышались крики полицейских.

- За шкафом есть другая дверь, выйдешь через нее, отсчитаешь третий поворот налево и за ним быстро найдешь подъем наверх. Дальше - спрячься как следует, и жди. А я пока отвлеку полицию.

Он тряхнул связкой амулетов, прихватил фонарь и побежал туда, где раздавались голоса. Фредрика прикрыла дверь и огляделась. Здесь было холоднее, чем в остальном подземелье и шумно ворочали лопастями вентиляторы. Иноземное изобретение, которое только-только начало завоёвывать Ньюол, как и электричество, появившееся пару лет назад.

Кроме тех самых бочонков в лаборатории хранилось ещё множество реактивов, расставленных вдоль стен в различных ёмкостях. Фредрика обошла бочонки со всех сторон, приоткрыла один и устала на желтоватые шарики. Раньше она видела пироглицерин только маленькими порциями, в университете. А здесь его было так много, что хватит подорвать дворец правительства или же половину здешних катакомб. Может, Ник послал ее сюда именно за этим? Чтобы Фредрика перед уходом расставила бочонки поближе к двери и обеспечила полиции теплый прием?

Но он так и не узнал свою помощницу. Фредди закатала рукава повыше и влила в бочонок доверху воды, затем присыпала двууглекислым натрием из большого мешка. Смесь зашипела, точно злая кошка, и вздулась шапкой пены. Насмотревшись, Фредди повторила это со следующей ёмкостью.

В роду Алварес ещё не было террористов, которые без раздумий взрывают невинных людей. К моменту, когда скрипнула дверь, Фредрика успела непоправимо испортить три бочонка со взрывчаткой.

- Чем это занимается наша донья? - рявкнул на нее незнакомый огненно-рыжий мужчина с повязанным на бедрах лабораторным халатом.

Фредди устало подняла на него взгляд, но сбежать не попыталось, не было больше сил. К тому же на плечо рыжего опирался потрёпанный, но живой Пак.

* 53 * (Фредерика)

Он с трудом дополз до раковины и подставил ладони под струю воды, затем долго умывался и полоскал рот, пока вода не стала кристально чистой, а с лица не исчезли последние капли крови.

Фредерика смотрела на него и не могла до конца поверить в происходящее. Ведь взрыв был, она его слышала, и вот Пак здесь и вроде бы даже не особенно пострадал. И ещё где-то обзавелся этим рыжим помощником, который сейчас ворошит содержимое шкафа в поисках одежды.

- Проклятые доны, ни еды нет, ни штанов! Деву Порочную им в жены!

- Тебе просто похудеть бы малость, - Пак отдышался и сел на один из столов.

- Ничего, за месяц-другой растрясу жирок, не впервой!

Земпри устало махнул на него рукой и прикрыл глаза. На его скулах до сих пор алел румянец, а на щеке вздулось и уже лопнуло несколько волдырей от ожогов, но все равно Пак выглядел лучше, чем полагается живой взрывчатке после детонации.

- Ты живой? - Фредди подошла к нему и взяла за руку. Кожа горела, но уже не лихорадочно, а как при обычной простуде.

- Сам до конца не понимаю, - он улыбнулся. Слабо и открыто, как и всегда, отчего сразу же стало ясно - это тот самый Пак Ува, не его магическая копия и не оживший мертвец.

- А так понятнее будет?

Фредерика оперлась коленом о низкий стол и поцеловала Пака. Пальцы сами собой зарывались в его волосы, а дыхание стало таким частым, будто весь воздух в комнате успел закончиться. Это совсем не походило на их прошлый поцелуй в подворотне, в этот раз все было острее, ярче, и вместе с тем - осторожнее в сотню раз. Фредерика боялась навредить только-только очухавшемуся земпри, а он - донье, которая половину суток торчит в подземелье у Братства.

- Э-э-эй! - рыжий появился рядом и помахал рукой. - Я, между прочим, тоже еще не все про себя понял, но ни с кем не целуюсь. Нашли время! Надо заканчивать с делами и уходить отсюда!

- А это кто такой? - шепотом спросила Фредди, разглядывая странного типа. Кого-то он ей определенно напоминал, но пойдти вспомни - кого. Тем более лабораторный халат и широченный синие штаны здорово сбивали с толку.

- Она меня не узнала? - рыжий хлопнул себя по коленям, затем расхохотался. - Вот бессердечная стерва! А ведь мы провели вместе незабываемый вечер! Ну же, давай, соберись! Просто убери у меня несколько дюймов роста...

- Клу? Ты в самом деле Клу?

В самом деле если чудесным образом растянуть крохотного вержа до размера обычного мужчины, вышло бы что-то такое же рыжее, наглое и мохнатое. В подтверждение он подмигнул и прищелкнул пальцами.

- Но как? - Фредерика подошла ближе и дернула его за край бакенбард.

- Дева Порочная знает! Я вдруг почувствовал, как магия во мне рассыпается и уходит, думал, уж конец, побегу по подземным садам, а тут раз - открываю глаза и лежу вот на этом бугае! То еще ощущениеце.

- Лежать под вот этим бугаем, - Пак с трудом встал, но от предложенной Фредерикой руки отказался, - тоже незабываемо! Но я был так рад, что вообще очнулся, что решил не думать о возможных переломах ребер и лице моей матушки, случись ей увидеть сына в таком состоянии. Дальше мы кое-как встали на ноги, нашли одежду для Клу и поплелись за вами с профессором, благо вы так кричали, что потерять было сложно. Сейчас давай переведем дыхание и уходим отсюда.

- Куда?

Фредди обессиленно села рядом с ним и поняла, что снова встать на ноги больше не сможет. Точнее, сейчас встанет, испортит последние бочонки со взрывчаткой и больше не поднимется никогда. И пусть ее хватают члены Братства или сотрудники особого отдела, ведут куда угодно, убивают, насилуют, лишь бы дали отдохнуть немного.

- На паром, мы уплываем в колонии, - Пак с трудом поднялся на ноги, затем подтащил канистру с

водой и пакет натрия к следующему бочонку и повторил действия Фредерики.

- В колонии? Но мне же нужно собраться, предупредить матушку...

- Оттуда и напишешь письмо. А потом и заберешь ее к себе, когда устроишься на новом месте.

Земпри на пару с Клу закончили с делом в считанные минуты, после верж полез дальше потрошить шкафы, а Пак опустился на колени напротив Фредерики.

- Мы в не самом лучшем положении, зато живы и относительно здоровы. Я знаю, тебе страшно, но и мне страшно и даже нашему дружку-Клу тоже страшно. Но другого выхода нет, здесь мы покойники. Думаешь, особый отдел или Братство дадут нам спокойно жить после всего этого?

Фредди замотала головой, даже не пытаясь смахнуть выступившие слезы.

- Или беги отсюда, - продолжил Пак. - Найдешь своего профессора, расскажешь, что это мы с Клу испортили взрывчатку, возможно, найдешь свое место в Братстве. Вдруг у них в самом деле выйдет захватить власть, настроены-то серьезно.

При упоминании Братства в ее мыслях сразу же возник куст терновника, росший под окном, долгие разговоры друзей матушки, детская вера в чудо и возвращение к старому порядку, блеск в глазах профессора Медины, длинные белые полосы на спине Пака... Прекрасный старый мир, равенства и счастья в котором было еще меньше, чем в нынешнем.

Надо же, за столько дней она ни разу не поинтересовалась у земпри, что тот думает об империи, скучает ли по ней, мечтает ли вернуть или же втайне точит кол, чтобы с ним идти на бывших донов, если те решатся снова поднять голову.

- Пусть захватывают, но без меня, - Фредерика неуверенно вложила пальцы в ладонь Пака и улыбнулась. - И там, в колониях, наверняка много распутных девиц, которые потащат тебя смотреть их спальни, честная кухня не должна бросать своего братца им на растерзание.

* 54 * (Хавьер)

Отряды особого управления ворвались в казематы спустя два часа после того, как Хавьер получил анонимное послание. Но и это оказалось слишком долгим сроком: члены Братства успели покинуть убежище, оставив после себя множество ловушек и странных, не похожих на живых, людей. Хавьеру случилось схлестнуться с одним из таких в узком коридоре. Противник двигался быстро, бил сильно, но ловкости и уверенности в движениях ему не хватало. А когда Хавьер прикоснулся к руке мужчины, то не увидел ничего, кроме серого тумана. Не было ни чувств, ни воспоминаний, ни мыслей. Казалось, кто-то из Братства прознал о тайных способностях Сото и подготовился.

Зато один из отрядов поймал Николаса Медину. Подлец ухитрился серьезно ранить двоих, пока его не скрутили. И после чуть было не дотянулся до капсулы с ядом, защитой в воротник, но парни из боевого отряда не зевали и не дали ему такой возможности.

Хавьер пришел в импровизированную допросную намного позже, когда лично осмотрел большинство помещений. Братство устроилось здесь с размахом: пару десятков жилых комнат, несколько залов для собраний и посвящения новых адептов, химические лаборатории и небольшой цех по производству пироглицерина, а после и полноценной устойчивой взрывчатки. Когда его обнаружили, Хавьер отдал распоряжение передвигаться по подземелью с особой осторожностью и тщательно проверять двери, которые хотят открыть.

Но ловушек со взрывчаткой им так и не попалось. Не успели ли их построить, или же не посчитали нужным рушить свое бывшее убежище, кто знает. Кажется, в Братстве до последнего не верили, что особое управление прознает об этом месте. Да, их предупредили, поэтому поймали немногих, но потеря и одного из убежищ - удар по Братству. Жаль, что Пак Ува в своем послании не сдал осведомителя, тот наверняка был бы полезен в дальнейшем расследовании.

Но Хавьер бы тоже не сдал. И искренне надеялся, что невезучий земпри целым и невредимым выберется из этой передраги. По крайней мере его тела до сих пор не нашли, как и останков Фредерики Алварес, что вселяло некоторую надежду.

А вот Нику не так повезло. При задержании ему неслабо досталось: плечо опухло, как выдернутое из сустава, по лицу расплывались синяки, а из разбитого носа текла кровь. Хавьер с интересом разглядывал бывшего однополчанина и вертел в руках серебряную монету. Из тех самых, что достались Нику от бедолаги-Морено.

- Значит, и в смерти не отступаешь от своих убеждений, - Хавьер выложил монету на стол вместе с перчаткой, в которой Медина ее и прятал.

- Ты-то и в жизни предатель, Алекс. Не думаешь, что твое место по другую сторону баррикад?

- Не думаю, что Эбердинг вообще заслужил баррикады.

Такое тусклое серебро, потемневшее от долгого использования и чуть примятое с одного края. И абсолютно чистое в плане истории. Хавьер смог увидеть только короткий фрагмент, где Ник кладет монету в перчатку, до этого - пустота.

- О да, - криво ухмыльнулся Медина, - уже слишком многие знают о твоём даре и подготовились к встрече. Тем не менее ты опасен для Братства, Алекс, поэтому береги спину, однажды в нее может вонзиться стилет.

- Такова уж жизнь в столице, что ничья спина не может чувствовать себя в безопасности. Могу поспорить, и твои жертвы не рассчитывали проститься с жизнью так скоро. Сколько из них пало от твоей руки? Думаю, не так и много. Вашим предводителям выгоднее было бы запятнать кровью руки каждого. Отсюда такие ритуалы посвящения и жеребьевка тех, кто нанесет удар. Мы нашли часть документов, списки жертв и исполнителей, правда, пока только под прозвищами. Но ты, надо думать, "Пиро", потому что в день убийства Морено была именно его очередь. Странно то, что имя жертвы отмечено иное. Ты сам изменил его, выбрав инспектора, шедшего пятым пунктами дальше. И все из-за этой девушки, Фредерики Алварес? Увидел, что она идет на встречу с продажным инспектором и решил спасти ее от необдуманных действий?

По мере того, как Хавьер говорил, Ник все сильнее сжимал кулаки и напрягался. Но в последний момент из него будто выпустили пар:

- Фредерика моя студентка, наши родители договорились о браке еще до революции, но потом империя пала, мой и ее отцы погибли, договоренности потеряли силу. Понятия не имею, о каких преступлениях ты толкуешь, Алекс.

- Мы нашли свидетелей и достаточно улик, чтобы из-за решетки ты не вышел. Подумай об этом. А еще о том, что за простые убийства ты бы мог отделаться каторгой, а вот за веточки терновника

будешь расстрелян в кратчайшие сроки.

- Тогда какая разница, как сдохнуть? Дай мне сделать это самому, как и подобает дону и офицеру! - он подскочил на месте и схватил со стола монету. - А тебе достанется счастье. Пускай купленное, зато настоящее!

Конвоиры резко вскинули дубинки и двинулись на Медину, но Хавьер жестом остановил их. Никогда не любил лишнее насилие, как и показуху.

- Как дону и офицеру тебе подобало бы не втягивать в это дело Алварес. А если твоя несостоявшаяся невеста попала в сложную ситуацию, то ей следовало бы помочь обычным и законным способом. Но ты вряд ли думал об этом, Ник. Как и всегда: порыв, вспышка, безрассудство. А в результате потерял тот самый клык чужого, который помогал тебе и прочим убийцам скрываться от нюха гончих, попался на глаза Фредерике и совершил еще множество ошибок. Теперь мы здесь, а ты закован в цепи.

- Ты плохо знаешь Фредерику. Так или иначе она бы все равно влипла в историю, я только задал этому правильный вектор.

Хавьер не удержался от легкой улыбки. Фредерику Алварес он в самом деле знал очень плохо, видел раз или два еще до революции, на приемах в их доме. Тогда донья была нескладным подростком, глядела на всех испуганно и хвостиком ходила за старшей сестрой. Агата Алварес считалась завидной невестой, к ней даже сватался один из младших братьев Хавьера, поэтому то и дело получала приглашение на танец. А младшая тогда оставалась стоять возле стены, нервно теребя веер. И вот эта девчужка спустя семь лет смогла вскружить голову самому Нику Медине?

- Слышишь? - Хавьер чуть склонил голову. - Взрыва все нет. Мы нашли комнату с пироглицерином, но кто-то уже успел его испортить. Боюсь, что ты тоже плохо знаешь Фредерику Алварес.

Ник спрятал лицо в ладонях, но больше не произнес ни слова. Пускай. Впереди еще много-много времени, а в изоляторе особого управления спрашивать умеют.

Хавьер собрал бумаги, попрощался и покинул допросную.

По темным коридорам уже расхаживал свогор Кроу, прибывший лично посмотреть на пойманных членов Братства. Тех пока было немного, большей частью - новички или же те же утратившие разум "куклы", которые в какой-то момент резко перестали сражаться и попадали на пол в бессознательном состоянии.

- Марионетки, - Кроу поднял одному из таких веко, затем перешел к трясущемуся от страха новичку, - или пушечное мясо.

Парень задрожал еще сильнее, но сжал челюсти, как знак, что болтать не собирается. Вряд ли его решимость продержится долго, но к тому времени другие члены Братства успеют уйти далеко. В тот же нижний Эбердинг, который по слухам больше верхнего - всех сил особого управления не хватит обыскать каждый дюйм.

В дальнем конце коридора жались друг к другу полуголые земпри и потерявшие дом свогоры, один из них рассказывал что-то полицейскому и тыкал себя в грудь.

- А свогор Алварес успела отметить и здесь, - продолжил Кроу. - Ее хотели провести через ритуал посвящения, но Фредерика полоснула своего провожатого ножом и сбежала. От нас ушла, от членов Братства ушла, от Медины тоже ушла - уникальная девушка! Найти бы ее. Заодно того, кто не побоялся сунуться в логово подпольщиков ради ее освобождения.

В завершении он коротко кивнул Хавьеру, намекая, что эти слова стоит воспринимать, как приказ.

- Но помните, что скорейшая поимка верхушки Братства важнее погони за девчонкой, - закончил Кроу. - Достаточно будет убедиться, что она не причинит нам новых неудобств. Думаю, ее следует поискать на вокзале или в порту.

Хавьер кивнул в ответ и поспешил к ближайшему выходу из катакомб. Ирр быстрой тенью скользила рядом, но не приближалась и не разрешила подставить ей локоть. "Профессионал, а не просто девушка", а сама скорее охраняет Хавьера, чем яростно исполняет свой служебный долг.

Ирр буквально взлетела вверх по ржавой лестнице, после припала к земле и обнюхала там все.

- Не было их здесь, наверное дальше вышли.

- Это неважно. Свогор Кроу прав, у них нет другого выхода, кроме как попытаться бежать из страны. Не мы, так Братство достанет двоих, что нанесли им такой удар.

- И ты будешь стрелять в них?

"И тебе приказано убить их?" - читалось в ее глазах. Отвечать Хавьер не спешил, без лишней спешки добрался до своего автомобиля и открыл дверь, приглашая Ирр забраться в салон. Она колебалась несколько секунд, затем прыгнула внутрь и уже привычно поджала под себя ноги.

- Не надумала работать в особом управлении? - заговорил Хавьер только на широком проспекте, когда получилось набрать скорость.

- Что спрашиваешь постоянно? - она насупилась, точно птичка, и пойдя пойми, что ее обижают в этом вопросе.

В особом управлении у Ирр была бы более высокая зарплата, хорошее служебное жилье и возможность получить статус свогора через какое-то время. Но гончей явно хотелось не этого.

- Волнуюсь за тебя.

- Платье бы лучше подарил. Зелёное.

- Подарю. И если ещё в чем-то нужна будет помощь - только скажи.

Она серьезно кивнула, затем передвинулась и обняла плечо Хавьера в своей привычной манере: со стороны покажется, будто прилипла всем телом, а на деле же едва касается и ничуть не мешает управлять автомобилем.

В портовой зоне всегда было сложно найти место для автомобиля, но Хавьер и не особенно торопился. Кажется, пароход должен вот-вот отплыть, а до причала ещё идти порядком. Ирр нервничала и первой выскочила из автомобиля, а потом понеслась так, что Хавьер еле успевал за ней.

Несмотря на ранний час, людей здесь было столько, что бежать не получалось, только двигаться вместе с потоком. Но гончая все же не человек, она вскочила на сколоченный из досок парапет и понеслась прямо по нему, балансируя над водой. Река здесь такой темной, мутной, а ещё такой холодной, что шансов выплыть на берег, если упадешь вниз и никто вовремя не вытащит - немного.

На Ирр шикали, призывали одуматься, пытались стащить, но схватить пряткую и ловкую гончую у обычного человека не было шанса. Хавьер отстал от нее так безнадежно, что определял местоположение Ирр только по возмущенным и испуганным крикам. Более или менее просторно оказалось только на том причале, от которого отчаливал теплоход в колонии. Если здесь кто и мелькал, то только портовые работники и парочка журналистов.

Сам корабль с двумя трубами уже подцепили буксиры, чтобы вытащить в фарватер, где "Дева Стремительная" пойдет своим ходом. Расстояние до причала пока было небольшим, Хавьер не сомневался, что начни он махать значком и кричать, его заметят. А ещё, что Ирр легко доплывет, а то и допрыгнет до теплохода, но вместо приказа для гончей, он едва заметно кивнул двум темным фигурам, замершим на верхней палубе, положил руку на середину груди, затем охнул и тяжело привалился к ограждению.

- Тебе плохо? - Ирр почти сразу оказалась рядом, чтобы подхватить Хавьера под руки.

- Сердце, - с хрипом произнес он и указал на карман.

Гончая быстро вытащила оттуда коробочку с таблетками от которых шел запах ментола. Хавьер задохнулся одну под язык и прикрыл глаза, из-под ресниц наблюдая за отплывающим теплоходом. Как только выйдет в фарватер, отзываться его станет опасно - колонии могут и обидеться за задержку рейса. А влезать в политику ради пары беглецов не стоило.

Ирр быстро все поняла, а может и услышал ровный стук сердца Хавьера, потому как наигранно нарезала рядом круги, махала платком и отгоняла излишне любопытных сотрудников порта и журналистов. Потом и вовсе вытащила из кармана Хавьера значок следователя и распугала им всех. И только час спустя, когда они снова сидели в машине, решила спросить:

- Что же теперь с тобой будет? Свогор Кроу...

- Если бы хотел остановить эту неугомонную парочку - лично связался бы с начальниками порта и вокзала, чтобы задержать весь уходящий из Эбердинга транспорт. Но и просто так отпустить их не мог, кто-нибудь бы донес в отдел внутренних расследований. Поэтому и отправил в погоню старого ветерана с больным сердцем.

- Как Дон Паук держит у себя дворецкого с большими коленями?

- Сама же говорила, что доны глупые, вот, даже поступают одинаково.

Из всей дороги в порт Фредерика запомнила только спешку и мелькающие за окном пятна домов. А еще - тесный магазин готовой одежды, где они покупали себе вещи. Хватали все подряд, почти не глядя, лишь бы размер примерно совпадал. Только на улице Фредди заметила, что купила желтую блузку под красный клетчатый костюм и со стороны это, должно быть, выглядит ужасно. Зато Пак с его любовью к ярким цветам полностью одобрил и обнял ее в утешение, хотя сам подобрал себе все только серое и невзрачное.

Дальше они снова как одержимые неслись в порт, а после бежали по нему, прорываясь через толпу. Клу отстал по пути, но возле самого трапа догнал их, держа за руку незнакомую Фредерике донну. Пассажиры уже заканчивали посадку, они вчетвером оказались последними и чуть не задержали рейс, а еще стюарды не хотели пускать на борт четырех оборванцев без багажа, но Пак на ходу сочинил глупую историю о его несчастной и запретной любви к богатенькой кузине, и тайном побеге возлюбленных.

Фредерика от стыда и смущения опустила взгляд, но сама еще крепче сжала широкую ладонь Пака и незаметно прислонилась к нему ближе. Видимо, это убедило стюардов надежнее рассказней, а перебравшиеся к ним купюры по десятке галлов окончательно перевесили все сомнения. Тем более билеты с правительственными вензелями были в полном порядке, а что там с личными документами - пусть разбирается полиция колоний. Если возникнут проблемы, то бескрайние поля и прииски всегда нуждаются в рабочих руках.

Все эти мысли пронеслись в голове, пока они поднимались по трапу, затем на верхнюю палубу, попрощаться с Эбердингом. Солнце еще лениво поднималось над горизонтом и почти весь город прятала туманная пелена. Фредди заметила лишь очертания адмиралтейства, башни императорского дворца и шпиль своего университета, от которого так близко до родного дома.

А ведь Фредерика никогда не покидала Эбердинг, даже не думала об этом. Сейчас же за считанные часы вдруг решила поменять свою жизнь, сбежать от матушки и того, что осталось от рода Алварес. Да еще так, без документов и денег, в неизвестность, с земпри...

Когда от слез защипало глаза, Фредерика прижалась к этому самом земпри и позволила себя обнять. "Дева стремительная" как раз пришла в движение, увлекаемая буксирами к устью реки. Пассажиры радостно загомонили, от громкого гудка заложило уши, а Фредди впервые заметила на причале две фигуры.

Сыщик и его гончая.

Стоит им вмешаться, как все пойдет прахом. Но Хавьер Сото остановился и ухватился за сердце, а девчонка верж сразу же подскочила к нему. А скоро расстояние до причала увеличилось настолько, что и самый сильный верж бы не допрыгнул.

Окончательно Фредди успокоилась только тогда, когда "Дева" на малом ходу встала на курс и пошла в сторону моря, каждым поворотом гигантских винтов обрубая нити, что связывали сумасшедшую четверку беглецов с Эбердингом.

- Мне страшно, - тихо призналась Фредди.

- И мне, - признался Пак. - Но перед нами теперь целый мир и множество дорог, найдем среди них и нашу.

- Или повеселимся, как следует! - Клу и его донна тоже подошел к борту, чтобы разглядеть удаляющийся город. - Всегда мечтал выбраться из этой дыры: постоянный туман, сырость, плесень, а налоги такие, что у-у-у...

- Я тоже, - тихо проговорила его спутница. - Тем более в колониях хороший врач никогда не останется без работы. Как и толковый бухгалтер, - она подмигнула Клу, - земледелец или химик. Простите, Луис немного рассказал о своих друзьях, пока мы бежали к трапу. Еще болтал, будто вы втроем успели крупно насолить Братству терна, но он всегда любил преувеличивать.

Фредди быстро переглянулась с Паком, затем уставилась на растворяющийся в тумане город. Возможно, донна и права, мир ведь не ограничивается Эбердингом, а жизнь все равно лучше смерти. Рано или поздно членов Братства поймают, тогда можно будет и вернуться домой, если захочется.

Пак все еще обнимал Фредерику и ободряюще улыбался. А когда она чуть прикрыла глаза, склонил голову и поцеловал.

Отец-Защитник, да они втроем в самом деле нанесли серьезный удар Братству терна, за которым

долго и безуспешно гонялась полиция, неужели не смогут найти себе местечко для тихой и спокойной жизни?

Некоторое время спустя...

Сегодня Хавьер был в том самом непонятном настроении, которое случалось с ним каждый раз в день визитов к Дону Пауку. С одной стороны встреча со стариком его радовала, но с другой - выводила из себя. А в этот раз Сальватор будет свирепствовать сильнее обычного, ведь Хавьер вез ему новую помощницу.

Девушка сидела в машине очень тихо, сложив длинные рукава платья поверх небольшого саквояжа с вещами, и не разговаривала, в отличие от Ирр. Но та сегодня чувствовала себя плохо и отказалась выходить из дома, даже ради поездки к самому настоящему дону.

На перекрестке, стоило только остановиться, в окно нагло просунул голову уличный мальчишка и предложил газету. Хавьер выдал ему пару монет и хотел было отбросить желтоватые листы на заднее сиденье, но заметил один занятный снимок под громким заголовком: "Брачная ночь с винтовкой: молодожены задержали главаря одной из самых известных банд южного побережья". Сзади уже злобно гудели клаксоны, но Хавьер все равно приблизил к глазам снимок. Парочка людей на нем была изображена в полный рост, а девушка так и вовсе отвернулась, но фамильный профиль Алварес трудно спутать с каким-то другим, как и нахмуренные брови Пака Ува.

- Дева Благодная, они и там отличились, - пробормотал Хавьер и все же отбросил газету.

- Знакомые? - проговорила спутница и по-птичьему склонила голову набок, а после потянулась и неловко зажала газету между спрятанными в рукавах крыльями. - Я как будто видела раньше этого дона.

- Вполне возможно, это он попросил найти для вас работу артефактолога.

- Замечательный человек, значит. А профессор Сальвадор Калво точно нуждается в помощнице?

- Он погибает без нее. А у вас самый высокий балл из всех, кто пришел на собеседование. Но если старик будет изводить слишком сильно - дайте знать, найду работу в особом управлении.

- Значит, это судьба и у него нет ни единого шанса известить меня.

Уле улыбнулась так широко и уверенно, что Хавьер и сам поверил - старому Пауку придется смириться с новой помощницей и тем, что она далеко не донья.

Конец